

АЛТАЙ

1977

2

**АВТОРЫ
ЭТОГО
НОМЕРА**

Светлана Михайлова

Михаил Анохин

Владимир Марченко

Валентина Тимофеева

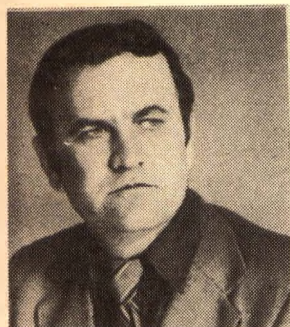
Георгий Рябченко

Михаил Прокопчук

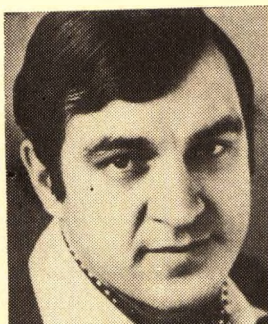
Ида Шевцова

Владислав Козодоев

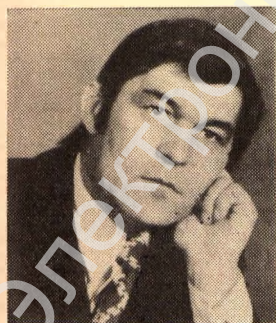
Иван Назаров

Евгений Скворешнев

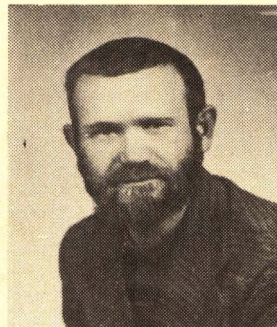
Дмитрий Шарабарин

Альберт Нестеренко

Евгений Вязнец

Александр Родионов

**АВТОРЫ
ЭТОГО
НОМЕРА**

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXIX

№ 2 (81) 1977

СОДЕРЖАНИЕ

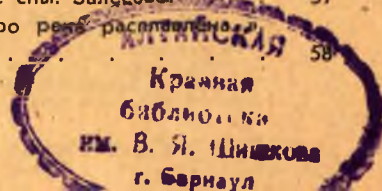
ПРОЗА

Владимир МАРЧЕНКО. Лесной пожар. Повесть	6
Альберт НЕСТЕРЕНКО. Перевал. Рассказ	43

ПОЭЗИЯ

Евгений СКВОРЕШНЕВ. Из кулундинского дневника. Если женщина любит тебя. «Он мой веселый одногодок...»	3
Михаил ПРОКОПЧУК. Перемена. Свадьба. Речка Суйга. Бабье лето.	5
Александр РОДИОНОВ. Уймонская быль.	35
Иван НАЗАРОВ. Сказ о роднике. Разговор с горой Плакун. «С вершины лет оглядываю путь...» Деревянка, Деревянка!	39
Георгий РЯБЧЕНКО. «Будет тост коротким...» «Город Явор...» «Я не знаю, чей проступок...» «Дрались две вороны...» Фролищенский монастырь. Черника.	40
Михаил АНОХИН. Осень.	41
Ида ШЕВЦОВА. «Ты почему не спишь ночами...» «Когда устанешь до падения...» «Да... наша жизнь не год, не сто, а час...» «Мы тепло отдаем, как святыне...» «О, как я рада, что живу...»	42
Светлана МИХАЙЛОВА. «Мне тропинка узкая...» «Не стук монет, — а музыкаль- ный звон...» «Какой тяжелый взрослый взгляд!..» «Мне все снится, снится...» «Как ты к моим вопросам глух...» «Зимний день мне улыбнется...»	55
Евгений ВЯЗАНЦЕВ. Лучшее время года. Яблони цветут. Гроза в Кулунде	56
Валентина ТИМОФЕЕВА. «О чем вы задумались, сосны...». Анна	—
Владислав КОЗОДОВ. Мое утро. «Оттаивают желтые одонья...» «Санний след мимо формы пройдет белотропом...». Общежитские сны. Залесово	57
Дмитрий ШАРВАРИН. В горах. Водопад. «Как серебро река расплавленное»	58
Дети	58

Фонд краеведения
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ экземпляр

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Измаил ЛАГРАНСКИЙ. Вся жизнь	59
Клара УКАЧИНА. Алтайские загадки	65
Михаил ОРЛОВ. Заметки краеведа	70

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Виктория ДУБРОВСКАЯ. Первая книга прозы	74
Юрий СОРОКИН. Слово о молодых художниках	76

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Марк ЮДАЛЕВИЧ. Правдивость, яркость, занимательность	79
--	----

ОТ РЕДАКЦИИ

Поиск и воспитание молодых одаренных писателей нашего края — давняя традиция альманаха «Алтай».

Весь номер этого альманаха предоставлен молодым и новым именам. Впервые выступает с рассказом Альберт Нестеренко, механик леспромхоза и студент-заочник Литературного ин-та им. А. М. Горького. Александр Родионов, инженер-геолог, заявляет о себе как об авторе поэтической были, публикует свои первые стихи рабочий Михаил Анохин, преподаватели Дмитрий Шарабарин, Светлана Михайлова, Евгений Вязанцев. С критическими статьями впервые выступают Виктория Дубровская и Юрий Сорокин.

Доброго пути вам, товарищи!

Редактор Н. Г. ДВОРЦОВ

Редакционная коллегия:

Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора)

И. С. КАЗАНЦЕВ

Л. И. КВИН

Ю. А. МАЙОРОВ

Г. П. ПАНОВ

В. Н. ПОПОВ

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1977. № 2

Художественный редактор Б. Лупачев. Технический редактор М. Сафонова.
Корректоры Г. Сдвижкова, Г. Ульченко

Рукописи не возвращаются.

АГ 09050. Сдано в набор 21. IV. 1977 г. Подписано к печати 26. V. 1977 г. Формат 84×108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,049. Тираж 12500 экз. Заказ № 1416. Цена 40 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Л. Толстого, 29.

Адрес редакции: Барнаул, 56, Ленина, 8. Телефон 95-4-21.

Евгений СКВОРЕШНЕВ

ИЗ КУЛУНДИНСКОГО ДНЕВНИКА

Суров пейзаж в моем степном краю:
Здесь нету роз, магнолий и глициний,
И свищет ветер музыку свою
На проводах высоковольтных линий.

Иная красота в краю моем —
Неброская, негромкая, скупая,
Та, что уводит в даль за оком,
Сердца людей маня и подкупая.

Пшеница! Дочь возделанных земель
От птичьего звенит многоголосья.
Мне кажется, что именно отсель
На герб страны пошли ее колосья.

И земледелец смотрит озорно,
Как тянутся колосья ряд за рядом,
Как сыплется из бункера зерно
Горячим, бесконечным водопадом.

Трудолюбив, прилежен и толков,
Умело, деловито, без помарок
Он пишет книгу строчками валков,
Чтоб поднести родной стране подарок.

Москва! Всему народу передай
С Останкинской высотной телебашни:
Он поднесет алтайский каравай
На полотенце кулундинской пашни.

Заходит туча мрачная опять,
Но истина становится виднее:
Богатый хлеб непросто убирать,
Но трудный убирать — куда труднее.

Когда набатом кровь стучит в висок,
Когда на хлебном поле, как в забое,
Идет борьба за каждый колосок,
За горсть зерна, за зернышко любое.

Когда поля твои полупусты,
Когда твой труд, увы, почти бесплоден,
Вот здесь ты покажи, что стоишь ты,
Вот тут ты докажи, на что ты годен.

Когда в глазах от пыльных вьюг серо,
Когда сплошная сутемень в природе,
И словно сводку Совинформбюро
Ты ожидаешь сводку о погоде.

Земля, земля! Утратив красоту,
Лежит, как потускневшая картина.
Легко любить, когда она в цвету,
И нелегко, когда она пустынна.

Я дал давно родной земле обет
И слова брать обратно не намерен.
Я был ей свято верен в дни побед
И в дни невзгод ей буду свято верен.

Растрескал всюду зной свои следы,
Но все же мы, с упрямым солнцем споря,
Напоим вдоволь степи Кулунды
Прохладною волной Обского моря.

Чтоб воду в степь скорей привел канал,
Нам не к лицу работать вполнакала.
Вот почему высок в труде накал
На трассе кулундинского канала.

Чтоб летом вновь посев заколосил,
Мы сбережем для юного побега
Запасы удобрения и снега,
Запасы сердца, мужества и сил.

И будет на столе у нас в дому
И каравай с поджаринкой, и сдоба.
Весомая гарантия тому
Счастливая улыбка хлебороба.

...И вновь стоят хлеба во всей красе,
В полях не молкнет шум многоголосья,

И на пшеничной сжатой полосе
Лежат валки — сплетенные колосья.

Огни машин в безлунной темноте
Горят как будто маленькие луны,
И в свете их в полночной маяте
Растут сугробы хлеба, точно дюны.

И мы с тобой в одном звене вдвоем
«Добив» загонку ночью поздней, жаркой,
Усталые, счастливые идем,
Пропахшие пшеницей и соляровкой.

Не ради звезд, конечно, мы живем,
И пусть не принимаю сердцем лесть я,
Но двадцать звезд на бункере твоём
Горят, как звезды нового созвездья!

Мы наше счастье добыли в труде,
Шагнул достаток в каждую квартиру.
Весь мир теперь известен Кулунде,
И Кулунда всему известна миру.

...И земледelec смотрит озорно,
Как тянутся колосья ряд за рядом,
Как сыплется из бункера зерно
Горячим, бесконечным водопадом.

И песня в честь усталых рук его
Рождается легка и не случайна
И в четком ритме сердца моего,
И в равномерном рокоте комбайна.

И потому в рассветной этой мгле,
Что как свою судьбу его приемлю,
Я славлю человека на земле
И вместе с человеком славлю землю.

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ ТЕБЯ

Если женщина любит тебя,
Позабыв про случайные ссоры,
Ты свернешь Гималайские горы,
Для показу немножко грубя,
Если женщина любит тебя!
Если женщина любит тебя,
Ты жилье уберешь до пылинки,
Ты до блеска начистишь ботинки,
Перед зеркалом чуб теребя,
Если женщина любит тебя!
Если женщина любит тебя,
Станет тортом изысканным корка

И прекраснейшим замком каморка,
Где ты вряд ли узнаешь себя,
Если женщина любит тебя!
Если женщина любит тебя,
Сторублевкою станет рублевка
И подковой счастливой подковка
С сапожка, что ты снимешь любя,
Если женщина любит тебя!
Если женщина любит тебя,
Как у Блока, смущая туманом,
Полувзглядом зоя и знобя,
Ты не стой у стены истуканом,
Но не вздумай ответить обманом,
Неожиданно все погубя,
Если женщина любит тебя...
Если женщина любит тебя,
Одолеешь любые невзгоды,
Будешь ждать ее целые годы,
На осколках любовь не дробя,
Если женщина любит тебя!
Если женщина любит тебя,
Будут дети играть на планете,
Будет солнце будить на рассвете,
Сквозь листву золотую рябя...
Все успеешь и сможешь на свете,
Если женщина любит тебя!

* * *

Он мой веселый одногодок,
Мужик что надо, первый сорт.
Талантлив, словно самородок,
Везуч и верток, точно черт.
На нем моднющие ботинки
И не сочтешь тряпья всего.
Все дефицитные новинки
На книжной полке у него.
Он парень битый и толченый
И у него повсюду блат.
Пусть невелик он как ученый,
Но слава богу — кандидат.
...Висят распятые медведи
Среди икон, фарфора, книг,
Ему завидуют соседи,
Как быстро он всего достиг.
От головы до самых пяток
Ухожен, выбрит, разодет.
Его величество Достаток
Собой пленяет целый свет.
...Судьба его возносит круто,
Все, что захочешь, есть в дому.
Все это так, но почему-то
Я не завидую ему...

ПЕРВЫЕ

Мы вставляли в рань
Предрассветную.
Только так держать
И не сетовать!
День и свеж и нов.
Мы — рабочие.
Пни в глуби снегов
Заворочались.
Есть высокий труд,
Есть умение.
Эх, снега метут —
Вдохновение.
Пусть на робе соль.
Роба — коробом.
Быть своим изволю
С новым городом.
Смоляной барак —
Новоселие.
Пусть заходит всяк
В день веселия.
Крыша есть — тепло.
Есть любовь — светло.
Нам везде везло
И во всем везло.

СВАДЬБА

Пляской улица полна,
Словно улица пьяна.
Здесь сошлись и стар и мал,
На морозе гомонят.
Кто, зачем собрал их тут
И чего им надобно!
Просто люди радость ждут —
Яркий поезд свадебный.
Вот он!
Прямоком к народу
Тройки мчат во весь опор.
Вот они готовы с ходу
Проскочить в широкий двор.
Нет!
Стой!
Погоди!
За проезд, жених, плати!
Выкупай дорогу, друг,
Меньше разговаривай!
Колокольцы из-под дуг
Вторят:
— Отоваривай!
И пошел по кругу ковш.
До чего же он хорош!
Ну а главное-то в нем —
Влага впрозелень с огнем.

Вдруг откуда ни возьмись
Сам — друг гармонист.
Пробежался по ладам —
Ну-ка, я тебе задам!
И пошло-поехало
С шутками,
С усмехами.
Перепев, перепляс.
Лучше некуда сейчас.
Парень пляшет:
Щелк-пощелк,
На лице улыбка.
— Кто со мной пойдет еще
По дороге зыбкой!
Пляшет даже детвора.
Но всему своя пора:
— Пожалуйте в дом, —
Раз-да-ет-ся, —
Ждем.
И народ веселый наш
Дом берет на бордаж.
Пробки бьются в потолок,
Хмель в стаканах полнится.
Сколько есть вокруг дорог —
Все на свадьбе сходятся.
Нету слов для похвалы —
В доме ломаются столы.
Тут и яства и питье:
Магазинное, свое.
Медвежатина, селедка,
Здесь —
Грибы, тетерева.
Надрывает кто-то глотку,
Пол трещит.
Все трын-трава.
А пирог-то испекла
Чуть ли что не в полстола
Старая хозяйка,
Славная хозяйка!
Раздается:
— Эй, хозяйка!
Ты пирог нам подавай-ка!
За ценой не постоим —
Кошелем трянем своим!..
— Выкупай!
На то пироги!..
И пошел-поехал торг.
...Все не в шутку, а всерьез.
Вот уже дарений воз,
Да еще полвоза
От всего колхоза.
Самолюбие храня,
Верх берет всегда родня.
Восемь братьев у невесты
[Молодым жить век свой
вместе]
Подарили новый дом.

Пусть согласие будет в нем.
Соблюдя порядок строгий,
Поднесли всем понемногу
Дорогого пирога...
За окном уже пурга
Завивает:
— Наливай!
Всем хмельного подавай!
Все кричат:
— Горько!
Горько и только.
Раздался народ,
Встал в круг — в хоровод:
...День не помню и год —
Помню, пил шипучий мед,
Но не помню сколько!

РЕЧКА СУЙГА

Она узка, тихоголоса,
Плоты не носит на спине
И нету у нее запросов
Ни к жизни,
Да и ни ко мне.
Она в великие не метит,
Живет такой,
Какая есть.
Приду —
Она, как друга, встретит,
Окажет милость мне и честь.
Рыбачь,
купайся,
пей —
Не жалко!
Захочешь —
Всю ее бери.
Полощет утром полушалок
Она малиновой зари.
И где бы ни был я,
Ни жил я,
Теряя дням разлуки счет,
Повсюду кровушкой по жилам
Речушка узкая течет.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рябины гроздьями играют
Под красным пологом осин.
Летают нити паутин
И серебрятся,
Провисают.
Мальчишка бегаёт разутый,
Сминая рыжую траву.
Светло и грустно почему-то
И женщина кричит:
— А-ууу!

Владимир МАРЧЕНКО

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

ПОВЕСТЬ

Из сообщения директора леспромхоза Попова М. С.:

...Потушить очаг не удастся. Под угрозой поселок. Огонь распространился на 15 гектарах. В тайге потерялся человек. Срочно нужны вертолет и люди для поиска.

5-7-75 г.

Вторую неделю в тайге бушевали пожары. Над притихшим поселком Ягодный висело дымное марево. Вторую неделю солнце поднималось в серовато-сизой кисее неестественно плоское, прокатывалось над изнемогающим от духоты лесом и вечером, чуть розовея, уходило за горизонт. Отдохнув ночь, оно появлялось еще более жаркое и безжалостное. С середины лета в округе не было дождей. Вторую неделю полыхала тайга.

Березовский леспромхоз перестал заготавливать древесину, лишь вахтенный поселок на старице Мулежке продолжал работу. Пожарный вертолет, едва не задев в развороте крышу двухэтажного здания школы, с нарастающим ревом садился, забирал очередную партию людей и медленно, боком поднимался.

Телефонограмма директору леспромхоза Попову. Секретарю парткома Гусеву. Лесничему Березовского лесничества Комарову.

В связи с создавшейся обстановкой приказываю: организовать выброс поисковых групп в кварталах 155—162.

Председатель райисполкома Бутин.

10-7-75 г.

10 ч 18 мин

Комаров провел широкой ладонью по глазам и подбородку, отодвинул листок с телефонограммой и взялся за телефонную трубку. Звонить или не звонить? Бутин знает, что все лесники на пожаре и возглавлять поисковые группы некому. Может, самому? А кто здесь останется? Директор и секретарь парткома вылетели к очагу пожара уже неделю назад. Нерешительно приподнял трубку, крутнул ручку аппарата. Станция задержалась с ответом и это слово придало Комарову решимости. Он бросил трубку на рычаги и, похоже, для верности придавил ее пальцами. Бутин за тридевять земель, а он, Комаров, — здесь. Ему и соображать.

Дверь скрипнула и одновременно раздался тихий, чуть хриловатый голос:

— Можно?

— Входи, Николай, входи. Что там у тебя новенького?

Комаров знал, что ничего важного участковый инспектор Николай Николаевич Толстошеев ему не сообщит, потому что виделись они всего полчаса назад, и спросил только потому, что человек вошел и с ним надо было о чем-то говорить. Толстошеев это понял и ответил в том смысле, что мол пока мы общими сведениями питаемся. Помолчал чуть и задал вопрос, который мучал их обоих:

— Куда ж он все-таки запропал? Ну, куда? Ты с ним больше друг, чем я, все места знаешь, где он любит бывать. Надо же ему именно в такое время... И еще в эту проклятую столовую залезли...

— На втором участке-то?

— Ну да. И дело-то, в общем, пустяк...

— Дурничка это, не дело. Десяток котлет слопали. Тоже мне, расхитители народного добра.

— Не в котлетах суть или еще в чем. Суть в факте. Да и Матвеевна шумит, чего мол я из своего кармана за жуликов платить буду. Ты милиция, ты и ищи.

— Значит, искать надо.

— И я знаю — надо. Мне — жулика, тебе — доктора. Люди как котят слепые тыкаются, а ты по местам по нашим ползай.

— А здесь кто останется? — Комаров понимал, что участковый прав. Он и в самом деле часто бывал в тайге с Маневичем и кое-какие его заветные места знал. Но места эти были любимы не только Виктором. На Утлую гарь за ягодой ходил, считай, весь поселок... Белые пески... Кому из рыбаков они неизвестны... И к тому же нельзя, никак нельзя последнему из руководителей уходить в такое время из поселка. Доктор — одна жизнь, здесь же их — сотни. А лесной пожар есть лесной пожар. Его пути непонятны. Но ведь тот один — Виктор. Виктор Маневич.

— Девятый день пошел... — Толстошеев подошел к окну, покачал головой. — Синоптики дождя не обещают?

— Не обещают. С его женой не говорить? — спросил Комаров.

— Как не говорил. Говорил. Она только усмехается: вернется ваш Маневич живой-здоровый. Он в огне не горит и в воде не тонет. Может, ты с ней потолкуешь?

— Попробую. Сейчас продукты отправлю с вертолетом и попробую...

Сдав продукты начальнику аэропорта, Толстошеев и Комаров направились к дому, где жил потерявшийся доктор. На двери висел замок. Комаров развернул мотоцикл, и они поехали к школе. Ее ремонтировали своими силами, учителя днями бывали там. Со школьным завхозом Андреем Петровичем Бочковым, высоким молочавым мужчиной в джинсовом костюме, они столкнулись в вестибюле. При виде лесничего и участкового он удивленно приподнял брови.

— Смотри-ка, власти появились. Сами... Вроде мысли мои прочли. А я к тебе, Василий Федорович, давно собирался. Только пожар мешает, понимаю: не до меня. — И тут же, без перехода, высказал догадку: — Вам, наверное, Ольга Нестеровна нужна. Сейчас я ей пошумлю. А разговоры разговаривайте в директорском кабинете, там уже подсохло.

Они поднимались по забрызганной известью лестнице. Впереди шли участковый и Ольга Нестеровна, на две ступеньки ниже — Комаров с Бочковым.

— Туговато с краской, Василий Федорович. Смету чуть не на треть срезали. Может, ты чего подкинешь? А так прямо разрез.

Комаров согласно кивал, а сам, глядя на чуть полноватую спину Ольги Нестеровны, на белокурые завитки волос, выбивающиеся из-под сиреневого платочка, думал совсем не о краске и не о смете, которую срезали чуть не на треть. Он вспоминал дождливый вечер, ласковый, словно обволакивающий, женский голос и резкий телефонный звонок.

Случилось это прошлой осенью. Собрались они с Виктором встречать Ольгу с краевого совещания преподавателей иностранных языков, но Виктора неожиданно вызвали к больному. Комаров поехал на пристань один. Ольга стояла под навесом дебаркадера и при появлении Комарова чуть усмехнулась, словно ожидала, что произойдет именно так: не муж ее придет встречать, а совершенно чужой, случайный человек.

— Понимаешь, Ольга...

Извиняющийся тон Комарова вызвал у нее новую усмешку.

— Это вы, Василий, к чему? Я же женщина сознательная, я все понимаю. Альтруизм, гуманизм... Я все, все понимаю. И роль сельского врача в охране здоровья населения мне тоже известна. Одним словом, не надо... Я это заранее знала.

— Да нет же, Ольга, право...

— Довольно, довольно, — она игриво прикрыла ему рот ладошкой и загадочно сказала:

— Пусть неудачник плачет.

Комаров занес ее чемодан в их еще полупустой дом и стал прощаться. Но Ольга отрицательно покачала головой.

— Садитесь, я вас буду угощать. Я ведь из города.

Она ходила по гулким комнатам, сушила полотенцем мокрую прическу и говорила, говорила, словно боялась, что он, не смотря на ее протест, все же уйдет. Она рассказала ему, что в городе полно всякой всячины, и холодильники, за которыми год назад еще записывались, стоят в магазинах свободно.

Комарову было это неинтересно и чувствовал он себя неловко, но мысль о том, что вот-вот придет Виктор и все уладится, успокаивала. В доме напротив за-

светились окна. Ольга задернула шторы и включила свет.

— Я замерзла, — сказала она и улыбнулась, показав ровные зубы.

Комаров засуетился, надел фуражку и вышел. У Маневичей не было ни дров, ни топора. Комаров разломал несколько ящиков, валявшихся в кладовой, растопил печь, которая, подымив немного, загудела, разливая тепло и запах чего-то горелого. Ольга накинула халат, взяла чемодан и ушла в другую комнату. О Комарове она словно забыла. Он подумал, что сейчас самое время уйти и двинулся к двери, собираясь произнести: «Счастливо оставаться» — на самом пороге. Но Ольга в этот момент вышла, и он, сознавая, что делает глупость, не ушел.

Кухонка-прихожая наполнилась запахом жареного картофеля. Закипел чай, запыхала на сковородке разогретая тушенка. «Что я делаю? Надо идти домой, там жена, ребятишки», — думал Комаров, не находя сил, чтобы уйти. И оправдывал себя: «А в чем дело? Я жду Виктора. И если я вот так прямо встану и уйду, Ольга черт знает что обо мне может подумать». Он сознавал всю несостоятельность, всю ребячливость этих рассуждений, но поблизости двигалась женщина, которая не хотела, чтобы он уходил. А в таких случаях преодолеть себя гораздо легче, чем самому себе противиться.

Вдруг раздался резкий телефонный звонок. Комаров вздрогнул от неожиданности и потянулся к трубке. Но Ольга мягко отстранила его руку.

— Я приехала... Все хорошо... Да. Жду тебя. Значит, сегодня нельзя? Нет, нет, я не обижаюсь... Будь здоров.

Ольга положила трубку.

— Что он сказал?

— Он сказал, что у него больные, и они страдают. Вот, что он сказал.

— Обо мне ничего не спросил?

— С какой стати?

— Так просто. Ну, встретил, не встретил...

— Коли я дома, стало быть, встретили. Ладно, хватит об этом, давайте лучше ужинать. Он придет утром.

Они пили коньяк, закусывали тушенкой и жареной картошкой. Когда Ольга наклонилась к нему чокаться, халат на груди чуть распахивался. Она, конечно, понимала, к чему все идет, и от сознания того, что она это понимает, Комарову становилось не по себе. Он никогда не изменял жене и не предполагал, что все может произойти

так просто. Стоит ему только решиться, протянуть руку и эту его протянутую руку не оттолкнут.

Но он руку не протянул. Может быть, именно потому, что в тот самый момент, когда он собирался это сделать, телефон зазвонил снова. И хотя он не слышал голоса, знал, что это говорит Виктор. А Ольга была женой Виктора. Когда Ольга, произнеся несколько равнодушных реплик, положила трубку и посмотрела на Комарова, по его тяжелому взгляду она, видимо, поняла, что он сейчас уйдет и удерживать его не стала.

С того дня они начали избегать друг друга и встречались лишь в случае крайней необходимости.

Сейчас, как только вошли в кабинет директора, Ольга демонстративно обернулась к участковому.

— Я уже вам говорила...

— Ольга Нестеровна, не волнуйтесь. — Комаров сказал это мягко, но настойчиво.

— За Маневича? — Ольга усмехнулась, как тогда на пристани, чуть зло и вызывающе. — Можно подумать, вы боитесь, что я овдовею преждевременно.

— Я бы этого и правда не хотел. — Комаров тоже усмехнулся. — Из-за вас обоих не хотел бы.

Бочков смотрел на них непонимающе, участковый, придвинув к себе стул, барабанил пальцами по спинке. Потом вдруг резко, пожалуй, даже крикливо спросил:

— Ключи от будки у него? — не дожидаясь ответа и сменив тон на вопросительный, предположил: — Может, побранились немного? Семейное дело такое...

— Мы никогда не ссоримся, — произнесла Ольга холодно и посмотрела в окно.

«Врет ведь, — подумал Комаров, дурничку порет. Ругаются они. И сильно ругаются».

— А ключи все-таки где? — спросил Толстошеев.

— Я их не видела. Они у него постоянно.

«Опять врет. Ключи от будки всегда висели справа от умывальника на большом гвозде. А вообще-то зря мы сюда пришли. Она, видимо, и впрямь ничего не знает. Так-то ведь чего ей скрывать. Да и скрывать о Викторе нечего, его жизнь на виду. Впрочем, не скажи, не вся его жизнь на виду». Подумав об этом, Комаров задал Ольге Нестеровне еще несколько малозначащих вопросов, потом обратился к участковому:

— Поехали, хватит человека пытаться... До свидания, Ольга Нестеровна. А ты, Боч-

ков, загляни днями, может, чего и приду-
маем.

Приехав на пристань, Комаров и Толсто-
шеев взломали замок на будке Маневича,
проверили все внимательно.

— Четырех сетей нет, — сказал Кома-
ров. — Двух рыжовых.

— Канистры у него были?

— Как без канистр. Две зеленых по
двадцать литров и одна на десять. Тут сто-
яли, справа как войдешь.

— Значит, либо далеко собрался, либо
близко, да надолго, — заключил участко-
вый, выходя из будки. — А это что за
останки? — Толстошеев выковырял из-под
порога обрывок бельевой тесьмы, рассмот-
рел, хотел бросить, но, поразмыслив, сунул
в карман. — В нашем деле не поймешь, где
найдешь, где потеряешь...

Комаров сел в лодку, завел мотор, от-
толкнулся. Сизый дым, словно плотный за-
навес укутывал дальние берега, но вблизи
не был так густ и поэтому казалось, что
самый главный очаг пожара именно там, за
поворотом. По мере приближения занавес
отодвигался, очертания сосен и кустов
краснотала по берегам становились объем-
ными, а плотный дымный туман отодвигал-
ся за следующий поворот. Комаров вспо-
мнил вопрос участкового и вздохнул. Знал
бы тот, где Виктор еще рыбачит...

Комаров познакомился с Маневичем в
день его приезда. Вернувшись с работы, он
застал жену в слезах: заболела младшая
дочь Наташка. В больницу звонить не стал,
поехал на мотоцикле.

Фельдшерница Нина Васильевна разгова-
ривала с высоким рябоватым парнем, вер-
нее, тот говорил, а она слушала. Комаров
поздоровался, рассказал о случившемся.
Фельдшерница беспокойно поглядела на со-
беседника, задумчиво потерла переносицу.
Парень внимательно посмотрел на Комаро-
ва, перевел взгляд на женщину. «Долго
они будут переглядываться?» — подумал
лесничий, переступая с ноги на ногу.

— Идите, — сказал рябоватый реши-
тельно, — сейчас я только кое-что при-
хвачу.

Комаров шел следом за парнем по кори-
дору и с неудовольствием думал о несерьез-
ном виде молодого медика. «Практикант,
по всему видать. Наприсылают пацанов,
они и творят, что бог на душу положит.
А люди страдают».

Пришли к Комарову домой. Парень
надел белый халат и словно бы повзрослел.
Быстро, но без суеты осмотрел девочку. На-
хмурился.

— Надо операцию делать. Острый ап-
пендицит. В больнице негде, ремонт идет,
а везти в район — можно не успеть.

— А что делать? — встревоженно спро-
сил Комаров.

— Дома прооперируем, — парень ска-
зал это так равнодушно, словно только тем
и занимался, что оперировал больных в
домашних условиях.

— А это не опасно? Вы хирург, да? —
жена Комарова смотрела на парня с ожи-
данием и страхом.

— Я не волшебник, я только учусь.

В голосе парня было столько веселой
непринужденности, что Комаров, а вслед
за ним и его жена улыбнулись.

Операция, к которой долго готовились,
сама по себе длилась недолго. Вскоре
после нее Наташка уснула. Комаров и Ан-
на, страдавшие все это время, пожалуй,
не меньше ребенка, вздохнули свободней.

Когда прощались, Нина Васильевна не
удержалась от похвалы врачу:

— Началась ваша работа, Виктор Пав-
лович, дай так каждому. Я, право, даже и
не думала, что вы дома решитесь.

На это Виктор Павлович комично раз-
вел руками и сказал назидательно:

— Дорогая коллега, нужда пляшет,
нужда скачет, нужда песенки поет.

На следующий день, убедившись, что
Наташкины дела идут на поправку, Кома-
ров снова снарядился в больницу и снова
вернулся с доктором. А Анна уже с полу-
дня хлопотала в летней кухне. Трещала на
плите глазунья, булькала уха из карасей,
открывались банки с маринованными гри-
бами, помидорами, огурцами.

Виктор рассказывал о своей жизни
просто, без рисовки, которую позволяют
себе иные люди, совершившие что-либо осо-
бенное и старающиеся значительными рас-
сказами укрепить родившийся авторитет.

— Жили мы на кордоне. Я как раз шко-
лу кончил. Отец лесничил, мать по дому
управлялась да с ребятишками возилась.
Нас четыре головы было. Я — самый млад-
ший. Я сказал: школу кончил, это значит
четыре класса. В ближнем селе была толь-
ко начальная школа. Тогда это и случи-
лось. Мать наколола ногу — во дворе стар-
ый трос валялся. Думали пройдет, но не
прошло. Ногу разбарабанило, что твое
бревно стала. Повезли мать в больницу,
там врач была молоденькая, сама ни на
что не решилась, объявила: «В райцентр
надо». Пока довезли, пока что... В общем—
гангрена. Сказал отец тогда: «Был бы му-
жик на месте этой свиристелки, глядишь, и

обошлось бы. Поступай в медицинский». Послушал отца, поступил. После окончания работал в Барнауле три года, теперь вот — здесь.

— Поди, с начальством поругались или как? — деловито поинтересовалась Анна.

— Почему? — не понял вопроса Виктор.

— Уж больно мы на отшибе. К нам сюда без пути редко кого занесет, — пояснил мысль жены Комаров.

— А, вон вы о чем, — широко улыбнулся Виктор. — Нет, я по своей воле. Именно потому, что далеко вы. Места у вас нетронутые. А для меня что рыбалка, что охота, хлебом не корми. Это одно, а главное — мать у меня перед глазами.

— Стало быть, не ровно дышите по нашим занятиям, — радостно отозвался Комаров. — Это вы без осечки. Места у нас в этом смысле и впрямь подходящие. Тут мы с вами сойдемся.

Заговорили о рыбалке, об охоте. Анна принесла к пиву вяленых язей.

— Лодку с мотором заведу, — оживленно говорил Виктор. — Отец мое ружье пришлет, сетешек с десятков. Я ему три куклы оставил, посадить только...

Комаров завел гостя в кладовую, где у него хранились снасти, припасы и ружья — курковая «Тулка» шестнадцатого калибра и двенадцатого — «Ижевка». Маневич (это была фамилия Виктора) попробовал каждое на прикладность. «Тулка» понравилась больше. «Можете пользоваться» — предложил Комаров радушно. Виктор поблагодарил, но отказался. Сказал, что чужое ружье, как ни будь хорошее, удачливой охоты не даст. Свое оно и есть свое. За него и переживаешь не так, и к плечу оно ладней ложится. «Да и вообще я собственное предпочитаю», — добавил он, подумав.

Комаров все же уговорил нового знакомого взять на память широкий тяжелый охотничий нож в берестяных ножнах.

За разговорами прошел день. Виктор еще раз побывал у девочки, потом пришла фельдшерница, смерила температуру. Прощаясь, мужчины уговорились в самые ближайшие дни съездить на рыбалку.

Так они познакомились. Недаром ведь говорится: рыбак рыбака видит издалека. Даже издалека Маневич Комарову понравился, а когда узнал ближе и вовсе привязался как к родному.

Прежде всего Василия поразило отношение Маневича к пойманной рыбе. Виктор брал десятков ершей на уху, пару подъязков

или пяток карасей. Только и всего. Как-то Комаров попенял ему за это: «Ловим вместе, а дележ неравный. Ты не стесняйся, а то мне даже неудобно». С тех пор стали делить поровну. Но опять же Виктор относился к своей доле своеобразно. Брал себе столько же, сколько и прежде, а остальное отдавал ребятишкам.

— А куда мне много, — ответил на новое замечание Комарова. — Вяленую я не уважаю, да и не любит Ольга с такой рыбехой возиться. Если б красная — другой разговор. У вас здесь как со стерлядкой?

— Водится, — кивнул Комаров. — И стерлядка водится, и кострючки.

— Вот им мы дадим жизни, — сказал Виктор и подмигнул. — Такого рыбака я не пропущу...

— Не положено, — строго сказал Комаров, который состоял внештатным рыб-инспектором.

— А мы — через нельзя, — Виктор еще раз подмигнул и хлопнул приятеля по плечу.

А пока ловили они прежних языков да карасишек и около Виктора, который в лове был азартен, постоянно кагалом виделись ребятишки. Вытянет Виктор килограммовую рыбину, полюбуется, — аж засветится изнутри, на вес прикинет и тут же ребятишкам: «А ну, кто у нас на очереди?» А ребятига довольнехонька, для потехи даже номерки на ладошках химическим карандашом намалюет. На рыбалке около Виктора только и слышно: «дя — Вить, у меня не берет. Плюнь на червячка!», «Дя — Вить, крючок оторвался, покажи как вязать». А еще приучил Виктор детишек коряжинки всякие собирать и рассматривать. Усядутся на бережке — у каждого в руках своя коряжина — и вертят перед глазами, гадают, на кого похожа. «У меня Буратино!» — вопит какой-нибудь сопленосый пацан. «А у меня — Шлындя!» — вторит конопатая девчущка. «Что за Шлындя, кто такой?» — спрашивает Виктор. «Не знаю, — отвечает Конопушка, — только он хоть страшный, но все равно — добрый».

Как-то Комаров взял на рыбалку своих ребят. Они просто прилипли к Маневичу, вроде и отца родного с ними нет. Увлечлись корягами, жмутся к доктору, о том о сем выспрашивают. Комарову же хоть какой бы вопросец подкинули. А он ведь в лесе да в сучках разных не хуже кого другого соображает... Лесничий даже чуть заревновал, а Виктору сказал, когда обратно воз-

вращались: «Не личит тебе, врачу, серьезному человеку, в игрушки играть. Не маленький, небось, дурничку пороть». Тот поводит пальцем по переносице, помолчал несколько секунд задумавшись, потом сказал, будто себе отвечал, а не приятелю: «Пусть пацаны природу понимать учатся. Кто им покажет? Одному неохота, другому некогда. А ведь из них человеки вырастают».

...Объезжал Комаров пески, где они с Маневичем рыбачили, искал следы. На яры вылезал, на косогоры, по волокам бродил, трогал золу кострищ, но ничего не говорило о недавнем пребывании Виктора. Свежих следов на волоках не просматривалось, кострища были давними, большинство — прошлогодними. Поиски привели Комарова к протоке Сухой. С ней у него связывались воспоминания о событиях.

Относились они к июню прошлого года. Приехали Виктор и Комаров к Коровьему яру с ночевкой. Разбили стан, сети разбросили в озерушках. Когда совсем стемнело, Виктор говорит: «Надо попробовать...» Кроме этого ничего не сказал. Встал, пошел к реке, завел мотор и уехал вверх по течению. Комаров подождал немного, пошел сети просматривать. Карась тот раз дуром пер, аж выпутывать надоело. А Виктора все нет. Уже и уха сварилась, и чай вскипел. Нет Маневича.

Комаров выложил на бересту рыбу, посолил, обложил смородиновым листом и с чего-то вдруг встревожился. Хотя Виктор с дюральной и сносно управляется, но все-таки ночь есть ночь. А по реке в эту пору и топляки плывут и мало чего еще. Уж совсем собрался ехать искать, когда на стреже знакомо заговорил двигатель.

Маневич подошел к костру и положил на траву полиэтиленовый мешочек, из которого торчали тонкие хвосты редких рыб. Комаров сразу сообразил:

— На Сухой протоке добыл?

— Там, — кивнул Маневич и вынул нож, комаровский подарок. — Царская рыба...

— Зря ты это, — сказал Комаров, который себе лично никогда не позволял ловить недозволенную рыбу. Не потому не позволял, что им владело сознание того, что рыбные запасы скудеют и его потомкам может достаться шиш, а потому, что на всех совещаниях и слетах любителей природы в отношении красной рыбы произносилось слово **нельзя**. И он твердо знал, всем существом своим сознавал обязательную истину: если кто-то по каким-то причинам и может

пренебречь запретом, то для него, для какого ни есть руководителя, а тем более — партийца, это ни при каких условиях невозможно. Поэтому сказав: «Зря ты это», — сурово добавил:

— По всем правилам я тебя за это самовольство штрафануть должен.

— Ночь сейчас, ты и не разглядел вовсе, — отшутился Маневич.

Комаров промолчал, но когда приятель предложил выпить «под свежатинку», отказался и, демонстративно причмокивая, хлебал уху, а выпивку закусывал пахнущими смородиновым листом карасями.

Утром Маневич привез еще пятьдесят четыре стерлядки, половину предложил Комарову. Тот взял и так же демонстративно, как вчера хлебал уху, подошел к реке и опрокинул над водой садок. Стерлядь — рыба живучая. Когда ехали обратно, лесничий всю дорогу молчал, а перед самым причалом сказал то, о чем думал непрерывно:

— Ты вот что, ты эту дурничку брось, а то, неровен час, узнают люди...

— И что, — беспечно ответил Виктор. — Люди — не ангелы. Около воды жить да не напиться.

— И другим нельзя, а нам наипаче. Мы на самом виду.

Маневич пожал плечами. С тех пор они если и ездили вместе, то только за дозволенной рыбой, хотя Комаров краем уха слышал, да и сам подозревал, что Виктор нетнет и наведывался на Сухую протоку. А может, еще где стерлядку нашел. Река большая.

Возвращаясь из своего пустого поиска, Комаров вдруг ни с того ни с сего представил одинокую Ольгу в пустой квартире. Не в пустой, конечно, и ковры у них появились, и мебель импортная, но все равно было в их жилье как-то холодно и неуютно. Это при Викторе, а сейчас и по-прежнему. Впрочем, что «по-прежнему». Ведь тепло и уют не вещи создают — люди. Если в семье согласия нет, какой там уют. А в семье Маневичей согласия не было, хотя на мир своих разногласий они не выносили. Скучала Ольга в поселке. Не обзавелась она подружками, не научилась печь топить, а уж стирать, готовить, как понял Комаров, для нее и по-прежнему нож острый.

Чувствовал Комаров, что долго так Маневичи не протянут. Ольга либо одна в город вернется, либо и Виктора с собой сманит. Правда, заложил Виктор новую боль-

ницу, уже фундамент готов и сруб начали складывать, но люди и тому объяснение нашли: «След свой человек оставляет. Такие врачи на задворках долго не задерживаются». И тут же остановила Комарова мысль: «Думаю всякую дурничку, а человека, может, и в живых нет. Только если когда меня не было вернулся?»

На причале лодки Маневича не было, и все-таки, гася нешуточную тревогу, заранее зная, что обманывается, Комаров решил зайти, узнать. А вдруг... Может, Виктора сушей доставили, может, на чьей чужой лодке. Ведь целый день прошел.

Комаров подрулил к дому, наказал ребяташкам завтра с утра помыть мотоцикл, а сам двинулся к Маневичам. По пути задал себе строгий вопрос: только ли судьба Виктора его волнует, или ведет что-то смутное, которому и объяснение не сразу дать решишься? Но тут же на корню зарубил эту негодную мысль и решительно распахнул калитку. Широко шагая, пересек двор и хотел постучать в наличник, но, заметив, что дверь не заперта, толкнул ее. В деревне с этим не церемонятся. Вошел в сенцы и ошарашенно остановился. У порога, освещенные маломощной лампочкой, стояли мужские туфли. Лакированные, широконосые, черного цвета туфли без шнурков, на боковых резиночках. Такие были одни на весь поселок Ягодный. «Вот оно что». Не заботясь, что его могут услышать, лесничий быстро вышел. Взведенным курком щелкнул за ним английский замок. Что-то оборвалось внутри у Комарова, закололо сердце острой болью и обидой. Муж, может, загинал вовсе, а баба... Предположение: «А что если человек по делу зашел?», тут же пресеклось правдой: «В половине двенадцатого ночи самое время к одинокой бабе по делу заходить». Тут же невольно вспомнилось, что в тот раз, когда Ольга, разливая по рюмкам коньяк, наклонялась к нему, халат на груди чуть распахивался. Тряхнул головой, отгоняя наваждение, засопел тяжело. Еще раз подумал: «А ведь мужик-то, может, и загинал уже».

ИЗ ДНЕВНИКА НАДИ КАЛНЫ

1 июня... года.

Как пахнет черемуха — просто дух захватывает, все берега Берестянки нарядились в белое, будто кто простыни развесил сушить. А может, это паруса... Нужно го-

товиться к экзаменам, первое — сочинение. Раскрою русский и сию, как дурочка, смотрю в книгу, читаю, а о чем — совсем не понимаю. Думаю, кто кем станет после школы. Мы с Зойкой твердо решили поступать в педагогический — поедем в Барнаул. Одна бы я не решилась, а с Зойкой хоть куда поеду. Хорошо бы так всю жизнь вместе прожить. Я ее просто обожаю, такая она хорошая и простая, красивая и веселая. Ее все бригадиры уважают у нас на нижнем складе, а меня никто всерьез не принимает — пацаном зовут. На танцах приглашают, но никто еще не сказал: «Давай я тебя провожу». И ходим мы с девочками по тротуару, песни поем, на берег придем, посидим, а потом по домам. Хочется уехать куда-нибудь. Мама не разрешает на БАМ, я уже спрашивала. Зойка говорит, что без специальности там и делать нечего. Не могла я их убедить, такие они упрямые с мамой.

Сегодня ходили теплоход встречать. Раньше, когда были маленькие, всегда бегали, а теперь вот учеба, работа, маме надо помочь по дому. Последнее время меня тоска берет, как увижу теплоход, завидую, кто плывет на нем. Такая я завистливая, просто самой стыдно признаться. У Зойки красивая фигура — я ей завидую. Познакомилась Галька с приезжим парнем, а меня злость берет. Почему она познакомилась, а не я. Ну почему я такая? Непутевая какая-то.

Ко мне Пашка Чавилин подходил на пристани, угощал конфетами. Пашка нахал и такой противный. Говорят, он в колонии сидел, пьет водку и матерится по делу и без дела. Сейчас не очень, но все равно он мне не нравится, хоть и в техникуме учится и бригадиром недавно его поставили. Еще говорят, он с радисткой любовью крутит. Радистку у нас все знают — воображуя несусветная, всем ребятам глазки строит. Было бы на что посмотреть, а то такая же как я маленькая, только ноги толстые.

Когда шли обратно, догнали парня с чемоданом и рюкзаком. Зойка сказала: «Симпатяга, к кому-то в гости приехал». Только он немного рябоватый, а так ничего. Он спросил, далеко ли до поселка. Зойка ответила, что немного осталось. Он посмотрел на нее, а на меня даже внимания не обратил. Когда я буду такая, как Зойка? Наверное, никогда. Она и лифчик третий размер носит, а я — смех один. Обидно все-таки, чувствуешь себя неполноценной, будто тебя обидели ни за что.

1 июля.

Вот мы и отучились. Сколько лет хотелось школу закончить, а почему-то грустно. Я даже на выпускной не пошла. Зойка и мама уговаривали, я на них наорала, сказала, что не хочу никого видеть и убежала на речку. Взяла у пацанов удочку. Немного успокоилась. С эстакад доносился грохот — разгружались лесовозы, тархтел трактор-толкач, пахло дымом и живицей. Закат был красный, даже вода Берестянки походила на брусничный сок.

Кто-то подошел и стал смотреть мне в спину. Я не люблю, когда на меня так смотрят. Дернула удочку и рыбка сорвалась. «Не спешите», — сказал он.

Я еще не знала, что это Он. Оглянулась и увидела того парня, который встретился на лежневке. Я всегда стесняюсь незнакомых и не знаю, что говорить. Он отошел в сторону и начал возиться со спиннингом. Потом попросил помочь протянуть леску. Я помогла. Он стал расспрашивать о рыбе, что у нас водится. И мы с ним познакомились. Он учил меня бросать блесну. «Может, в кино пригласит», — подумала я. И мне захотелось ему понравиться. Я старалась все делать хорошо, и он обрадовался, когда я поймала щуренка.

Мы далеко ушли по берегу. Гудели комары, плескалась река, мне было так хорошо с Виктором, я радовалась, что не пошла на выпускной. Когда мы переходили ручей, он взял меня за руку и помог перейти по бревну. Я не убираю руку, а он ничего не заметил. Мы так дошли до переулочка, и Виктор сказал: «Мне, Надя, зайти тут надо по делу». Я поняла, что он хочет от меня отделаться, но он сказал: «Часов в восемь утра завтра я снова на рыбалке буду, если хочешь, приходи, я из тебя настоящего спиннингиста сделаю».

Я домой словно на крыльях летела. В пойме блестел огонек костерка, на тротуаре кто-то громко смеялся. Я постояла у эстакады, вспоминая, что мне сказал Виктор, и, как дурочка, чему-то заулыбалась.

14 июля.

Теперь я все знаю о Викторе — он наш главврач, будет работать в поселковой больнице. Вечером я прибиралась в кухне и ждала, когда он мимо наших окон пройдет. Он все не проходил. Я думала, что он забыл про рыбалку. Зойке я рассказала про Виктора. Она посмотрела на меня и сказала, чтобы я шибко-то не рыбачила долго и уши топориком держала, черт их знает этих мужиков, что у них на уме.

Я хотела идти на рыбалку одна, но тут проехала машина. В кузове сидели Виктор и какая-то женщина. По ее лицу я догадалась: что-то случилось. Она вытирала глаза концами платка. Они уехали, наверно, в Сусеково, но я все равно пошла на речку. села на бревно и долго сидела, думала, что Виктор еще придет, а он так и не пришел. Я не обиделась: у него работа такая, когда угодно могут увезти на вызов.

19 июля.

Мы с Зойкой начали готовиться к экзаменам в институт, документы уже послали, а вызова еще нет. На танцах был он. Зойка толкнула меня, когда объявили дамский вальс, но я не пригласила его — струсилась чего-то. Вот дура! А на другой танец он пригласил меня, и я обрадовалась. Наступила ему на ногу. Виктор рассказывал, как он однажды лазил в колхозный сад за малиной и его покусали пчелы. Я смеялась, и весь вечер была в хорошем настроении. Долго не могла уснуть, все думала, как Виктор относится ко мне. Неужели я ему нравлюсь?

Телефонограмма лесничему Березовского лесничества Комарову.

В связи с создавшейся обстановкой приказываю: поставить лесников проводниками поисковых групп и высадить в кварталах 155—162.

Председатель райисполкома Бутин.

11-7-75 г.

8 ч 30 мин

Из донесения летчика-наблюдателя Решетняка Л. В.

Пожар принимает катастрофические размеры. Нужна помощь: техника, люди.

11-7-75 г.

8 ч 45 мин

К магазину подходили люди: подростки, женщины, старики. У всех в руках лопаты, топоры, на спинах горбились рюкзаки, котомки. Бородатый старик просил у продавщицы «полмитрия».

— Нельзя, — говорила продавщица, — время не подошло. Сам знаешь, Пахомыч, как сейчас строго насчет этого. Только после одиннадцати.

— Фаюшка, мы в тайгу идем, поселок от огня боронять, — гундел старик. — Дай хоть одну на двоих. Больше не прошу: единую. Мне и Прокопычу. Тайга ведь горит, не ждет огонь ни одиннадцати, ни часу.

В другой раз продавщица, может, и не была бы такой строгой, но рядом находился лесничий, который однажды уже выговорил

ей за непорядок, и сейчас она вроде бы как реабилитировалась. Комаров понимал свою роль и поэтому пошел на нарушение установленного порядка:

— Выдай им, Фаина, ладно уж. Не на баловство люди идут. Это им как на фронте наркомовские были.

Бородатый дед почувствовал слабину и уже требовательно заявил:

— Ты ей, Федорыч, прикажи, пушай она нам по штуке на душу отпустит. Это ты точно заметил: как на фронт идем.

Комаров махнул рукой и вышел из магазина. На улице он разделил людей на бригады, назначил старших, дал указание:

— Просеку надо проложить, чтобы огню дороги не было.

— Знаем, — зашумели из толпы, — не впервой. Ты не бойсь.

— Только вы уж там поаккуратней как-нибудь, много лесу не валите. — Комаров отыскал глазами жену, поправил фуражку, солидно прошелся перед небольшой группой пенсионеров с бензопилами. — Себя поберегите, чтобы никто не поранился.

— Может, встречный запалить? — вывернулся вперед бородатый дед, разжившийся в магазине бутылкой и готовый из благодарности к Комарову родить любую инициативу.

— Видно будет, — уклонился Комаров, потому что встречный пал — крайняя мера, связанная с дополнительной гибелью леса. — Желаю вам всего...

— А ты что ж, Федорович, не с нами? — кокетливо спросила высокая женщина в болотных сапогах. — Женихов ты нам нашел больно стареньких, с ними если только песком пожар засыпать.

— Я уж и так предлагал своей Анне вместо меня в поселке хозяйевать, а сам мол с бабами на пожар. Куда там.

К Комарову подбежала девчужка, внучка конторской уборщицы Марии Игнатьевны.

— Дядя Вася, баба велела тебя к телефону. Из района ругаются.

Комаров наскоро простился со своей ударной мощью и рысцой припустил в контору.

— Как дела с пожаром? — Бутин спрашивал напористо и основательно, так как никогда в жизни не смог бы спросить Комаров. Лесничий в душе завидовал такой словесной основательности и не раз в разговоре с детьми пытался ей подражать, но даже здесь у него не получалось. Стоило кому из слушающих дернуться, а тем более хмыкнуть, как Комаров сбивался с приня-

того тона и говорил совсем миролюбиво: «Так вот, стало быть, короедики, чтоб мне больше не шкодить и перед матерью чтоб со всей почтительностью!» А вот у Бутина как-то получалось и поэтому Комаров, даже слушая предрика на расстоянии, впитывал каждое его слово глубоко и надежно.

— Надо прочесывать лес, — рубил Бутин. — Займитесь этим. Пусть участковый соберет всех до одного пенсионеров и начинается. А сам ты — на вертолет. Я должен знать обстановку.

«Где же его прочесать, лес-то, — уныло думал Комаров, садясь на мотоцикл. — У нас пенсионеров десятка полтора наберется ли, а тайге ни конца ни края. Да и опасно там сейчас пенсионерам-то».

По дороге на аэродром Комаров хотел заскочить к участковому, но тот встретился ему на пути. Чувствовалось, что с утра Толстошеев выходил уже не один километр. Лицо его было потно и красно, словно он только-только из парной.

— Далеко, Василий, направился? — спросил Толстошеев, вытирая большим и указательным пальцами пот из-под глаз.

— К вертолету. В тайгу хочу слетать, может, что сверху усмотрю, а тут сидеть — дурничка. Бутин звонил, велел тебе пенсионеров поднять, тайгу прочесать. Кровь из носу, а Маневича найти.

— Пенсионеров, значит... — видимо, участковый подумал то же самое, что минуту назад думал Комаров, но сомнений не высказал. Он был слугой закона и твердо усвоил, что приказы не обсуждаются. — Поднимем пенсионеров. А я сейчас — из пошивочной мастерской. Баранов вчера жинке моей трепанул, что видел Маневича в тот день, как тот из поселка уехал.

— И что?

— Точно, говорит, видал. Маневич был, а с ним какой-то парень в красной японской куртке на пуговицах. В сторону магазина шли. Ну, давай. Я сейчас к Фаине зайду, а потом насчет пенсионеров соображать стану.

Приземистый, широкоплечий Толстошеев неторопливо пошаркал по пыльным доскам тротуара.

Безжизненно висели листья придорожных тополей, нехотя грызлись около магазина две черные лайки. У клуба на столбе громыхал динамик. Казалось, поселок вымер, и эта песня со столба предназначается только щитовым домам, тополям, березам да двум вздорящим собакам. Однако, нет, жизнь в поселке хотя и замерла, но совсем не прекратилась. Работал детский сад —

с веранды его доносился разноголосый ребячий гомон, дымилась труба над столовой. Прицкнув на четвероногих нарушителей порядка, участковый вошел в магазин, осмотрелся. Фаина Ивановна Свеклова писала ценники.

— Я думал, и ты на пожаре, — для начала сказал Толстошеев.

— Нельзя мне, Николай Николаевич. Потребуется продукты бригадам, кто отпустит?

— Оно верно, — согласился участковый, заглядывая в пустые ящики из-под конфет. — Ты не помнишь, доктор, как ему из поселка уйти, к тебе не заходил, не брал чего?

Свеклова отлично помнила, что на прошлой неделе Маневич заходил. С ним заходил и крепкий паренек в красной японской куртке. Взяли два литра экстры. Она еще поинтересовалась: не праздник ли у них нынче какой, но доктор отмолчался, и она ничего больше спрашивать не стала. И теперь ничего не захотела вспомнить. Маневич был ей несимпатичен.

Леонид Петрович, доктор, который был до Маневича, каждую неделю ходил к Свекловым в баню, после чего откусывал их фирменного пирога с рыбой и пропускал стопку, другую водки. Кроме него в дом Свекловых были вхожи немногие. Только те, от которых хоть что-то зависело: лицензия на отстрел лося, льготная путевка в дом отдыха, запасные части к мотоциклу «Урал»...

Из всех полезных людей врач являлся личностью особой. Он оказывался просто-таки необходим. У Свекловых было завидное хозяйство, которое требовало немалых сил и времени. Время, помимо того, требовалось на то, чтобы сходить по грибы и ягоды, поохотиться, поставить сено, порубачить, набить орехов. На все, ну буквально на все требовалась пропасть времени...

Фаина Ивановна, как только приехали Маневичи, начала длительную осаду Ольги Нестеровны. Показала, зазвав к себе, собственное рукоделье, угостила выстоявшимися наливочками, завернула в газетку несколько колечек домашней колбаски. Через недельку Ольга Нестеревна уже у себя дома примеряла кримпленовое платье, а еще через сколько-то Виктор стал обладателем добротной дубленки. Лишь после всего этого Фаина Ивановна Свеклова отправилась на первый прием к новому доктору.

— Виктор Павлович, — начала она игриво. — Как дубленочка, подошла?

Свеклова после того, как узнала, что

дубленка в самую пору, поинтересовалась здоровьем Оленьки, посетовала на то, что она, такая красавица, захала в глушь, но тут же быстренько добавила с понимающим смешком, что, дескать, за таким как Виктор Павлович, орлом, любая орлица куда хочешь залетит. И еще о чем-то она говорила, а Маневич, думая, что так уж здесь принято знакомиться с людьми, слушал не перебивая. И там, где требовалось по ходу разговора, вежливо отвечал. А Свеклова старалась, уж так старалась...

— Знаете, Виктор Павлович, вы человек в этих краях новый, так я вам скажу, что в нашем доме собираются люди толковые, не шалай-валяй какие. В шахматы играют, в «шестьдесят шесть». Музыку слушаем. У нас, не совру, одних грамматических пластинок сто тридцать четыре штуки. Людмила Зыкиной полно, и Сличенко есть, и Ольга Воронец имеется. Телевизор смотрим. Так вы с супругой к нам в субботу на пирог, пожалуйста. Главный инженер леспромхоза будет, начальник сплавуучастка. И уж вы, пожалуйста...

Маневич секунду, другую колебался, но вспомнил, что Ольга рассказывала о Фаине Ивановне, какая она чудесная хозяйка, как отлично маринует опята, коптит рыбу и вообще все умеет, подумал, что жене, наверное, будет приятно провести у нее субботний вечер. Ведь Ольга, по сути, здесь совсем одна, ни друзей у нее, ни подруг. Это предрешило ответ.

— Вот и чудесно... Знаете, Виктор Павлович, расхворалась я вот что-то.

— Простыли?

— С сердцем что-то. Я вообще-то квялая, а тут с этими ревизиями переволновалась.

— Да, ревизия штука волнительная, — согласился Виктор и раскрыл тонометр. — Сюда, к столу пересядьте, пожалуйста.

— Ой, зачем это, — взмахнула руками Фаина Ивановна. — Леонид Петрович, тот всегда... Мне ведь не лечиться, мне только больничный...

По насмешливому взгляду доктора Фаина Ивановна поняла, что промахнулась.

С тех пор Маневич ей несимпатичен.

— Значит, не припоминаешь? — спросил Толстошеев.

— Нет, Николай Николаевич, — Свеклова пожала плечами. — Память девичья, вы уж извиняйте. Вообще-то доктор заходил. И вино брал и другое разное, но про тот день сказать не могу.

Участковый понимающе качнул головой и вдруг, словно бы вспомнив службу, ска-

зал тоном уже не дружелюбным, а официально неприступным.

— Почему, Свеклова, ты торгуешь капроновой тюлью через одного?

— А как иначе, Николай Николаевич, — всем не хватит, только тем, кто заказал. У меня в книге спроса записано.

— Покажи-ка свою книгу.

Свеклова нагнулась, пошарила под прилавком, посмотрела на полки.

— Как провалилась, язви ее, вечно куда-то девается.

— Так вот, Свеклова, никто тебе не позволит государственный магазин в частную лавочку превращать. Сигналы поступают от граждан. Со своим рабочим местом свободно можешь расстаться. А то чего и похуже.

— Что вы со мной так, товарищ участковый, — обиженно сказала Свеклова. — Я и так сколько оскорблений принимаю от пьяных мужиков, бабы из-за куска тюли удавить готовы, а тут вы еще.

— Не торгуй из-под прилавка.

— Так ведь люди заказывают. Вот и вам тоже — перчатки берегу, вы спрашивали как-то. Брать будете?

Вспомнил участковый, было такое — спрашивал он кожаные перчатки десяти размер.

— У меня и денег нет при себе, — сказал уже примирительно.

— Жену пришлите. Я поберегу, — прикинула что-то в уме, нахмурилась, будто припоминая, сказала запинаясь. — А ведь вроде в тот самый день доктор заходил. С мужчиной каким-то. Четыре экстры я им отпустила. И сыру плавленого две штуки, банку перца болгарского. Точно, в тот день это было.

— Как он выглядел?

— Виктор Павлович?

— Тот.

— В куртке красной на пуговицах. Он портфель поддерживал, когда водку складывали. Не в годах еще, молодой.

— Высокий? Низкий? Какой? Может, что тебе в глаза особое бросилось?

— Ничего не бросилось. Росту среднего, чернявый. Экстры они взяли, сыру плавленого, банку перца. А так ничего не бросилось... Да, еще мешочки он спросил полиэтиленовые. Этот, в куртке. Сорок штук я ему дала.

— Зачем столько-то?

— Вот этого не знаю, не спрашивала. Перевязала и подала.

— Не этой веревочкой? — Толстошеев показал тесьму.

— Ага. Наша тесьма.

Участковый вынул носовой платок, провел по лицу, но платок уже был мокрый и только размазал пот. Толстошеев, сконфузившись, укоризненно посмотрел на платок и сказал: «Ну жарница, пропади она пропадом», — пошел к дверям.

— Присылайте супругу за перчатками, — крикнула ему вслед Фаина Ивановна.

Участковый вышел на крыльцо, посмотрел на собак, которые уже не грызлись, а мирно лежали в тени тополей, и подумал: «Вот, шельма, чистая шельма, а не баба, надо ж так ловко подъехать. А в общем, что, мне перчатки не для моды нужны, по службе». И тут же отвлекся мыслями: «А зачем им все-таки столько мешочков, куда они их приладить задумали? Этот в куртке кто такой? В поселке, говорят, его до того не видели. А может, кто и видел? Поди, жена Маневича в курсе. И еще, смешно подумать: в больнице спирту залейся, а он водку покупает...»

ИЗ ДНЕВНИКА НАДИ КАЛИНЫ

7 сентября.

Папа и мама обрадовались моему приезду, а чему радоваться — не добрала баллов. Зойка набрала, а я нет. Ладно, какие наши годы, еще поступлю. На следующий год поеду. Будет у меня направление от школы. Зойка посоветовала устроиться пионервожатой. И вот работаю. Учителя здороваются, по имени-отчеству называют, а мне неудобно. Завучи освоиться помогают, а я еще никак не пойму, какой из них мой главный начальник. Владимир Евстигнеевич, директор школы, такой ласковый и добрый, вызывает к себе и рассказывает, как он был вожатым. В школе мне нравится, только без Зойки скучно.

Сегодня на танцах была драка. Дрался Пашка Чавилин. Ко мне подошел парень со сплава, стал приставать, а я танцевать с ним не пошла, он был пьяный сильно. Обозвал меня. Тут подбежал Чавилин, врзал ему и началось. Появились дружинники и участковый. Пашку увели, а сплавной убежал.

Я долго думала, что мне делать, потом пошла с девчонками к участковому, рассказали, что Пашка заступался за меня. Чавилина отпустили. Он довел меня до калитки и начал расспрашивать про экзамены, про Зойку, я вспомнила, как про него рассказывают, что он с радисткой дружит,

и сказала, что у меня болит голова. Он, наверное, обиделся: из-за меня дрался, ему рубашку порвали, а я не захотела с ним поговорить. Ох и вредная я. Теперь вот сижу, пишу, а сама переживаю.

20 сентября.

На субботу и воскресенье приехала Зойка и пришла ко мне в школу. Мы провели с ней сбор дружины, наметили план подготовки к седьмому ноября, решили организовать кукольный театр. Мы назвали его «Светлячок» — всем понравилось. Вчера у столовой видела жену Виктора, она к нему недавно приехала. Красивая, но только, наверное, ленивая. Это что за жена такая, которая дома ничего не варит, а бегает в столовую с кастрюльками да банками. Я как-то нарочно зашла к ним, попросить масла растительного, в магазине был учет. Вид у нее, прямо скажем... Нечесаная, без лифчика — даже под халатом заметно, в квартире не прибрано. За что такую женщину можно любить? Если бы я была его женой, я бы так для него наряжалась. И уж ни в жизнь бы в столовую не пошла. Таких бы ему котлет нажарила и пельменей настряпала. Все мужики любят пельмени. Я знаю.

Но это я просто так, без всяких мыслей. Я когда с Зойкой поделилась, она говорит, что у меня к нему чувство. Придумает же, и не выщепчешь такое. Зачем он мне женатый, да еще и рябой, что я дурочка какая?

10 ноября.

Про наш кукольный театр и про меня написали в газете и поместили мою фотокарточку. Там же была статья про Виктора. Пашкину бригаду наградили Почетной грамотой и по скольку-то денег дали.

Ольга Нестеровна, жена Виктора, преподает английский. Как увижу ее в учительской, глазищи ее масляные, так и хочется платком их протереть или водой промыть. А Виктор ведет у нас кружок «Кругозор», он интересно рассказывает. Даже со сплава ребята приходят. Одна девчонка, десятник сплавной, рыжая такая, так и плятятся на него и все вопросыки задает. Пашка не пропускает ни одного занятия и всегда садится позади нас. Девчонки говорят, что он в меня влюблен, а я не верю. Как меня любить, если я маленькая, да еще и некрасивая. Вот Зойку можно, а меня нет. У Зойки в доме плохо. Мать болеет, а отец, он мастером работает на верхнем складе, пьет помногу. У Зойки три брата, я в школе смотрю за ними. Они — послушные и дружные.

22 декабря.

По болезни матери Зойку отпустили из института. Днем она дома сидит, а вечером мы гуляем. Я узнала, что Зойка дружит с парнем из Пашкиной бригады. Вот иудина какая. Я у нее спрашивала, она говорит: «Ничего подобного». А сегодня я сама видела, как они целовались на крыльце у почты. Ну и пусть, проживу одна. Пусть она его любит, пусть они хоть поженятся, я даже на свадьбу не приду. Вообще-то, парень ничего, только тихий какой-то, хотя уже и в армии был, и в институте заочно учится. И все равно я ей никогда не прощу. Все! Все!.. Чтобы я с ней когда еще хоть словечко!..

25 декабря.

Зойку я простила. У меня было хорошее настроение. Я встретила Виктора, и он спросил, как это я быстро повзрослела.

27 декабря.

Вчера были танцы, и Виктор пригласил меня два раза. Его маслоглазая стояла у стенки и хлопала глазками, как сова. У него на пальто оторвалась пуговица, а ей и дела нет. И ходит он без пуговицы. Я бы ему сразу пришла. К нему даже из других поселков приезжают лечиться, его все уважают и ценят. Мама говорит, что теперь мы зажили. Виктор Павлович такие операции делает, что и в райцентре не решаются. Я все перерешила. На следующий год не в пед пойду, а в медицинский. Летом буду работать на практике у него, в нашей больнице. Он посмотрит и увидит, что я совсем не такая, как его женушка. И сам поймет, с кем ему лучше. У такой дуры, наверное, и дети-то не могут родиться.

Сегодня в клубе был вечер отдыха. Мы стояли на крыльце: Зойка со своим Юркой и я. К нам подошел Пашка Чавилин. Он срезал с закрытыми глазами плюшевого медведя. Подошел и подает мне, а я руки за спину убрала и не беру. Пашка стоит и моргает — так смешно. Зойка говорит: «Бери, чего воображаешь». Думает, если я ее простила, так можно и командовать. Я взяла. А Чавилин говорит: «Давайте Новый год встречать вместе. Пойдем в тайгу, я знаю, недалеко есть вагончик, поставим свечи, нарядим сосеночку». Зойка согласилась сразу, а я нет. Чего, спрашивается, переться в тайгу, в мороз, дома куда лучше. Зойка стала меня уговаривать, Юрка и Пашка тоже, говорят, будто они без меня не смогут пельмени сварить. Был бы Виктор, я бы с ним хоть куда пошла.

В верховьях Листвяжихи обнаружен очаг.
Горит 0,5 га. Организуйте людей с продук-
тами, очаг быстро разрастается, угрожая
кедровой даче.

11-7-75 г.

10 ч 20 мин

Комаров не видел этого донесения, он летел в одном из патрульных вертолетов, вглядываясь в берега извилистых рек. У него затекла шея от неудобного положения у иллюминатора, хотелось курить, а он все смотрел, ощупывая взглядом каждый мысок, каждое деревце.

Дым густел, пилот поднимал машину все выше, и вот деревья уменьшились до размеров спичек, а река стала похожа на брошенную ненароком веревку. Пожар длинными языками вклинивался в сосновые массивы. Эти массивы были любовью Комарова: молодые мачтовые сосны уходили в самое небо и, казалось, оно держалось на них. В сосняке были отличные ягодники, в изобилии вдились рябчики и глухари. Прежде Комарову каждый год приходилось ругаться с директорами леспромхозов, которые не хотели строить лесовозные дороги в дальние лесосеки. Хапая что поближе, они подобрались к мачтовому сосняку и уже навострились на него. Когда два леспромхоза слили и появился настоящий хозяин — радательный директор Максим Сергеевич Попов, он вместе с Комаровым походил по сосновым кварталам и, убедившись, что лес молод, сказал: «А мы подождем». Узнав об этом, главный инженер психанул, подал заявление «по собственному», но в райкоме его приструнили, и он перестал точить зубы на Желтые гривы. Теперь эти гривы горели, а значит, зимой они будут отведены под рубку. Когда дело касалось бездумного расточительства или варварского отношения к лесу, Комаров свирепел. Особенно не терпел раззяв, оставивших в тайге непогашенные костры. Он их штрафовал, направлял дела в суд, в зависимости от тяжести преступления. Услышав о пожаре, Комаров скрипел зубами, его серые, широко расставленные глаза мутнели от ярости, оттопыренные уши, казалось, шевелились. Лесничий метался по кабинету, задевая и роняя со стола папки и схемы. Широкоплечий, сутуловатый, с длинными руками, он походил на медведя. В такие моменты людям, его наблюдавшим, становилось не по себе и в них безотчетно возникало чувство собственной вины. Будто не кто-то там, беспечный неизвестный, а они

сами были виновниками беды. Вообще же по складу характера был Комаров добродушен и отходчив. Пометавшись, он садился на свое место, запускал пятерню в рдеющую шведюру и начинал прикидывать. Какое-то время сидел, уставившись в одну точку, анализировал создавшееся положение. Потом отдавал распоряжения лесникам и пожарным сторожам. Распоряжения эти были точны и основательны, так же, как точно и основательно было знание Комаровым леса и мер, необходимых для его спасения.

Комаров родился и вырос на Алтае. Отец его был путевым обходчиком, мать работала в избе-читальне. Сейчас это слово вроде бы устарело, но в дни детства Василия было ходовым. Ходовыми были тогда и другие словосочетания: вагон-клуб и вагон-лавка. Приезд этих вагонов на полустанок являлся сущим праздником как для взрослых, так и для ребятишек.

Василий в семье был самым младшим, войну помнил смутно, зато старший брат и две сестры хватили ее по самые маковки. И в их разговорах война воскресала часто. Сам же Василий связывал то время с быстрой сменой воинских и санитарных эшелонов, на полном ходу миновавших полустанок. От каждого состава, как чудилось маленькому Васе, пахло по-своему.

Приходили на станцию похоронки, жутко выли бабы, постаревшие до времени, но Комаровых война большим горем лишь чуть-чуть коснулась. «Отец-то наш живой, — говорила мать, — живой!» Комаровым завидовали. Хотя Федор не привез ни высоких наград, ни больших тяжелых чеменов. Снайпер Комаров вернулся с войны кавалером медалей «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и «За взятие Кенигсберга». С собой он прихватил четыре куска хозяйственного мыла и две пары портянок. А еще привез скрипучие костыли и торжественную любовь к праздничным дням. Он чтит все революционные праздники, но к Дню Победы относился по-особому. С утра надевал не пиджак с планками медалей, а солдатскую гимнастерку с самими медалями, чинно садился завтракать. Налив стакан до краев, чокался с глухим от контузии соседом и тихо говорил: «За ребят».

После войны полустанок разросся: построили элеватор, школу-семилетку, по соседству возник совхоз. Вася ходил с матерью по бригадам, разнося книги пропыленным трактористам, которым в страду было не до чтения. Чтобы не пачкать книг

мазутными руками, трактористы брали их обрывками газет, тряпочками, в которых приносили на полосу обеда. Приходила мать, забирала одни книги, оставляла другие. Зато зимой отбою от читателей не было. В вагоне-клубе показывали кинофильмы «Секретная миссия», «Кубанские казаки» и всякие трофейные. В вагоне-лавке продавали сахар и пряники.

Вася с мальчишками купался в ручье, копал пучки, саранки и мечтал стать машинистом паровоза. Но в пятом классе прочитал книгу Ивана Арамилева «В лесах Урала» и заболел тайгой. Тайги поблизости не было, зато были березовые колки, в которых можно интересно проводить время, наблюдая за разной дикой живностью.

После окончания семилетки Вася уехал в Томскую область, где жила тетка. Тетка работала бухгалтером в леспромхозе. Приняла она мальчика хорошо и обещала хлопотать, чтобы его определили лесником. Однако в лесники он не попал по возрасту, а поставили его учеником в бондарню.

Бондарь был преклонных лет, жил одиноко, но оставался еще крепок, ловко ладил логушки, квашенки, бочки под живицу и был мастак на прибаутки. В поселке его уважали за веселый нрав, за бондарское умение, но особым расположением пользовался он у женщин. Бабы просто на руках его носили. И все потому, что умел бондарь складно ворожить и всегда его ворожба сводилась к тому, что незачем бабам горевать, ругаться на своих мужиков и думать про них чего-то там плохое.

Поначалу работать с ним было сущим адом. С шести утра начинал Аким чертомить, клепка в его заскорузлых коряжистых руках аж стонала, сочные присказки так и сыпались на голову помощника. Вася долго крепился, но однажды не выдержал, схватил палку и тихо, с дрожью в голосе сказал:

— Еще раз обругаешь, эту вот жердину о бока твои обломаю.

Аким улыбнулся в пушистые усы, сверкнул голубыми, как майское небушко, глазами и ничего не ответил, но впредь не бранился и даже возникла между мастером и учеником такая дружба, которая только и может возникнуть между многоопытным одиноким человеком и юношей, еще только созревшим для впечатлений, коими так богат его пожилой знакомый.

От тетки перебрался Василий к деду, и стали они жить-поживать весело и беззаботно.

— Ты, Васюха, бабов не боись, но и

душу им не отдавай, отдашь — пропадешь, заездиют, затопчут, — говорил дед смущенному парню, наставляя, как любил выражаться, на чистый путь.

В небольшом домике бондаря по вечерам былолюдно: заходили пожилые женщины погадать, заскакивали молодайки, которым требовалось приворожить парня. После ворожбы затыгивали песни, потом женщины расходились по домам, а молодежь затевала игры. Василий не любил вечеринок, они смущали его своим шумом, колготой. На это время он обычно уходил в библиотеку.

Весной дед простудился на охоте, слег и больше не встал. Перед смертью он попросил Василия сбегать за соседками и при них передал ему самодельный кошель с деньгами и облигациями, завещал владеть домом и хозяйством.

— Будешь жениться, — говорил он хрипя, — бери Нюрку Федорину. Справная будет жена. А главное — любит она тебя: присушить просила.

Схоронили весельчака и сквернослова Акима, тихо стало в поселке. Василий продолжал работать в бондарке, но душа его уже не лежала так к дереву, каждый предмет напоминал о голубых глазах непоседы бондаря. Иногда забегала Анюта, разгоняла тоску мягкой улыбкой, добрыми словами и тогда вроде светлей становилось в маленьком домике.

Василий отслужил в армии, закончил лесной техникум, переехал в Красноярский край. Но однажды вернулся в то село, где жила Анюта. Село стало заброшенным, потому что лес вырубил и леспромхоз переехал в другое место.

— Я знала, что ты приедешь, — говорила плача Анюта. — Ведь дедушка Аким присушил тебя, и я все время ждала, когда ты приедешь, а ты и писем не писал.

Он гладил ее волосы, целовал соленые от слез щеки и ругал себя за черствость.

Они уехали в степь, но в совхозе Василию не пожилось. Заскучал он без тайги, без ее суровых безымянных речек, без светлых, прозрачных до самого дна глубоких озер. И не стал он работать совхозным столяром, а пошел по ученой своей специальности: приехал сюда руководить Березовским лесничеством. Два сына у Василия и Анны, две дочери, живет семья не то, чтобы в обилии, но достаток есть, не хуже, чем у других. А одно на особицу приметно — свар и дрызг обыденных нет у них. Сделает Василий что надо — хорошо, не сделает, забыв или проохотившись, не стружит его

Анна, как стружат другие бабы своих мужей. «Много ли мужику надо, — говорит Анна подругам. — Сытный ужин да бабье участие». Хотя знает, что этим далеко не исчерпываются женские обязанности. Ведь несмотря на множество повседневных домашних дел, которых никогда не переделывать, женщине нужно выглядеть бодрой, когда устала, ласковой, когда нет сил улынуться, нужно посидеть с сыном за законом Бойля-Мариотта, послушать, как дочка разбирает сольфеджио. И еще много, много чего надо уметь женщине-матери, женщине-хозяйке.

Работа у Комарова шевбутная — зимой отводы, летом и весной хлопот еще больше. Приемка вырубленных делян и разного рода проверки. А тут нет-нет да и пожары. Горит тайга от разных причин: то костер не затухший оставят рыбаки или туристы, от искры машинной, а то вдруг запылают там, где и нога человеческая не ступала. Летние грозы — исконные источники лесных бед.

Выгорают массивы отличных деловых сосняков и кедровников, гибнут на корню деревья, а поделать — ничего не поделаешь. Насупит лохматые брови лесничий и молчит. Выводит его из равновесия безхозяйственность леспромхозовских деятелей, которые ради лишнего «кубика» готовы забыть не только технологию лесозаготовок, но и собственную совесть. Штрафует их Комаров, наказывает за каждый оставленный в лесосеке хлыст, за малейшее нарушение правил рубки. А уж если на деляне порядок — и подрост сохранен, и порубочные остатки в надлежащем виде, тут уж получай бригада премию. Премии выплачиваются исправно, также исправно налагаются и штрафы. В общем, течет себе по своему течению леспромхозовская жизнь.

Недавно, например, как ни пыжился главный механик леспромхоза, как ни психовал главный инженер, доказывая, что тракторы двигались в положенных местах, Комаров передал дело о гибели молодняка, загубленного тракторами, в комитет народного контроля. Теперь придется виновникам и прямым и косвенным рассчитывать. Не из государственного кармана будут платить голубчики, а из своего собственного. Так-то вот оно.

Вертолет, миновав кромку пожара, снизился. Комаров увидел на поляне людей, размахивающих лопатами и фуражками. Среди них он узнал лесника Колесова, который был назначен старшим группы. Ориентируясь на него, Комаров выбросил пер-

вый мешок с консервами, хлебом и папиросами. Через несколько минут полетели на болотце еще два мешка, потом еще, еще. Комаров и сам бы прыгнул, если бы был уверен, что его присутствие ускорит конец пожара.

Несколько раз звонил лесничий в район, просил помощи, но ее по сей день не было, хотя и обещали. «Видно, еще где-то тайга горит, — думал Комаров. — А тут еще Маневич потерялся. Как тут поступить? И огонь нужно задерживать, и доктора нужно искать. Где искать? Ясно, что на реке, только в какой стороне? На территории лесничества десятка полтора рек и речушек, не говоря уже о старицах и озерах».

Комарову приходилось вести поиски потерявшихся, как говорят, «ушедших сором», но то были случаи, когда имелась хоть какая-то зацепка, указывающая примерное направление. Тогда делалось все просто: отправлялись добровольцы на прочесывание пешком, выезжали на моторных лодках с ружьями, с собаками. Тайга тогда не горела. А вот такой случай, как нынешний, у Комарова впервые.

«Что предпринять? Людей нет. Можно, конечно, несколько человек снять с пожара, но куда их направить? Толстошеев говорит: надо начинать поиски с поселка. А при чем поселок? Жена не знает, никто не знает. Кто тот парень в красной куртке? Кто? Может, городской знакомый приехал?» И вдруг, как озарение: мешочки! Сорок полиэтиленовых мешочков. Перед глазами Комарова как наяву возник прозрачный мешочек, из которого торчат тонкие рыбы хвосты...

ИЗ ДНЕВНИКА НАДИ КАЛИНЫ

1 января.

Елка у нас в школе прошла здорово, я даже забыла, что я взрослая, и носилась со всеми школьниками вместе. Владимир Евстигнеевич меня похвалил и пригласил в кабинет. Там я сразу увидела Виктора. Он был в черном костюме, стоял у книжного шкафа, листал книгу. Его Ольга и тощая, высоченная математичка в белом свитере и при деревянных бусах сидели на диване.

Директор открыл шампанское, разлил в стаканы. Мне стало стыдно перед Виктором. Что он подумает обо мне? Я хотела отказаться, но потом не стала. Мы выпили. Ольга заговорила о чем-то, а Владимир Евстигнеевич сказал, что пора крутить мясо, делать пельмени и котлеты. У Ольги

поскучнело лицо, и у математички, Виктории Макаровны, — тоже. Конечно. У них у обеих ноготки наманикюренные и еще не хотят, чтобы от них луком пахло. «Я пойду крутить», — сказал Виктор. «А кто займется тестом?», — спросил Владимир Евстигнеевич и вылил остатки шампанского в стаканы. Я сказала, что я, и испугалась — меня же никто не приглашал.

В тайгу я не пошла, а попала к ним. Я была счастлива, может быть, первый раз в жизни. Мама и папа гуляли у соседей, и я до самого утра была у Виктора. Владимир Евстигнеевич танцевал с Ольгой и Викторией Макаровной. А меня приглашал Виктор. Он и их приглашал, но меня все-таки больше. Мы еще пили шампанское, хохотали и слушали магнитофон. А потом Виктор и она вышли на кухню. И я через дверь увидела, как они целовались. Он не просто так целовал, а по-серьезному, прижимал к себе, и она держала его за плечи. Мне стало обидно. Я убежала домой и, наверное, этого никто, конечно, не заметил. Я заплакала и больше всего мне захотелось умереть. Всегда так: то очень хорошо, то очень плохо. Я заметила, что когда много смеешься, то придется много плакать. Пишу и плачу. Лучше бы я пошла в тайгу. Не пошла, так мне, дуре, и надо. И вообще я дура! Дура! Дура!

3 января.

Умирать мне расхотелось. Лучше я заболю и тогда меня положат в больницу, а Виктор каждый день будет приходить ко мне в палату. А вдруг такая болезнь, что придется раздеваться? Ни за что! Надо придумать такую болезнь, чтобы все по нормальному, совсем не опасно, но чтоб положили. Но ведь каникулы... Надо сводить ребят коллективно в кино, поставить в детсаду спектакль, чуть не забыла про книжку на неделю. Нет, болеть сейчас никак нельзя, лучше после каникул.

Вечером пришла Зойка со своим Юркой. В тайгу они не ходили, отмечали у Зойки. Пашка Чавилин напился водки и его отхаживали. Зойка говорит, что он напился из-за меня. А я-то ири чем здесь? Мы договорились пойти в воскресенье на лыжах и жарить шашлыки. Они уже заранее сделали шампуры в мастерской.

4 января.

Я не пошла с ними. Напал какой-то психоз, какая-то обида. Я кричала на Зойку, а она только смеялась. Они ушли. Мне стало еще хуже — идиотский характер: сначала

натворю, а потом думаю, что поступила плохо. Вечером пришла Зойка, веселая и от нее пахло дымом. Я сказала, что я сумасшедшая, бешеная и пусть она на меня не обижается. Мы помирились. Зойка стала меня тискать, я ее свалила на диван.

20 января.

Невезучая я, ох и невезучая, так хотелось заболеть. Наелась снегу, обрадовалась, когда горло заложило, а утром все прошло, хоть плачь. Даже грипп не пристаёт ко мне. Другие как-то болеют, везет же людям.

12 февраля.

В то воскресенье надела лыжи и пошла на горку. Два раза упала и чуть не сломала лыжу. Светило солнце, снег переливался разными огоньками. Я пошла по лыжне, рассматривая занесенные деревья и кусты. Вышла на речку и увидела Виктора. Он фотографировал. Сердце у меня застучало на весь лес, ноги отяжелели, но я подошла. Он обрадовался. Мы шли, болтали, он фотографировал меня. Я хотела ему сказать, что видела, как он целовался с женой, но побоялась, а вдруг он подумает, что я за ним подглядываю, и уйдет, а мне хотелось побыть с ним, послушать, как он говорит.

Он сказал, что Ольга и Виктория только что удрали от него домой, но ему повезло: он встретил меня. Говорил он это шутя, но мне показалось — он и правда обрадовался, когда мы встретились.

Мы нашли майну — рыбаки пробили, видно, недавно — и Виктор стал кипятить чай. Потом он изжарил на прутиках колбасу. Я ела, будто меня сто лет не кормили, и все боялась, что скоро нам придется расстаться. После чая я так осмелела, что попросила стрельнуть из ружья. Мне просто захотелось похвалиться. Папа меня научил стрелять, очень гордится этим и даже хотел мне купить маленькое ружье.

Я загадала: если я попаду, то все ему расскажу, чтоб он знал и мне, может быть, станет легче. Я попала. Он сказал: «Ты молодец, Надя, хорошо стреляешь», — и как-то по-особому посмотрел на меня. А я думала, как же ему все сказать. Он спросил: «Почему я грустная — мне идти надо?» Я сказала: «Я грустная, потому что не знаю, как сказать, что люблю тебя». Я смотрела ему в лицо и боялась моргать. Он шагнул ко мне, хотел, видно, обнять, но я, дура, не далась. Он нахмурился, сел на поваленное дерево, где мы сидели, когда пили чай, и стал курить. Я бросила в костер ветки, они

разгорелись. Я смотрела на огонь и ругала себя: зачем сказала. Сучья потрескивали, а он все молчал. Огня не стало. Все прогорело. Я хотела плакать и не могла. Ну зачем я ему сказала? Он женатый, он старше. Господи, ну почему так все нескладно получается, почему? Как будто я хуже других. Почему меня никто не любит? Может, Пашка любит, а я его — нет.

Я пошла и все думала, нет, я ничего не думала. И не заметила, как он меня догнал. Нет. Зачем я вру. Я слышала, что он догоняет, но сделала вид, что не слышу. Он обнял меня и стал целовать, и тогда я заплакала. Он что-то говорил, сейчас не помню.

20 апреля.

Вот и промелькнула зима, дни стали длинней. Я все занимаюсь — готовлюсь к экзаменам. Буду поступать в медицинский, говорят, там конкурс в два раза больше, чем в педагогический. С Виктором я встречалась несколько раз, мы разговаривали, но больше не целовались, а Зойка с Юркой целуются каждый день. У нас настоящая дружба, он поймет и полюбит меня. Я знаю! Вот поступлю в мединститут, буду работать в больнице, тогда он узнает, что я ему нужна.

28 апреля.

К нам вернулась зима — такая метель разыгралась, что ничего на улице не видно. Правда, сейчас уже тепло. Я знала, что Виктор на нашем месте и тоже пошла в лес.

Мы решили сходить к избушке, которая в тайге у Круглого озера. Затопили печку, согрели чай. В избушке было тепло, пахло сухими травами и землей. Мы смотрели на огонь и молчали, а на улице начиналась метель. Нам было тепло и хорошо. Я смотрела на Виктора и мне показалось, что это наш дом и мы давно живем тут. Я осмелилась и поцеловала его. Он обнял меня так крепко, что у меня закружилась голова. Виктор целовал меня и говорил: «Милая моя малышка, какая же ты славная». Я не знала, что сделать такого, чтобы ему было еще лучше, я хотела, чтобы так было всегда, всю жизнь. Но Виктор встал и сказал, что надо идти домой, уже слишком поздно.

Из донесения летчика-наблюдателя Решетника Л. В.

В районе наблюдений охвачено очагами пожаров 56 гектаров тайги. Особенно труд-

ное положение на территориях Чернореченского, Гриневского, Березовского леспромхозов.

Ниточка Толстошееву не давалась. Он обошел почти все учреждения, поговорил со многими людьми, которые не вышли на просеку, но безрезультатно. Также ничего нового не приобщил он к делу о краже в столовой. Тут вообще было беспроблемно. А вот в деле с Маневичем были: обрывок тесьмы, парень в красной куртке, полиэтиленовые мешочки. Мало, конечно, но все же зацепка есть. Надо узнать об этом парне. Но где узнать, как? А может быть, он вместе с Маневичем пропал? А может, они в тайге поссорились и... Всяких «может» было такое множество, что участковый, служба которого не так уж была богата событиями подобного рода, а точнее сказать, такого вообще не бывало, не на шутку растерялся. Как и Комаров, он думал о том, что парень в красной куртке вполне мог быть гостем из города. Но мог быть и из общежития. В холостяцкое общежитие леспромхоза на днях приехала большая группа вербованных, может, спутник доктора был из них? Да, в общежитие надо наведаться непременно. Там, кстати, и насчет столовой, глядишь, что прояснится. И в больницу требуется заглянуть, с фельдшером потолковать.

Сделав небольшой крюк, Толстошеев зашел в гараж, посмотрел на стоящие в ряд лесовозы, проверил замки на складе запчастей, и лишь после этого направился в общежитие.

Несколько комнат были закрыты на замки. Видно, жильцов мобилизовали на тушение пожара. А вот в пятой или шестой по счету сидели за столом двое парней и прямо из банок ели рыбные консервы. Оба были крепыши, в джинсах и зеленых рубашках в клеточку. Отличались они друг от друга лишь прическами: один был не в меру лохмат, другой стрижен что-то на манер полечки.

— Хлеб-соль, — сказал Толстошеев, присаживаясь на табуретку. — На тарелки-то лень выложить?

— Садись с нами рубать, папаша, — сказал лохматый, — мы на пяток минут домой забежали, сейчас снова за баранку. С тарелками возни много, да из банки и вкусней. Витамины не размазываются. Ты давай бери вилку, не робей.

— Спасибо, — отказался Толстошеев. — Я уже закусил.

— Ясно, — кивнул лохматый. — Мест-

ная кадра. Живность сама на стол просится. Небось, скотины-то полный двор?

Толстошеев хотел было его осадить начальственно, но вовремя остановился: он пришел для деловых контактов и возводить границу между собой и, может статься, будущими свидетелями, не в его интересах.

— По делу я к вам, ребята. По-серьезному.

— Гражданин начальник просто так не зайдет, — подмигнул товарищу «полечка».

— Вестимо, — дурашливо отозвался тот. — Кража, небось, обнаружилась. Хищение общественной собственности. А может, и убийство при отягчающих обстоятельствах?

— Может и так, — утвердительно кивнул Толстошеев. — Человек потерялся, а то и двое сразу.

— Из наших кто, из леспромхозовских или из поселковых? — в голосе лохматого деловое любопытство.

— Один — доктор. Может, знаете — высокий, рябоватый. Двадцать восемь лет...

— Не познакомились еще, повода не было...

— ...Другой — в красной японской куртке на пуговицах... Возраста не знаю, но скорей всего годок с доктором. Этот — не ваш?

— Кто его знает, может и наш. Мы еще друг к другу как след не пригляделись. В красной куртке на пуговицах... Ты такого не заметил, Леха?

— А черт его знает. Мало их в красных куртках. По мне, я сам не потерялся — и то ладно. А если я потеряюсь, старший лейтенант, меня искать станешь?

— Само собой.

— А я, может, не хочу, чтоб ты меня искал, может, мне самому, выгодно потеряться.

Оба парня захохотали, и Толстошеев понял, что разговора с ними не получится. Не те люди, чтобы милиционер мог рассчитывать на их помощь. Покачал головой, встал, надел фуражку и вышел. Одну за другой подергал все двери, никакая не открылась. Хотя он и не очень рассчитывал на удачу в общезитии, какая-то надежда все-таки теплилась. И когда она рухнула, подумалось, что и в больнице он ничего не узнает и идти туда — тянуть пустой номер. К тому же еще была причина, мешавшая ему направиться в больницу непринужденно и деловито. Но долг все же пересилил нежелание.

Фельдшерница, женщина еще не старая, но уже и не молодая, сухощавая, с черно-

ватенькими усиками над верхней тонкой губой, стояла во дворе на узком деревянном тротуаре и отчитывала больного в коротком сером халате. Тот, опустив голову, мял в руке окурочок. Ветерок раздувал полы короткого халата, оголяя тощие волосатые ноги. Толстошеев понаблюдал эту картину и ему сделалось совсем тоскливо. Он должен был поздороваться с Ниной Васильевной, но для этого требовалось ее перебить, а перебивать было неловко, и он стоял молча. Она же, словно не замечая его, продолжала выговаривать больному за курение. И только тогда, когда сказала ему все, что хотела сказать, полуобернулась к Толстошееву.

— Вы ко мне? — голос ее, до того непрекаемо-строгий, чуть дрогнул.

— Да, — ответил Толстошеев.

— Пойдемте...

В кабинете участковый не знал, куда девать руки, куда присесть: на белую кушетку опуститься не решался, боясь помять тугую гладкости простыню. Павлова, словно не замечая его нерешительности, присела к столу, поправила шапочку. «И не изменилась почти, такая же, как и тогда. И шапочку так же поправляет, как тогда».

Долгим выдался сентябрь 1942 года. Все утро моросило. Из небесной хмари опускалась на тайгу, на поселок Высокий яр плотная кисея дождя-сеянца. Такая плотная, что в полусотне шагов нельзя было увидеть ни широких добротных изб с тесовыми воротами, ни амбаров, ни обрывистого берега реки, ни людей, собравшихся на нем. Зато шум слышался, гудело село. Надрывалась, заходила в переборах гармошка, звонкие девичьи голоса выводили частушки, взлаивали собаки.

Колька Толстошеев, остроплечий, скуластый, невысокий мужичок стоял в стороне от веселой толпы и грустными глазами смотрел под обрыв, где сквозь дымные слои тумана проглядывала родная речка. Отец Николая слыл на селе за дикаря и нелюдима, его боялись и поговаривали, что у него дурной глаз и это он портит скотину. То, что старший Толстошеев был одним из лучших промысловиков района, значения не имело. Мальчугану силой приходилось доказывать, что его отец вовсе даже не колдун, но молва не унималась. И это отложило свой отпечаток на характер Николая. Несмотря на малый рост и совсем не великую силу, был он отчаянным и задиристым невероятно. Пацаны уважали его за храбрость, но когда он начинал задирается, объединялись и дружно ему всыпали. Когда подрос,

Николай стал с отцом ходить в тайгу. Промышляли они соболя, били лосей, добывали орехи.

Началась война. Засобирались сибиряки-охотники с виду неповоротливые, а в самом деле ушлые и проворные.

Проводили старшего Толстошеева — первостатейного соболятника, стрелка отменного. Остался Николка с дедом и матерью хозяйством управлять, сестренку нянчить. Но не долго у матери век протянулся: утонула, не нашли. После поминок, когда разошлись соседи, когда уснули глупышки-девчончишки, сел дед Толстошеев за стол, минут пять сидел не шевелясь, а потом выпил стакан водки и позвал Николку:

— Ну что, парень, терпи, ты не девчачей породы, скоро и тебя на войну собирать. Война — работа трудная, без выходных. Трудись крепко, с умом. Труса не праздной и храбрись умно. Пули глупой не ищи. Помирать если на войне приходится, то в самый раз чтоб с толком. На войну не для того идут, чтобы помирать, а чтобы врага бить. Я вот лично три войны провоевал и видишь вот — живой. А то что мне два Георгия дали, так задарма их не дают. Доживу я иль нет до конца этой войны — не знаю. Что-то грудь закладывать часто стало. А ты живой приходи, но только роду нашего, смотри, не опозорь.

Стоял Николай в то морочное утро и ждал: придет или не придет его касатка. Работала она в ночную на току. Перед самым отплытием парохода, когда уже заголосоили бабы, Нина прибежала и протянула узелок. «Тут тебе на дорогу, — сказала тихо. — А еще кисет, если курить начнешь». Стояли друг перед другом молча, смотрели печальными глазами. «Так негоже, дети, обнимитесь, не на день расстаетесь», — прогудел дед Игнат.

...Запахнул машиной, закачался пароходик, зашмякали плицы по тяжелой коричневой воде.

Воевал Николка Толстошеев хорошо. Был связистом, был стрелком. Усмотрел как-то замполит роты ловкого связного, который и на лыжах шустро бегаёт и стреляет прилично. Направили его в разведзвод. За важного «языка» наградили Николая орденом Красной Звезды, направили в танковую школу.

Письма от Нины и отца шли бодрые и ласковые. Отец сообщал, что воюет в специальном истребительном батальоне. Нина писала, что в семье Толстошеевых все хорошо, дед на охоту ходит, а она с Николаевыми сестренками возится.

Сложил свою голову Толстошеев-старший на чужой стороне. А Николка довоевал до победы, вернулся домой. Все эти годы ждала его Нина, верила, что явится живым и невредимым. Явился. Но не к ней. Кто-то на пути по пьяному делу прихвастнул, что горяча русская печь у Павловых и Нинка — баба куда как приветливая. Поверил демобилизованный гвардии старшина Николай Толстошеев чужим словам. Обзавелся дружками и загужевались они, шлындая из двора во двор, от одной вдовушки к другой.

— Сходи к невесте-то своей, — убеждал Николая дед Игнат, — изождалась она, от счастья оглупела, радая, что ты вернулся целым-целехонек.

— Я-то вернулся, а она...

— Цить. Дуракам поверил, сам дурак стал. Сходи.

— Чего я там не видал?

Девочка у Нины появилась, чужая девочка — сиротка. А Николай совсем в дыбки и при встрече здороваться перестал. Сошелся с приезжей девахой, вроде семья образовалась.

Дом справил Толстошеев большой. Крыша под железом. Под железом и пригон. В общем, полное довольство. И обогрет был Николай и вроде обласкан, но нет-нет да потянет его на подворье Павловых. Пройдет мимо, вздохнет тяжело. Заплот покосился, ветхая крыша требовала мужской руки. Но не пускала его к себе Нина, суровели ее глаза, когда видела Николая.

Вот и нынче села за стол, поправила привычным движением шапочку, а взгляд отчужденный, словно и не знакомы они вовсе. Говорит, как будто не вяжет слова, а роняет.

—...Приходил Виктор Павлович. После обеда. У Пети Котова рука сломана. Он все беспокоился. Мне наказывал внимательной быть.

— Один заходил?

— Один. А были вдвоем. Тот, в красной куртке, во дворе дожидался.

— Не слышали, о чем-нибудь они говорили?

— Нет, — Нина Васильевна вдруг виновато улыбнулась и Толстошееву так захотелось погладить ее маленькую худую руку, что он, удерживаясь от произвольного движения, сжал пальцы в кулак.

Толстошеев прошелся по ординаторской, но думал он не о Маневиче и не о краже. На фоне сегодняшних событий предстала пред ним вся его послевоенная жизнь. И необычайно отчетливо почувствовал, что

не шла она, эта его жизнь, а катилась, словно по гладкой доске, без задержек. И счастливой не была и несчастливой не назовешь. Сыт, одет, обут, при важном деле. А вот когда надолго отлучался из дому: участок его был обширен, поселки друг от друга далеко разбросаны, к привычному домашнему теплу его не тянуло. Так он прочувствовал за какие-то мгновения всю свою несуразную жизнь и, не оборачиваясь к Нине Васильевне, глядя в окно, сказал тихо:

— Прости меня, Инна, если можешь.

Ничего не ответила женщина, только все тем же привычным движением коснулась белой шапочки. Прищурилась, скрывая подступившие слезы.

Уставший и голодный шел Комаров по дощатому тротуару от аэропорта. Он только что вылез из вертолета, в голове у него шумело и казалось, что пыльные обшарпанные подошвами многих сапог доски тротуара покачиваются.

Лесничий все еще пытался доказать себе, что поступил сегодня правильно. Придумывал аргументы, успокаивался тем, что Маневич скоро найдется, не такой он человек, чтобы пропасть. Но на душе было тоскливо от тревоги и неуверенности, словно он провинился перед кем-то.

Комаров разулся на крыльце, закурил. Сыновья — Федюха и Сергей — мастерили что-то под навесом летней кухоньки.

— Пап, у меня диван, посмотри, правильно? — спросил большеголовый крепыш Федюха.

«Весь в меня», — радостно отметил Комаров, глядя по спине сына.

— А что, сын, четыре ножки, спинка. Кривовато немножко, но это ладно, было бы крепким, — говорил так, а сам думал: «Сейчас бы водки стакан трахнуть да закутить хорошенько».

Но водки дома не было. Да и пить в одиночку при детях Комаров себе не позволял. Хотя навеселе его ребятишки видели и даже были рады ему такому, потому что он в такие времена шумно возился с ними, катал на себе по комнатам, придумывал веселые игры с беготней.

Комаров хлебал крошку и смотрел на ребятишек вполглаза. Они, стараясь подражать ему, так же держали хлеб, так же наклоняли тарелки. Это умилило Комарова до такой степени, что он вдруг почувствовал особую ответственность за своих корсединок, как он ласково называл детишек, за

свои поступки, которые порой были далеко не воспитательны. «Надо бы взять их с собой, мы так редко бываем вместе, пусть погуляют, посмотрят».

— Хочу вас покатать на лодке.

— Ура! — завопил Федя.

— Одеваться теплей...

— Закидушки брать? — хозяйственно спросил Сергей

— Все свои снасти берите. — Комаров вспомнил, что однажды они ездили на Светлое озеро с Маневичем. Понравилась Виктору маленькая речушка, протекающая неподалеку. Там хорошо на удочку ловились язи и красота вокруг была такая, что уезжать не хотелось. «Надо будет сюда еще приехать», — сказал Виктор, когда они, переночевав, собрались в обратную дорогу. На эту речку и решил сейчас наведаться Комаров.

Всех ребятишек забрал с собой лесничий. Федюха с Сергеем сидели на носу, Лена и младшенькая, любимица Наташка, устроились посередке. Дюралевая лодка ходко шла по спокойной глади реки. Встречный поток теплого воздуха щекотал ребятишек, и они, задыхаясь от восторга, что-то вопили на разные голоса.

Вот Федюха опустил руку за борт, попытался поймать проплывающую ветку. Та вывернулась из-под руки, а проказник намочил руку и брызнул на девочек.

— Не дрыгайся, — остановил его Сережа. Федюха показал ему язык он, присмирел.

Один за другим разматывались повороты реки, менялись пески, яры. Обогнали самоходку, плотовод, покачались на волнах встречной «Ракеты». Обычно в такую предвечернюю пору на реке полно моторок — люди едут смотреть покосы, на рыбалку, но сегодня никого нет. Пожар выбил жителей поселка из привычной колеи.

По старице, по узенькому ручейку, добрались до волока на Светлое. С веселым гамом и криками: «Раз — два взяли!» — ребятишки тянули лодку по старому, выпревшему местами настилу из тонких жердей.

Вот и озеро. Его почти правильный овал встретил прозрачной синей дымкой. Высокие прямые сосны сплошным забором ограживали водный простор, лишь у самого волока белели стволами березы. Чуть не из-под самой лодки сорвались четыре потревоженных утицы, свистнули крыльями, набирая высоту, и скрылись за резными вершинами. Комаров оглядел спокойную, словно твердую, поверхность воды, лодки у берегов не было.

На малых оборотах, будто боясь спугнуть тишину, Комаров вел дюральку вдоль берега к тому месту, где в густой, уже примятой рыбаками осоке, начиналась тропинка к речке со странным названием Чудиха.

Сергей захватил кошелку, девочки взяли удочки, а банку с червями Федюха не доверил даже отцу. Дружная комариная стая с пронзительным кровожадным воем накинулась на людей, словно только их здесь и ожидала.

— Пап, давай намажемся, — предложила Наташка останавливаясь. Шедший впереди Сергей продолжал шагать. А Федюха и Лена тоже подошли, протягивая ладошки. Комаров плеснул им немного из плоского флакона демитилфтолата с дегтем, и ребята осторожно начали мазать лица и руки.

— Вы здесь порыбачьте, а я схожу посмотрю, может, дядю Витю найду или его следы.

— Не найдешь, — тихо сказал Сережка, разматывая леску. — Не было его здесь.

— Откуда тебе известно? — спросил Комаров.

— На волоке следов не было, паутина не порвана.

— Правильно, но посмотреть надо, — сказал лесничий.

— Я с тобой.

— И я, — приобщилась Наташка.

Вдоль речки была пробита тропа, она вела к избушке, зимовью охотников-промысловиков. По пути попало несколько кустов смородины, пришлось остановиться. Увидели разворошенный муравейник, и Комаров объяснил:

— Мишка лакомился мурашками.

— Они что, конфетки? — спросила Наташка.

— Для косолапых да, только подавай.

В маленьком бревенчатом домике Наташке понравилось, и она сразу же принялась наводить порядок. На припечке наткнулась на находку.

— Пап, кто-то соль забыл в банке.

— Не забыл, — сказал Сергей, — поставь.

— Забыл, забыл. Чья потеря — наш нахлеб, не отдам на целый год.

— Не потеря. Это люди нам оставили. Мы пришли, а уху нам солить нечем. Вот они нам и помогли. Поняла?

Комаров стоял в стороне, курил, улыбаясь, смотрел на своих короедиков.

— А мы что им оставим? — спросила Наташка. — Пап, давай мы им оставим что-нибудь.

— Оставьте, когда вырастите.

Вскоре к избушке подошли Лена с Федюхой. Они уже успели натаскать десятка три подъязков и чебаков. Сварили уху. Ели ее из кружек, рыбу разбирали основательно, выбирая косточки, младшей подавали самые вкусные кусочки.

— Попробуй моего, вот этого, которого я поймал, — говорил Федюха. — Он самый вкусный.

— А этот вот, самый маленький — мой, — сказала Наташка.

— А ты и не ловила совсем.

— А зато я его почистила.

Сергей ел молча и сосредоточенно. «Мужик растет, — думал Комаров. — Скоро надо ружьями делиться. Осенью на уток возьму, пусть привыкает».

ИЗ ДНЕВНИКА НАДИ КАЛИНЫ

10 июня.

Как тихо в поселке, даже собаки не лают — все на пожаре, в клубе почти никого нет, одни пацаны. Потерялся Виктор. Уехал куда-то и нет уже неделю, и никто не знает, где он. Может, на рыбалке что-нибудь произошло? Как я его люблю, полетела бы над тайгой, осмотрела все болотники, все озера. Почему его не ищут? Он может погибнуть!

11 июня.

Вчера объявили по радио, чтобы все, кто может, вышли с лопатами и топорами на прорубку просеки. Огонь приближается к самому поселку, к складам на пристани.

Мы с мамой поднялись рано, уложили продукты и пошли к конторе. Все собрались у магазина, шутили, смеялись, но было видно что не до шуток.

Просеку начали сразу за ручьем у гаража, весь день рубили сучья, сдирали их лопатами, чтоб огонь не прошел. Устали, но просека получилась что надо. Встретились мы с мулешкинскими, они тоже навстречу нам рубили. Встретились с Юркой и Пашкой. Они просились на пожар, но их не отпустили, сказали, что лес тоже надо готовить. На пристани нас ждал автобус и грузовая, а ребята на тракторах поехали обратно.

ПОГОДА

По области ясная солнечная погода, по северным и восточным районам осадки в виде кратковремен-

ных дождей, ветер северный 5—10 метров в секунду. Температура 20—27 градусов тепла.

Сегодня в городе...

Комаров прослушал сводку погоды, оделся и вышел на улицу. «Одно и то же, одно и то же. А дождей обещанных, хоть кратковременных, и не слышно и не видно». Он сел на крыльцо, закурил. От кухни подошел лохматый кобель Дружок, внимательно посмотрел на Комарова и лег на тротуар, чутко поводя торчащими угольниками ушей.

Три года назад был у Василия такой же пес и звали его Дружок, но он уже был стар, ни на что не годился. Шерсть свалилась, стала редкой, а на морде совсем побелела. Несколько лет подряд Комаров собирался пристрелить кобеля, но не мог. Он вводил собаку за поселок, заряжал ружье, целился в лобастую голову и опускал стволы. Слишком много воспоминаний было связано с этой собакой, слишком спокойны были собачьи глаза, глядевшие строго и уверенно. Пять раз спасала собака Комарова от неминуемой смерти, пять раз он обнимал пса, если хватало сил, целовал, отдавал лучшую еду, а когда выходили они из тайги, устраивал домашний праздник, сажая за стол на почетное место смущенно перебиравшего лапами Дружка. Смеялись некоторые соседи над причудами Комарова, но другие сдержанно молчали, помня от прадедов и дедов этот старый обычай охотников, для которых собака была равноправным членом семьи.

Комаров встал, оглядел свой двор, постройки, длинные поленицы дров, заготовленные весной, старый облас, который требовал ремонта, клумбу с георгинами — везде и во всем был порядок, заведенный давно, с тех пор как построили дом.

— Ты что меня не разбудил, я ж проспала. Надо завтрак стряпать. Господи, а корову-то, — говорила виновато Нюра, направляясь в кухню к умывальнику.

— Да не колготись. Корову подоил, молоко процедил, ухи наварил, а себе картошечки с карасем. — Комаров повернул портянки, надел сапоги.

— Крепко я спала.

— На просеке наломалась, вот и спаслось. Ну я пошел, надо хлеба закупить, консервов.

Не успел Комаров открыть кабинет, как раздался требовательный звонок. Звонил Бутин.

— Где это ты бродишь, насилу разыскал... Как у вас?

— Продукты отправлял. Хочу по речкам поездить с пенсионерами, места уже наметил. — Комаров снял фуражку, собирался рассказать о принятых мерах, но Бутин его перебил:

— Я верю в тебя, поэтому и людей не даю. Понимаешь, весь район в огнях, — говорил председатель райисполкома спокойно, без нажима. — Здорово горим. Каждая единица на счету...

Положив трубку, Комаров оглядел кабинет, будто впервые вошел в него. «Тесно, надо расширять». Он хотел налить воды из графина (караси были солонь), но на пороге выросла фигура школьного завхоза.

— Я к тебе, Василий Федорович.

Комаров посмотрел на его черные широконосые туфли без шнурков, вспомнил сенцы Маневичей и подумал: «Дон-Жуан хренов».

— Нашелся наш доктор, — с притворной радостью говорил Бочков. Комаров, словно уже знавший новость, безучастно принялся листать телефонный справочник. Ему неприятен был Бочков, неприятно его лицо, тон, которым он говорит, неприятен.

— Одно плохо, говорят, он рыбу поехал глушить, да берегом ушел. И тайгу, говорят, он зажег. Из-за него весь поселок, как улей гудит. Вот они молодые специалисты. Приедут, напакостят, как паршивые коты, и подай бог ноги. А нам здесь жить, детей учить на достойных примерах и о природе думать.

Запас красноречия у Бочкова иссяк, но он продолжал, стараясь вызвать ответную реакцию у Комарова, по-прежнему сидящего в неудобной позе со справочником в руках.

— Ведь что происходит? Птицу бьют, ценные породы древесины выжигают огнем, истребляют редких животных, скоро земной шар будет лысым, как пустыня.

— Выйди, — тихо сказал Комаров, — ему стало неловко за Бочкова и за себя.

— Это я? — удивился завхоз и встал со стула. Комаров молчал, не замечая, как щеки Бочкова наливаются клюквенным соком, как щурятся его близорукие глаза. — Кого ты берешь под защиту? Сам из рвачей, уничтожитель всего живого. Только и слышно по поселку, что Комаров опять полсотни уток за зорьку взял.

— Не за зорьку, а за охоту, — поправил Комаров.

— Ружья отнимаешь у лесозаготовителей, а сам хлещешь, не соблюдая сроков.

— Пошел вон, — не сдержался лесничий и тут же подумал: «Уж он придумает, как отомстить — эта гнида». — Но сказал: — Лазись по чужим постелям, а потом о нравственности толкуешь.

— Ты ответишь за свои слова! — взвизгнул Бочков, пятась к двери.

— Отвечу. На партийном собрании. И приглашу Ольгу Нестеровну и ее мужа.

Дверь Бочков не закрыл, и Комаров сейчас тупо глядел в проем, за которым на табурете стояло ведро воды, и с трудом уславивал сообщение Бочкова. «Значит объявился. Неужели он зажег? Не верится, не может быть такого. Он знает, любит лес. Не должно бы...» Комаров сунул руки в карманы. В пачке была одна сигарета, да и та пустая. Он швырнул ее в деревянную урну со следами непла по некрашеному краю, решительно надвинул фуражку. Сейчас ему не хотелось никого видеть, но и сидеть без сигарет он не мог. Магазин был рядом, нужно только перейти небольшой двор конторы леспромхоза.

В магазине был Бочков. Комаров в первую секунду подумал вернуться, но потом шагнул к прилавку.

— Надо ж так, — говорила продавец, — зажечь кедровую дачу. Да за такие дела его...

Бочков оглянулся, его как-то странно дернуло, он посмотрел на лесничего, словно на пустое место, и вышел.

— Василий Федорович, мы тут о Маневиче говорим. Рыбу глушить уехал, кедрачи подпалил.

Комарова прямо свело от этих слов, но он крепился, стараясь не выдать своего чувства, не накричать на продавца.

— Две «Шипки», — сказал Комаров сквозь зубы.

— Что слышно? — возясь с блоком, спросила Свеклова.

— То и слышно, что вы тут сплетаетесь за прилавком вместе с завхозом.

— Что вы, я только спросила — это Андрей Петрович рассказал.

— Прекратите, пожалуйста, распускать слухи. Ничего еще неизвестно.

Свеклова не спешила: она вертела блок, разглядывала его, но не распаковывала.

— Люди могут, они все могут — и авторитетом пользуются. Я к тому, что в тайгу без заделья не ездют, а если едут, то жене говорят, чтоб другие не мучились, не портили себе кровь. Мне вас просто жалко видеть, как вы переживаете. А он еще и больных на неделю бросил.

— Берите деньги, — сказал Комаров.

Вошел высокий парень с огненной шевелюрой, с обветренным загорелым лицом. Его широкие плечи выпирали из прожженной тельняшки, а большие голубые глаза моргали, привыкая к полумраку. В руках вошедший держал клесчатую сумку. Он был красив, этот парень, красив простой красотой молодого мужчины, разгоряченного работой и счастливого своей силой и молодостью. Комаров знал его. Пашка Чавилин, бригадир леспромхоза.

— Огонь к вам не прошел? — спросил Комаров.

Парень моргнул белесыми длинными ресницами и, узнав говорившего, сказал:

— У нас дождь был...

— Ну? — обрадовался лесничий.

— Побрызгал. А мы и окопались — не подойдет. У вас тоже вроде полегчало?

— Терпимей стало, — отозвался Комаров и заспешил к двери — уж больно курить хотелось. На крыльце закурил. Услышал из-за двери:

— Доктора нашли. Он рыбу ездил глушить, да ногу вывихнул. Испугался, что его никто не найдет, тайгу запалил. — Свеклова немного помолчала. — Тебе какой? Экстры? Давай сумку. Говорят, дело будет в суд направлять. Сколько тебе?

— Как тайгу запалил? Доктор запалил? Не позволю! — вдруг заорал Пашка и с пустой сумкой вылетел из магазина. Комаров едва успел отстраниться. А Пашка гаркнул ему на ходу: — Слышал: доктора засудить хотят...

Комаров пришел в контору, сел за стол, намереваясь поработать, но не мог сосредоточиться: мысли о Викторе не давали покоя. «Одной бедой меньше — нашелся Виктор. Но сама-то беда не кончилась. Пожар ведь — дело подсудное. А если намеренный...» Об этом думать не хотелось, и Комаров отвлек себя заботой. «Надо ехать, на месте видней. К тому же сам Маневич скажет. Ехать надо, ехать! Интересно, как десантники пожар объяснят. Они первые на место попали».

Комаров встал, обдумывая вопросы, прошелся по кабинету, закурил. Погладил котенка, ловившего паутов на оконном стекле. Забрякал звонок телефона. Котенок вздрогнул и замер на какое-то время с поднятой лапой.

— Комаров слушает... здравствуй... Хорошо, иду.

«Что там у него?» — машинально подумал лесничий, закрывая контору на замок. Никаких дружеских чувств Василий к участковому не испытывал, их отношения

12 июля.

были чисто деловыми. Но если бы Комарова спросили, хорош участковый или плох, он затруднился бы ответить. С одной стороны — ни рыба ни мясо. Вроде бы даже бесцветный какой-то. Словно надломили его когда-то, а спрямить забыли. Ведь даже анекдот Толстошеев начнет рассказывать, так словно большой пельмень жует да еще и обжигается. Вроде все правильно говорит, а силы, уверенности в словах нет. А с другой стороны... Силой его бог не обидел и когда приходится ему с дебоширами и хулиганами дело иметь, тут он, как кряж. Считают Толстошеева справедливым, общительным, но никто не может похвалиться, что был у него в гостях. Говорят, что от жадности он никого к себе не зовет. Комаров в это не то, чтобы не верил, а просто не интересовался. Кому какое дело — у всякого человека свои особенности, свои странности. Несет свою службу участковый на совесть, что еще от него требовать? Не написано в его уставе, что надо гостей привечать, он и не привечает.

Комаров скользнул взглядом по обшарпанной вывеске «Штаб народной дружины», по кудлатым пропыленным тополькам, поднялся на на двухступенчатое крыльцо. Толстошеев стриг ногти. Он не оставил своего занятия, продолжая шелкать большими конторскими ножницами.

— Вот посмотри, — сказал он, пододвигая листок.

— Что здесь?

— Явка с повинной.

Комаров углубился в чтение, а Толстошеев любовно подстриг мизинчик, отложил ножницы и, широко зевнув, начал листать номер «Крокодила».

Закончив читать, лесничий облегченно вздохнул и закурил.

— Ну и как? — спросил участковый, глядя на просветлевшее лицо Комарова.

— Значит этот парень по нечаянности поджег?

— При мне подписал...

— Все ясно. Маневич не при чем. А вообще-то ты разберись толком, а то дурничка получишься. Чавилин баламут добрый.

— Это так, — согласился Толстошеев, заталкивая окурок в пепельницу.

Из донесения летчика-наблюдателя Решетняка Л. В.

...Часть очагов в районе Березовского, Гриневского, Чернореченского ЛПХ локализована. Замечены еще два очага загорания.

12-7-75 г.

16 ч 35 мин

Нашелся, нашелся Виктор, нашелся мой дорогой! А что в поселке творится: везде только и слышно Маневич ездил глушить рыбу, Маневич заблудился, Маневич тайгу зажег, чтоб спастись. Я не верю, не верю, не мог Виктор такое сделать. Он погиб бы, а лес не стал портить. Ходила в магазин, наслушалась всего. Свеклова прямо из кожи лезет, старается Виктора очернить — он такой, он сякой. Бабы стоят и поддакивают, а раньше чуть что — бегут к нему: «Спасите, помогите!» Вот народ. Ладно женщины незнакомые, школьный завхоз — туда же нос сует. Ненавижу его сладенький голос: «Наденька, голубушка, дружочек, принеси, пожалуйста, то, подойди посмотри это. Какой он мерзкий, как я раньше не замечала ничего, как слепая. Он так и сказал: «Браконьер доктор, нарушал сроки охоты, рыбу добывал запретную». Раньше-то он чего молчал? А теперь, когда Виктора отвезли в больницу, начал грехи припоминать. У Виктора, наверное, нога сломана, лежит он в гипсе и не знает, о чем говорят его бывшие пациенты. Как бы я хотела сейчас увидеть его, поговорить. Может, ему пересадка кожи нужна или кровь.

Вечером Комаров решил еще раз попытаться связаться с райбольницей. Вызов шел, но трубку не брали. Комаров нервничал, просил телефонистку дать звонок погромче, но все было бесполезно. Квартира Маневича тоже не отвечала. «Куда Ольга могла деться? Неужели опять с Бочковым шашни развела?»

На коммутаторе дежурила соседка, и Комаров решил узнать насчет Ольги. А может, Виктор звонил?

— Скажи, Дуся, кто звонил по 2—45?

— Никто, — ответила телефонистка. — Ольга звонила на пристань, узнала, когда будет теплоход вниз. Наверное, к мужу собралась.

Комаров не стал поддерживать беседу, положил трубку. «Ладно дозвонюсь завтра через главврача», — и вышел из дома.

...Толстошеев немного походил у клуба, посмотрел на хихикающих на танцплощадке пацанов и девчонок и заспешил домой. «Скорей бы пожары кончились, а то не поселок, а больничная палата». Он лег в летней кухне на диван. Где-то пела радиоло, гудел над головой комар. Толстошеев лежал, припоминая свою

жизнь, фронтовых товарищей, тот обрывистый берег, на котором остались его дед, сестры и Нина. Берег приходил в снах, он то приближался, то отдалялся, теряясь в туманно-серой дымке.

Медленно набухал гул реактивного самолета. Звук вырос и стал отдаляться. «Так и жизнь человека — не успеешь оглянуться, а она уже уходит». Каждый вечер, словно по часам, реактивный самолет над поселочком лесозаготовителей и сплавщиков, над огромной тайгой. Люди летят, может быть, из Москвы куда-нибудь на Сахалин или Чукотку.

Первая оранжевая вспышка робко осветила краешек неба, от этой искорки в парном воздухе наметила важная перемена. Толстошеев надел шлепанцы и вышел, он почувствовал эту перемену, хотя свет молнии, слабый и хилый, еле-еле дошел до полутемной кухоньки из горбылей. Толстошеев смотрел на частые далекие вспышки и ему казалось, что кто-то чиркает плохими спичками и никак не может прикурить. Постепенно молнии стали ярче, зашелетели листья тополей под окном. Вот и слава богу, наконец-то погаснут пожары, и жизнь в поселке станет прежней, шумной и веселой, все пойдет по старому руслу... Заработает леспромхоз, забречат гитары парней, запойт девчата свою «Надежду» и тогда он вместе с молодежью будет сидеть у деревянной танцплощадки, отгоняя домой пацанят, слушать анекдоты мужиков и парней. Загорчал далеко гром, повеяло свежестью, на другом конце поселка взбрыкнула собака, ей ответила другая. Сердце Толстошеева, нывшее с утра, застучало свободней.

Прощуршали первые капли по крыше, по листьям, упали на лицо Николаю, взбодрил его еще больше. Благодать! Сколько его не было — наконец-то.

Как ухал гром! Как он трещал! Будто рвалось большое полотно. Шел долгожданный дождь, как прекрасно он шел — напористо, сильно, не ослабляя своей силы. «Все улет, все пойдет в рост. Картошка должна пойти, ясное море. Выскочить бы на улицу под его струи как когда-то в детстве. Нина, Нина, ты, наверно, тоже не спишь, слушаешь, как идет дождь. Сколько лет, сколько лет...» Толстошеев ясно вдруг понял, что сегодня, после дождя он станет другим, сделает что-то такое, что должен был сделать давным-давно. Ему просто необходимо это сделать, чтобы избавиться от непомерно тяжелого, что гнетет его уже столько лет и от чего он не может избавиться. Не потому, что это трудно, а потому что

требует решимости и отчаянности, которых у него на это дело не хватает. Но он это сделает. Он непременно сделает, потому что нельзя всю жизнь таиться от самого себя.

«Один ведь я, — подумал участковый, — и она одна. Всю жизнь... Кто виноват? Оба или только я? А как ее начинать, жизнь-то, как ее начнешь, если она по существу уже прожита, и дороги нет в прошлое? Люблю ведь я ее, люблю. И она любит. Пойду к ней. на колени встану — простит ведь, должна простить. Уйду? — спросил он сам у себя, неуверенный и ослабевший от дум. — Узнают, затрепят лоскутными языками. Ну и пусть трепят. Потрепятся и перестанут. И не перестанут — наплевать. А так, как сейчас, нам всем нельзя».

Толстошеев встал, начал собираться, к ноге подошла собака Крошка, зевнула.

— Спи, дуреха, — сказал Николай, наматывая портянки.

Вынув пачку документов из шифоньера, Толстошеев отобрал свои. Потрогал шкатулку с фронтовыми наградами, выставил было на стол, но подумал: «Успеется». Сунул обратно. Стукнула дверца шифоньера.

— Чего ты? — сонно спросила Фрося. — Рано поди-ко. Папиросы твои в кухне на вешалке, не шарься тут.

— Ухожу я, — сказал Николай, выдыхая. — Совсем ухожу.

— Давай, давай, — спокойно отозвалась она. — Обратный адрес знаешь.

— Ты, в общем-то, пойми — обоим нам легче будет...

— Давай, давай, — повторила женщина, потом вдруг сорвалась на крик. — Иди, иди, женишок фиговый, вода, веники, дым один. Только заднего хода тебе не будет, так и запомни. Потому что дитев у нас нет, что ты об этой лахудре думаешь, как с ей сойтись. Топай по холодку, у ей постеля теплая, всех согреет.

— Не надо, — тихо сказал Толстошеев. — Давай по-хорошему.

— А я и не хочу по-плохому. Только запомни: из дому ни крошки не возьмешь. Ни полстудийчика не отдам, потому все они вот этими двумя нажиты. — Простоволося, в ночной сорочке, жена выскочила из спальни и встала перед Толстошеевым, потрясая голыми полными руками. — Пока ты своих жуликов ловил, я все в доме соблюдала. А твоего здесь что есть, так исподнее. Его и тащи. Вместо приданого будет вам. У, голь перекатная!

Толстошеев молча складывал в узел белье. Выходной костюм затолкал вместе с плечиками, рубашку нейлоновую скомкал

без сожаления, спокойно, уверенный, что делает все правильно, как надо. Поднял узел, шагнул к двери, постоял секунду, вернулся к шифоньеру, бережно взял шкатулку с наградами, затолкал в пожитки.

Женщина кричала еще что-то оскорбительное, но Николай не слушал. Прошел по двору, повернул набрякшую тугую вертушку, открыл калитку. Звезды, догорая, гасли на умытом холодным зоревым дождем небе. Темные окна дома казались ниже, в лужах плавал мусор, белая пена, собравшаяся по краям, еще не разошлась, а только опадала, растекаясь среди кусочков коры и щепок. Толстошеев перешагивал наполненные водой колеи, брел по мокрой траве около тротуара, не желая стуком сапог привлечь чьенбудь внимание.

У ограды магазина заметил мужскую фигуру. Подошел к опершемуся на штакетник человеку и узнал в нем того волосатого парня из леспромхозовского общежития.

— Ты чего здесь потерял? — подозрительно спросил участковый.

Парень поднял голову, обдал участкового густым запахом перегара, помотал головой, улавливая суть вопроса, потом доверительно попросил:

— Помоги, начальник, добраться до общаги, загулял.

— Слушай, паря, ты какой участок обслуживаешь? — спросил Толстошеев, озаренный внезапной догадкой.

— Второй... Будь человеком, помоги...

— Помогу, само собой. А ты мне вот что скажи: в столовую с дружками лазил?

— Жрать захотелось, ну и сняли дверь. Повариха-то уехала.

— И что?

— Взяли сколько-то банок тушенки, хлеба, котлеты там оставались — все равно бы протухли. В рейсе припухли, приехали — все закрыто, а жрать охота — спасу нет.

— А сгущенное молоко кто брал?

— Сгущенка там и не ночевала. Мы пошамали и деньги на столе оставили. Рассчитались за нее.

Сумма хищения была незначительной. Вера Матвеевна, завстоловой, определила ее в двадцать три рубля восемь копеек.

— А сколько вас молодцов было?

— Трое.

— Втроем на двадцать три рубля наесть... Это уметь надо.

— Каких двадцать три. На червонец не нажрали.

— Ладно, разберемся, — примирительно сказал участковый. — Пошагали.

Толстошеев переложил узел в левую ру-

ку, правой подхватил парня под локоть, и они тронулись. Идти было неудобно — парень передвигался зигзагами, но это Толстошеева не смущало. Такая транспортировка ближних была ему не в диковину. Это составляло часть его работы, к которой он привык и которая, как всякая привычная работа действовала успокаивающе. Поэтому он забыл на время о том важном, на что решил, и весь ушел в одну заботу — довести человека до общежития. Когда они дошли и парень благополучно устроился на кровати, Толстошеев на всякий случай подставил ему помойное ведро и только тогда вышел на улицу. Здесь он снова почувствовал себя неуверенно и стесненно. Вопили петухи, взбрехивали собаки, у колодца кто-то уже брякал ведром — поселок просыпался. Участковый умерил шаг и с каким-то отчаянием тряхнул своим узелком. «Пропади он пропадом. Жених, ясное море, собрался. Куда? Кто тебя ждет? — Толстошеев не заметил как вновь оказался около магазина. — Чего это я кругалю даю, как дурной карась. О черт, совсем светло».

Углядев Комарова, выгонявшего корову в стадо, Николай совсем застеснялся. «Что он подумает, увидев этот проклятый узел. Надо его за ограду, в малинник сунуть, а вечером приду и заберу».

Забросив вещи, участковый почувствовал легкость.

— Эх, хорош был. А? — сказал он бодро, шагая наперерез лесничему. Показал ему на лужи.

— Да, долгонько ждали, — стозвался Комаров, мутя лужу хворостинкой.

— Людей намечено вывозить сегодня?

— Да. Оставлю своих орлов, чтоб караулили — всяко может.

— Верно. Дачи много сгорело?

— А когда подсчитывать? Разберемся вот...

— Сажать Чавилина сейчас станем?

— Никуда он не денется, Чавилин, — сказал Комаров хмуро.

Он еще не выяснил во всем этом деле роль Маневича, к тому же его смущало неожиданное признание Чавилина. Дело ведь не шуточное, леса пропало будь-будь. Для того, чтобы вот так добровольно голову под топор подставлять... А может, для смягчения вины? Вот он мол я сам пришел. Добровольно. Нет, неясного тут еще много, с плеча рубить никак нельзя.

Они не заметили, как подошел Бочков. Он был чем-то встревожен и озабочен, его серые, почти бесцветные глаза бегали.

— Василий Федорович, поговорить надо.

Толстошеев шагнул с тротуара в неглубокую лужицу и через сквер направился в свой кабинет, а Комаров, глядя на уходящее стадо коров, молчал.

— Поговорить нам надо как мужчина с женщиной.

Комаров с любопытством посмотрел на завхоза.

— Извини меня, Василий, как последняя баба растрепался я вчера. Виктор не виноват. Это он и не мог совершить. Верно?

— Я-то что. Погорячились оба, дурничка вышла. Как перед ним-то будешь?

— Что мы с тобой молчать не умеем?

«Завертел хвостом, заюлил, как щука на мели». Подумал так, а сказал иное:

— У нас не город: в одном конце чихнешь, с другого — тебе будь здоров скажут.

— Это верно, Федорович, у нас не утаишь. Так ведь случайно все вышло. Черт его знает, как получилось, теперь вот и сам казнюсь. Понимаешь ведь, трепанут жене и вся жизнь на перекосяк...

— Если кто другой еще видел, а я не трепану.

— Верю... Только о том сейчас и думаю: если правда кто кроме тебя видал...

— Раньше надо было думать.

— Чего сейчас об этом говорить. Прошу только, как человека прошу: если что вместе мы заходили. Женщина в тревоге — муж пропал, вот мы и зашли. И зашли вместе и ушли тоже вместе.

— Шкодил — хвост дыбарем, а запахло жареным — пузо протираешь. — Взглянул на Бочкова, на тоскующий его взгляд и сразу же отмяк. — Ладно, ветродуй, не боись. Не тебя жаль, ребятишек твоих сиротить не хочется. С Ольгой-то сговорились насчет меня?

— Оля уехала. Совсем. Сказала, что не может так жить.

— Он стало быть, тоже уедет?

— Кто его знает. Она ему не сказала, встретиться даже не захотела. И то ведь сказать, не сладкая у них жизнь была.

— Не знаю, мне не жаловались.

— А мне вот жаловалась. А потом еще этот случай.

— Какой случай?

— С этой самой пропажей. Дружок к Маневичу из города приехал и двинули они стерлядей глушить.

— Глу-ши-ть?

— А ты чего думал? Сетями ему, видишь, мало показалось, во па что пошел.

— А аммонал откуда?

— На водку аммонал выменяли. Специально на карьер Маневич ездил.

— Ольга сказала?

— Она.

А чего ж нам мозги морочила. Значит, она знала, куда муженек подался? В ум не возьму: зачем рыбы ему столько? Ну сетью туда-сюда, а глушить? За сеть штрафом, допустим, можно отделаться, а за взрывчатку срок. Это само по себе, а тут и тайга... К вечеру будут десантники, может, они что прояснят? И тот, второй, что был с Виктором, куда делся тот, второй?

* * *

Комаров залил бак и канистру, отмерил масла, а тем временем Чавилин таскал в лодку весла, рюкзак, топор, ружье.

— А откуда пожег-то начался, — Комаров спросил вроде отрешенно, но искоса пристально взглянул на Чавилина.

Тот как-то тревожно встрепенулся, но тут же нарочито безразлично хмыкнул.

— А кто его знает, я здешних мест' не знаю.

— Ну хоть примерно: от реки или с Желтых грив?

— От реки, — живо отозвался Чавилин.

— Ты-то как оказался?

— Просто оказался. Лодку чью-то взял, выехал на бережок, хотел костер развести, чаю вскипятить, да заснул. Когда проснулся — пластает. Тушил. Не потушил: пьяный был, не соображал что к чему.

— А признался чего? Тебя кто застукал? Ну видел кто, как ты на том бережку был?

— Никто не видел.

— Так чего ж ты, молчал бы и — точка, — закидывал удочку Комаров.

— Да на доктора стали говорить. Я не могу, когда люди из-за кого-то зря страдают.

Комаров погрел «Вихрь», дюралька выпорхнула на простор, залопотала под днищем вода. Василий, зная, где нашли Маневича, рассудил, что где-то неподалеку должна быть и лодка его и вещички. И то и другое его крайне интересовало. Он так и не дозвонился до больницы, а вопросов к Виктору накопилось много. Вот он и решил к ним подготовиться. И Чавилина взял с собой не бесцельно. Войдя в устье Ломоватки, Комаров выключил мотор.

— Садись-ка на мое место, что-то руку замозжило.

Чавилин пригладил рыжий чуб и тоскливо посмотрел на реку.

— Не стесняйся, шуруй, а я передохну малость, здесь катера не ходят, а корягу объедешь. — Он поменялся с Чавилиным

местами и вновь подбодрил парня. — Ты смелей, смелей. Без хозяина на лодке ехал, а со мной чего дрейфишь. Заводи и пошел.

Чавилин с тоской посмотрел на лесничего, вздохнул тяжело и, вцепившись в пусковой шнур, дернул его с таким видом, с каким машут в отчаянии рукой была не была.

Мотор завелся сразу. Но был он на скорости и поэтому лодка рыскнула так стремительно, что Комаров еле успел схватить рукоятку. Поцокал языком и сказал укоризненно:

— Дела-а. — Потом, словно настраивая себя на тяжелый, длительный разговор, сменил тон на начальственно-резкий. — Так. А теперь давай правду. Всю как есть. Был в тайге?

Чавилин в тайге не был. По крайней мере со стороны реки. Да судя по всему, к пожару касательства не имеет. Врет он, как сивый мерин. А вот почему врет, что его заставляет? Это надо было выяснить Комарову. Когда же выяснил, все оказалось до неправдоподобности просто. Пашка, которого Маневич когда-то оперировал, рассудил, что доктор в поселке человек незаменимый, а он, Пашка — ни то ни се. И, конечно, доктора как человека вполне образованного и культурного за пожар привлекут по всей строгости. А с него, с Пашки, чего с него возьмешь. Если зажег, то по неосознанности, к тому же — пьяный был.

— С пьяного такой же спрос, — строго сказал Комаров.

Пашка тяжело вздохнул и спросил угрюмо:

— Чего теперь доктору будет?

— Установят, что виноват, то же будет, что тебе бы было.

— Срок могут дать?

— Я не суд. На это у нас законы есть.

— Жалко такого человека.

— Любого человека жалко... Да чего ты раскаркался, ничего еще не известно... Вот вернутся десантники, тогда...

Возвращались ночью. За всю дорогу Комаров не проронил ни слова. Лодку Маневича они нашли, а вот рюкзак был спрятан в кустах на острове Разводном. А в рюкзаке — моток бикфордова шнура. Лесничий переложил шнур в карман куртки и при этом выразительно взглянул на Чавилина. На пристани их встретил Толстошеев. Он помог разгрузиться и все время порывался начать разговор. Останавливало его лишь присутствие Чавилина. Участковый не интересовался результатами поиска, главное, что виновный был налицо. А когда Чавилин,

попрощавшись ушел, немедленно раскрыл карты.

— Федорович, помоги мне в одном деле.

И рассказал Комарову то, что тот уже знал, и то, о чем только догадывался.

— Такие вот мои хреновые обстоятельства. — Закончил свою исповедь Толстошеев. — Тебя Нина Васильевна уважает. Кому с ней говорить, если не тебе.

— Сват-то из меня аховый, — поскромничал Комаров.

— Ты просто побудь со мной, а? — умоляюще произнес Толстошеев. — Я вот уже и бутылочку припас.

Комаров развернул «Урал» и они поехали к небольшому дому Павловой, что приютился у самого аэропорта.

Нина Васильевна гладила белье в летней кухне. Увидев Комарова и участкового, она в первую минуту решила, что объявились срочные больничные заботы. Но по лицам пришедших поняла, что явились они по другому поводу... Запахнула халатик, подобрала с пола полотенце.

— Что ж, гости, приехали, так проходите, в кухне стоять не дело.

— Мы ничего. Мы тут постоим, — сказал Комаров, переступил с ноги на ногу и продолжил решительно: — Мы, Васильевна, сватать тебя. По-серьезному, без дурнички.

Павлова заморгала часто, повела плечами, будто прогоняя озноб.

— Как? Выйдешь за Николая? Ты не торопись. Мы подождем. Я на лавочке посижу, покурю. — И Комаров, скрипнув болотными сапогами, вышел, а Толстошеев остался.

— Зачем ты пришел? — спросила тихо Павлова. — Что ты мне сердце рвешь? Век мой кончился, какая я тебе невеста? Что людей будем смешить? Эх ты, непутевый.

Павлова махнула рукой, несколько раз приложила к глазам полотенце.

— Ну так как?

— А никак. Старые мы уже с тобой, чтобы по-новому заводиться. И с Ефросиньей ты уже вон сколько прокоротал...

— Именно вот — прокоротал... Не прожил. Хоть теперь, что осталось, охота по человечески.

— Думаешь, выйдет?

— От нас от обоих зависит. А больше от тебя...

— Непутевый ты, непутевый...

— Может, и непутевый, но туда не вернусь.

Он не сказал: домой, к жене, к Фросе. Он сказал: туда. И она всем истрадавшим существом своим поняла, что туда он

действительно не вернется. И что если она сейчас прогонит его, то двумя вечными горемыками на свете прибавится. Поэтому, уже сдаваясь, но не забывая о тех, долгих, трудных годах, что ждала во время войны, веря, что Николай выживет, и особенно о тех, еще более долгих и трудных, когда он, выживший, был рядом, но лучше бы его не было, она жалко и беспомощно ответила:

— Не знаю я, Коля. Ничего я не знаю. Давай подождем хоть до завтра.

Но он понял, что ей уже все равно, что сегодня, что завтра, шагнул к женщине, притянул ее за плечи властно, по-хозяйски.

А через минуту, когда Нина снова взялась за полотенце, выскочил на крыльцо и подергал за рукав курившего Василия.

— Пойдем, сват, на радостях по лафитничку...

ИЗ ДНЕВНИКА НАДИ КАЛИНЫ

13 июля.

Как светло на улице, просто прелесть. Дым прибило и солнце яркое, и небо голубое-преголубое, как раньше. Мне радостно и грустно. Скоро ехать на экзамены, а уезжать неохота. У Виктора сильные ожоги и что-то с ногой. Его Оленька собралась и укатила. И теперь он совсем один. В райцентре, в больнице. Неужели тоже уедет? Как я тогда буду жить? Ведь я буду учиться и знать: летом не увижу. А потом кончу мед и снова насовсем... Господи, за что я его люблю-то так?.. Ну не дура ли...

Сказала соседка, что кедрачи зажег Пашка Чавилин. Сам, говорит, признался. Вот и хорошо, теперь на Виктора болтать не будут. А Павлика тоже ведь жалко. Он из-за меня дрался и ему рубаху порвали. Только он какой-то не постоянный; куда-то бежит, торопится, с радисткой, говорят, дружит. А медвежонка мне подарил.

Пишу вечером. Приехала Зойка. Она уже все знает — и про Виктора и про Павлика.

— Ты веришь, что Чавилин зажег тайгу? — спросила она.

— Почему не верить?

— Пашка на лодке вообще не умеет плавать. Он хотел твоего доктора выгородить. Еще Пашка потому не виноват, что когда тайга запластала, он с нами в клубе был. Тогда мы с тобой на крыльце стояли, а они с Юркой подошли.

Это правда. Я хорошо вспомнила. Тогда Зойка еще мой зеленый платочек примеряла. И кино шло «Они сражались за Роди-

ну». Павлик с Юркой подошли, и Юрка сказал: «Что-то паленым пахнет, не иначе лес горит». Точно, так и было. Ой, как же это! Значит, раз Павлик непостоянный, на него что хочешь можно валить? И я сказала Зойке:

— Лесничему надо сказать.

— Ну да, скажешь. Начнут проверять, найдут настоящего поджигателя, а это твой Витя. Хорошо тебе будет, да?

А я сказала, что верю: не мог Виктор поджечь. Случайно если только. Я душой чувствую, что не мог. Если я в него верить не буду, какая же между нами любовь. И он не виноват и Павлик. В одного я верю, про другого — знаю. Вот так.

И все равно я пойду и скажу, как есть. Потому что я люблю Виктора и между нами никакой лжи быть не может. Ни малой капельки даже.

14 июля

Я было осмелилась, но опять испугалась. Сидела на лавочке и чуть не ревела. Но собралась с духом и пошла в лесничество.

Говорю: «Чавилин лгун, всех обманул». И все обсказала как было. И еще говорю: «Пашка и лодкой-то управлять не может». Я говорю, а лесничий смотрит на меня и молчит. Ну хоть бы хмыкал, а то как будто не слышит. Просто обидно было, и я замолчала. А он, оказывается, все слышал. Я замолчала, а он говорит:

— Чавилин вообще ни при чем. Это мы уже знаем. А Маневич в пожаре не виноват. Это десантники точно установили. Туда пожар сам пришел, где его нашли. А вот стерлядку он ловил. Не глушил, правда, а только сетями (на слове «только» он почему-то сделал ударение), но все равно запрещено. Он много, выдать, наловил, потому что с другим, своим приятелем в город отправил. И за это его накажут. И вообще он дурак, что в тайгу один поперся. Опыта у него нет, через это теперь и мучается. Не зная броду, не суйся в воду. Вот мол ты (это про меня) тоже в одиночку шляешься по лесу, как бы беды не вышло.

Я чуть не разревелась от обиды. Как он так мог, мой Виктор? Зачем он ловил стерлядку? Ушла на речку, села на бревно и все думала, думала... Виктора наверняка накажут. Что ж, раз виноват, пусть наказывают. А я его все равно не оставлю в беде. Я буду с ним, я помогу ему и больше никогда не дам оступиться. И еще я совсем твердо решила стать хорошим врачом, чтобы всегда работать вместе с ним и быть его достойной. Вот и все.

Александр РОДИОНОВ

УЙМОНСКАЯ БЫЛЬ

*Борису Хатмеевичу Кадикову, неутомимому
исследователю Горного Алтая*

I

Молодая и седая, словно лунь,
По теснине пенится Катунь.
Точно знают горы да река
Как, когда бежал издалека
От царя и от церковей мужик
В земли, где живут алтай-кужи.
От кого в Уймоне русский род!
Позабыл за давностью народ.
Только помнит, вспоминает
Задушевно,
Что жила в Уймоне
Агашевна.

* * *

Говорят, что в те поры
Притупились топоры.
Зуб за зуб.
На силу — сила.
Дрогнул мир.

Прошел вразнос.
Шла косая и косила
Средь народов свой прокос.
Не рыдая оглашенно,
Не вверяя свахе кос,
Проводила Агашевна
Жениха на тот покос.
А косая — вжик да вжик!
Как ты, милый мой, там! Жив!
Жив ли нет! Хотя б записка.
Почта редкая скупа.

.....
В те поры купец из Бийска
По Катунь мед скупал.

II

Кулаком по лавке трахнув,
Аж святой в углу дрожит,

Говорил купчина с тракта:
«Человека покажи..
Покажи мне,
кто украсил
Дверь кедровую твою!
Что за птицы синей масти
На простенках гнезда вьют!
Да скажи-ка сразу цену —
Сколь платил за это ты! —
Чтоб цвели кругом по стенам
Распрекрасные цветы».
Отвечал кержак смиренно:
«Человек тот —
Агашевна».

И купец нетерпеливый —
Смоляная бровь с отливом,
Жмет:
«Покажь мне бабу ту.
Хоромы строю на тракту».

* * *

«Агашевна, нагляделся
Я на твой цветастый дом.
Там — на ставне
мак зарделся,
Там — павлин взмахнул крылом.
Птица, словно слава, реет.
Я к чему склоняю речь:
Ишь, не топится,
а греет

Душу,
вся в цветочках печь.
Птицы-павы, словно в сказке...
Сколько хошь добуду краски.
Сколько хошь
И хошь какой.
Я таковский,
Я такой».

Агашевна поглядела.

Гость чудной.

Чудное дело.

«Тебе сказать в каком яру
Я краску синюю беру,
Желтую да красную,
Да другую разную!
Что за спрос-пытка
Мил-друг приткой!»
Купец меняет слог и тон:
«Тут, видишь, дело, значит, в том,
Ну, стало быть, я строю дом».

И повела она плечом:

«Ты строишь дом.

А я при чем!»

«А ты, голубушка, при том,

Что расписать желаю дом».

«А не боязно ли, голубь!

Я недешево беру.

Дом распишешь —

станешь голый,

Словно липочка в бору».

Покраснел купец натужно:

«Агашевна, ты постой.

Может, платы и не нужно —

Я купец-то холостой».

И сказала староверка:

«Ишь ты, прибыл на примерку.

Да с бухты-барахты

Ну, женишок, с тракту.

А иначе ты не мог.

Вот те — бог,

а вот — порог!»

III

В теплом воздухе повис
Зыбкий столбик мошек.

Слышен топ и бабий визг,

Говорок гармошек.

Пляшут девки, пляшут бабы

Весело, настырно.

Это место, не созреть бы,

Звали в шутку — тырло.

После дробы, после дробы,

Разрумянясь баско,

Агашевна — бац для дроли

Новую прибаску:

«Эй чужак — не кержак

На тебе хорош пинжак.

Что ж не даришь!

Жалко

Шали-полушалка!

Сватал меня купчик,

Подарил рубчик.

Эх, зазря рубчик

Доставал купчик.

Мне не надо ни гроша.

Мой жених на фронте.

Девки, вдовы,

торгаша

Вы не провороньте».

И купец в тени забора

Ухмыляется, смущен.

На кругу товарки спорят —

То-то будет ли еще!

«Эх, подруга, верь не верь.

Новости особые:

Говорят, купцы теперь

К девкам неспособные».

IV

Пал туман с горами вровень.

Ночь темна, как темен скит.

И купец в затихшем доме

Долго за полночь не спит.

«При моей красе и силе,

Это что же за напасть.

Вовсе вожжи распустили,

Дали бабам нынче власть.

А над всеми коноводит

Агашевна, вот змея!

Это ж надо — при народе

Так гильдейца осмеять».

До утра купцу не спится:

Агашевна на уме...

Вроде б надо рассердиться,

Цыкнуть, рыкнуть, на шуметь.

Только что-то не выходит

Злого слова для нее.

До купца доходит вроде,

Смутно он осознает,

Что изведал он сегодня

Не какую-то напасть,

Что изведал принародно

Красоты и слова власть.

Пал туман с горами вровень.

Ночь темна, как темен скит.

Агашевна хмурит брови,

Тоже за полночь не спит.

«Может, зря я так отбрила

Молодого торгаша.

Так почто же говорил он,

Говорил он на шиша!

Про цветы да про узоры,

А потом к цветам остыл...

Да уж что-то больно скоро

Вдруг назвался холостым!

Ну сказала б я, положим,

Что за речкою в яру,

Как бог на душу положит,

Краски разные беру.

То-то мог бы удивиться,

Словом добрым ободрясь,

Что для расписи годится

Просто глина. С виду — грязь.

Что из этой глины-гнили

Охра оценно нежна...
Не пойму я: роспись или...
Или я купцу нужна!
Может, все же зря отбрила!
Ладно, зря или не зря».
Глянь. Туман пополз по гривам,
В окна тычется заря.

V

Как запевка первой стужи
Выпал иней на дворе.
Ничего не знаю лучше
Гор высоких на заре.
Скоро, скоро эти горы,
Эти ясные леса
Затуманятся для взора,
А пока что, как слеза,
Воздух светел,
и в долине
Оголяется лоза.
И пришла пора рябине
Слово красное сказать.
И откуда что берется —
На одной земле растут:
Но желтым-желта березка,
Но багров боярки куст.
И у каждой ветки разны
Цвет и трепет, тон и речь.
Мать-земля, позволь мне в красках
Чудо осени сберечь.
Мать-земля, земля родная,
Весь разгар твоих красот
Всякий зрячий видит, знает,
Видит всяк, да глаз не тот.
И не всяк о светлом помня,
Уходя за краской в яр,
Превращает глины комья
В цвет небес и охры ярь.
Дай сберечь цвета и речи,
В душу вьюги не пахнут,
Если в зябкий зимний вечер
Вдруг со стенки полыхнут
Ослепительные горы,
Цвета осени леса,
Сбереженные для взора
Кистью ясной, как слеза.

VI

Из-под белого гольца
Долго пели пошевни.
Агашевна у крыльца —
Гость давно прошеный.
«...Я припомнила тотчас,
Как вошла в сени,
Разговор про меж нас,
Тот еще, осенний.
За прибаски на меня

Ты поди в обиде!»
Круто бровь купец поднял:
«Поживем — увидим». —
«Эк тебя! Хитер мужик!
Вечно вот так вот...
Я пришла к тебе не жить,
А пришла работать.
А не хошь — не отвечай.
Я тя не неволю
Где узор класть —
назначай.

По какому полю!
Да скажи узор какой!
Может, наш,
досельный!*

Что в Уймоне за рекой
Любит односельник...»
«Агашевна! Вот мой сказ:
Но сперва ответь мне:
Изо всех цветов — прикрас,
Красок разноцветных
Что взяла бы в новый дом!
Как бы расписала!
Коль потом в доме том
Жить да быть стала!»
«Не под те купец углы
Снова бьешь клинья.
Хоть слова твои круглы
Да не та линия».
«Как же линия не та!
Иль не знаю бабу я.
Ты вот здесь занята,
А надежда слабая,
Что жених с войны придет.
Жизнь — она длинная...
Не придет он — как пойдет!
Вся

твоя

линия!»

«Вон куда ты загибаешь!
Тыловой паук-мизгирь.
Значит, плохо бабу
знаешь.

Ну-ка, брыдкий,
с глазу
сгинь!»

«Вот те на — и рассердилась.
В общем, как в своей избе
Для меня б ты потрудилась.
Сделай роспись, как себе».

VII

За оконным косяком птицы тонко тенькают.
Агашевна босиком перед чистой стенкою.
Руки крепкие в бока. Вся жива узорами.

* Досельный — старинный.

Слева — зелень да бакан*, справа—цвет лазоревый.

Прогоняя хмарь с лица, шею круто выгнула.

А купец! А купца прочь за дверь выгнала.

Крестным знаменем в углах нечисть шуганула

И красива, и смугла к чистоте шагнула.

«...Ишь ты, ешь твою клешь. Ходит, словно кочет.

А чего с него возьмешь. «Как себе» хочет.

«Как себе»! Да разве б так цвет горел алый,

Если б здесь занята, о милом знала.

Был бы милый мой жив да вернулся в горы,

Дом бы новый сложил и — никакого горя.

Я б поведала ему все свои желанья.

Были б стены в дому летнею еланью.

Лилий цвет бы нависал над травой-осокою,

Поднялось бы к небесам дерево высокое.

Ворковали бы на нем, над цветов полымем,

Будто мы с ним вдвоем, там вдвоем — голуби.

Только, видно, так не жить. Нет мне счастья девьего.

Милый, где же, скажи, есть такое дерево!

За которым не видны в горести ли в радости,

Лишь бы только без войны жили б мы до старости!

Воротись. Пускай калекой. Знаю я, и не одна,

На земле есть лучший лекарь—есть родная сторона.

Эх, сторонка-сторона, что ж я до сих пор одна.

На роду мне вышло, знать, вековухой вековать,

Коли нет с войны вестей. Грусть-тоска дунула...»

Агашевна глядь — пред ней то, о чем думала.

Не заметила сама, как пожились линии:

Там ромашка да мак, ближе к полу — лилии.

Наверху, по кустам, поселились птицы.

Только что это там! Или половицы...

Половицы говорят! Может, мстится, может...

Нет. Постой. Чей-то взгляд по спине, как ножик.

Что ж не здесь ты! Скажи, сокол мой ясный,

Надо мною здесь кружит с тракту этот ястреб.

Агашевна — трах ногой по двери створчатой.

«А, купец, мой дорогой! А почто скорченный!

Ну, чего разглядел, сын собачьей дочки!»

«Да ты пойми. Я хотел глянуть на цветочки».

«На цветочки! Изволь. Скоро дело кончится.

А пока во-о-о-он! Мало ли что хочется».

И к стене. «Ну, дорогой, я тебе потрафлю.

Я цветок один-другой чуточку подправлю.

Не готов еще заказ. Рано ставить точку.

Для тебя, купец, как раз я нашла цветочки.

Там, где раньше со стены маков было полымя,

Лезли толпы белены, яду — зелья полные.

И над всей травой-отравой, что цветы развесила,

Грязно-желтой шло оравой, ликовало бесило.

Дверь, простенка, потолок

Покрывал чертополох,

Пеялось собачье мыло...

И над этим всем уныло

Цвета высохшей мокрицы

Нависали злобно птицы.

* * *

У купецкого крыльца

Деньги в снег брошены.

До Катунского гольца

Долго пели пошевни.

VIII

Говорят, купец женился,

Очень даже может быть.

Но не мог он, как ни бился

Роспись на стенах отмыть.

Лишь купец сомкнет ресницы,

Как над ним, свершая суд,

Отвратительные птицы

Долбят клювом по лицу,

Хлещут,

прямо в глаз наметаясь.

А еще так говорят,

Что купцу тот самый месяц

Был совсем не мед, а яд.

IX

Что купец! О нем не надо.

Я б не знал о нем ни в жизнь,

С Агашевой кабы рядом

Тот купец не оказался.

Что купец! Совсем случайный

Промелькнувший хилый куст.

Но о ней, необычайной,

Слышал я из многих уст.

Коль народ о каждом может

Древо памяти иметь.

Агашевна будет кто же!

Горной лиственницы медь.

Я секрета не открою.

Есть закон земли простой:

Живо дерево — смолою,

Человек жив — добротой.

Лишь о добром, светлом помня,

Шла она за краской в яр,

Превращая глины комья

В цвет небес и охры ярь.

Этим ясным краскам верил

На Катунь стар и мал.

Говорят, их старший Рерих

В Гималаях вспоминал.

А в Уймоне посеячас,

Коль о ней пойдет рассказа,

Начинают задушевно —

Жила-была

Агашевна.

* Бакан — красная минеральная краска.

СКАЗ О РОДНИКЕ

Вот здесь, где обхвативши камень,
Лозняк растраченно поник,
В студёных недрах под песками
Брал силы свежие родник.
Нагретый полдень провожая,
Должно быть, испокон веков,
Манил к себе он, отражая,
Движеньё трав и облаков.
А в ночь коснись его, бывало,
Устами, горстью — все равно,
В нём после бился месяц шальной,
Дробясь и падая на дно.
Он не был песней, сказкой не был,
И о себе не говорил, —
Прохладу лил. И капли неба
С ней вместе каждому дарил.
И что ж теперь! В траве высокой,
Где был родник, на месте том,
Картавит ржавая осока
О чём-то скучном, о своём.
Родник исчез, в безвестье канул.
И ощутил я как-то вдруг,
Что будто кем-то я обманут
Иль что-то выронил из рук.

РАЗГОВОР С ГОРОЙ ПЛАКУН

Чей-то взгляд потух
Здесь в борьбе с тобой,
И хоть плач был глух, —
Стал твоей судьбой.
Может, шел с сумой,
Горя видывал,
Углежог седой
От Демидова.
От цепей бежать —
Не из терема,
Он пошел искать,
Что затеряно.
А быть может, так:
Что, — когда ни весть, —
Бородач-кержак
Плакал, сидя здесь.
Капли крупных слез
Жгли, катясь в ладонь.
Под горою — воз,
Рядом — павший конь.
Ах, подъем был крут...

Может, с той поры
Два ручья текут,
Как слеза, с горы.

* * *

С вершины лет оглядываю путь.
Он не был магистралью по разряду.
Меня ни в чем
Не смогут упрекнуть
Все, с кем в беде
И в радости был рядом.
Но почему-то кажется порой, —
Хоть и не зримо то с вершины белой, —
Что будто есть там что-то,
Под горой,
Чего я непростительно
Не сделал.

ДЕРЕВЯНКО, ДЕРЕВЯНКО!

Не на этой ли полянке,
Где сейчас пожухлый лист,
Танцевал ты, Деревянко,
Расторопный тракторист.
Задумчивая трехрядка
Разливала голоса,
И целинные палатки
Били песней в небеса.
Танцевать умел ты лихо,
И работать был мастак.
Полюбил ты повариху,
А она тебя — никак.
Говорил ты: «Оля!.. Оля!..»
А она: «Не жди, не стой!..»
Сердце вымучив до боли,
Шел ты вновь на трактор свой.
И листал самозабвенно
На загонке в две версты
Не в свою, в чужую смену,
Твердой залежи пласты.
День за днем, как будто волны,
И при этом в каждом дне,
Сердце Олино — безмолвно,
А твое — горит в огне...
Ой ты, Оля, ой ты, Оля,
Ты наделала беды:
Смолок однажды трактор в поле
От него — в село следы.
Ах, следы! Куда ж вы с болью
От непаханой земли
Несогретые любовью
Тракториста увели...

* * *

Будет тост коротким,
 Будет чай что надо,
 Тихо звякнут кружки
 В поллитровый рост,
 И салютом ахнет
 Взрывов канонада —
 Ледоход, ребята,
 От земли до звезд!
 Тут не до бахвальства.
 Сэкономим силы,
 Если людям счастье
 добывать взялись:
 Позади — лишь версты,
 Впереди — Россия,
 Позади — лишь годы,
 Впереди — вся жизнь.

* * *

Город Явор.
 Сорок первый год.
 Бричка отъезжает от ворот.
 Дед,
 возница наш,
 от слез ослеп:
 За спиной не дом —
 семейный склеп.
 Дед сидит
 к разрывам близким глух.
 Мимо брички гонят фрицев двух.
 На мундирах — белые кресты.
 Лица, как кресты, белы,
 черствы.
 А глаза глядят на нас в упор:
 В каждом —
 в глубине зрачка —
 топор!

Ненависть, порыв твой свят и крут:
 Дед-возница подымает кнут
 И, перекрестясь на древний храм,
 Вдруг наотмашь бьет по топорам.
 Но внезапно перед кнутом возник
 Конвоира непреклонный штык:
 — Стойте, батько!
 Пленные они.
 Нам не гоже катам быть сродни.
 Не марайтесь.
 Гансы, шире шаг!
 Этот штык
 запомнил и рейхстаг!..

* * *

Я не знаю, чей проступок
 Саданул под самый дых:
 На березе пять зарубок,

кровь прозрачная на них.
 Может каждый взять за горло,
 Коль топор сюда принес,
 Да по нежной

стройной,
 гордой,

Чтобы сохнуть ей от слез!
 Или был нуждой другою
 В рощу белую гоним,
 И раскаянье нагое,
 Как на плаху, шло за ним!
 Нет, — увы! — ни то, ни это.
 И малейшего следа
 Не найти, что тем рассветом
 Шло раскаянье сюда.
 Я виноанику сурово
 Вызов брошу: — Берегись!
 Нас сведет — уверен — снова
 Щедрая на встречи жизнь.
 А березоньке-калеке
 слезы горькие утру.
 Сколько ж тяги в человеке
 И к добру,
 и к топору!..

* * *

Дрались две вороны
 За корочку хлеба.
 Им было плевать,
 Что огромное небо
 От края до края
 Над ними лежало,
 А в центре
 звезда молодая
 дрожала.
 Я ехал в трамвае.
 Привычно качало.
 Подруга подругу
 Всерьез поучала:
 — В торговлю иди.
 Будешь сытой,
 одетой.
 А музыка —
 слишком
 возвышенно это.
 Я вышел. Шумели
 сосновые кроны.
 И вспомнилось: корка...
 две серых вороны...

ФРОЛИЩЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди лесов,
 почти на две версты
 Тянутся тесовые Фролища.

В самом центре
древний монастырь
Высятся
обшарпанный,
как нищий.
За столетья
грузно в землю врос
Белыми покатыми боками.
Медь крестов
запрягал среди звезд.
Купола
укутал облаками.
Растерял по северной Руси
Перезвон малиновый.
Но чувства
в залах пропыленных
и пустых
Сохранило древнее искусство.
В каждой фреске —
русская душа
И крылатость истого таланта.
Красотою дышат
не дыша
Четверо случайных экскурсантов.
Полчаса
у них в запасе есть.
Этого недолгого запаса
Хватит, чтобы надписи прочесть,
Кто «Вечерю» рисовал
и «Спаса»,
Заглядеться на суровый лик,
Что глазами подкупает сразу,
И понять,
как дерзок
и велик
Человек был
с кистью богомаза.
У него
любой святой глядел
Грустными
мужицкими глазами,
Будто
от земных оторван дел,

Он насильно связан с небесами.
А ему бы
бороздой пройтись
Да вобрать тепло земли ногами,
И, прожив вполне земную жизнь,
Быть на ты
с землею
и богами.
...Не сжигая за собой мосты,
Четверо уходят по дороге.
И, сжимая тяжкие кресты,
С завистью
глядят во след им
боги.

ЧЕРНИКА

Между Бией и Ненею
Клин лесной зажат.
Там под каждую сосною
Среди мхов лежат
Ягоды рясные
Под листьями атласными,
Цветом темно-синие,
Все как будто в инее.
Уведет нас дух бродяжий
К ягодным местам,
Под крыло села Лебязье,
Что укрылось там,
Где ягоды рясные
Под листьями атласными,
Цветом темно-синие,
Все как будто в инее.
В припасенную посуду
Наберем с лихвой,
А потом губами будем
Брать их под листвою.
Ягоды рясные
Да на вкус прекрасные,
Цветом темно-синие,
Все как будто в инее.

Михаил АНОХИН

ОСЕНЬ

Лужи застыли
до сладкого хруста.
Ночью в полях
коченела капуста.
То и осталось,
что утром спросонок
в стылую раму
стучался подсолнух.

Кровь, закипая,
бросалась в глаза,
мошка выпивала пот.
Ты уходила, в планшет
занеся
разрезы горных пород.
Помню я след
твоих сапог
в бурых отвалах глины.

И чувствую нынче
меж этих строк
оскомную горечь осин.
Но самый главный — разрез
души

не смог я тебе обнажить...
Мне говорят:
не умеешь жить,
нет,
не умеешь жить!

Ида ШЕВЦОВА

* * *

Ты почему не спишь ночами,
не потому ль, что солнца нет,
и месяц желтыми лучами
на землю льет холодный свет!

Ты почему не спишь ночами,
не потому ль, что жизни след
давно расходится с мечтами
твоих далеких детских лет!

Ты почему не спишь ночами,
не потому ль, что день пролет,
и чтоб шагнуть в другой, вначале
ты держишь с совестью совет!

* * *

Когда устанешь до падения,
когда слипаются глаза,
не вздумай прислониться где-нибудь
и людям слабость показать.

Не потому, что ты всеильна
и не положено тебе
упасть под этим небом синим
на землю радостей и бед,
а потому, что боль земная
в единстве соткана с твоей —
пусть, лишней горечи не зная,
растет и зреет все на ней.
Ведь никому не станет легче,
что где-то вдруг застонешь ты,

на землю ляжет черный вечер
и не распустятся цветы.

* * *

Да... наша жизнь не год, не сто, а час,
где все решается в секундах,
сегодня ходим, завтра нас
и этой осени не будет, —
так слишком долго зреем мы,
не успевая жизни быстрой
отдать созревшие умы
и гениальнейшие мысли.

* * *

Мы тепло отдаем, как святыне,
Той планете, что славим, как мать, —
если на небе Солнце остынет,
его будет Земля согреть!

* * *

О, как я рада, что живу,
что впитываю этот мир,
цветы иван-да-марья рву,
братаюсь с солнцем в светлый миг,
дождем и снегом время меряю,
плечо земли — мое плечо, —
и тем сильнее людям верю я,
чем дальше жизнь моя течет.

Альберт НЕСТЕРЕНКО

ПЕРЕВАЛ

РАССКАЗ

Морозный туман сползает к реке, оставляя на траве, на кустах карагача и багульника причудливые узоры инея. Солнце огромным оранжевым диском, тусклым и расплывчатым, барахтается в пойме Каа-Хема, пытаясь взобраться на чистый и светлый в зените небосвод, но туман, освобождая плоскую возвышенность, на которой расположились поселок и аэропорт, сгущается в пойме, заслоняет оранжевый диск рваными серыми клочьями и, кажется, что солнышку никогда не выбраться из этого серого месива на свое привычное место над горами. С юга, с плоской степи у хребтов Тану-Ола тянет слабый хиузок, как заботливый дворник, очищает распадки и лесистые склоны сопок от застрявших там клочьев тумана.

Санька Дзюба торопился на работу. Он шел напрямик через сухое болотце, отделявшее аэропорт от поселка. Высокая трава вздрагивала от Санькиных лохматых унтов, стряхивала с себя толстые полоски инея, распрямлялась. Деревянный заборчик аэропорта Дзюба перешагнул по плотному серому насту сугроба и сразу услышал свое имя. Он оглянулся, от барака «эскадрильи» торопился к нему второй пилот.

— Здравствуй, Саня.
— Привет, как дела?
— Был на стоянке, нам машину заменили. Три пятерки сорок неисправна.
— А какую поставили в план?
— Полсотни четыре шестнадцать.
— Добро. У меня вид нормальный? Что-то пульс пошаливает...
— Нормальный. Глаза только чуть припухшие. Ты не того случайно?..

— Нет, — Санька даже поморщился, — просто спал плохо и дочь снилась. Ну пошли в санчасть. Задание взял?

— Взял. Да ты не волнуйся, Саня, там сегодня Люся Смирнова, она хорошая...

— Нравится?

— Да как сказать...

— Присматривайся... Ты, Вовка, парень видный и непорченный.

Санька остановился возле двух чахлах топольков, посаженных на субботнике года три назад, да так и оставшихся, почему-то в младенческом возрасте, заглянул в открытые и пушистые глаза молодого летчика своими рыжими искрящимися зенками и зафилософствовал:

— А я вот, к примеру, порченный: с женой разошелся, поучения всех марок выдержал. А ведь летаю. Месяц всего на земле просидел... И девок любить еще буду, — Дзюба вздохнул, провел рукой по тощему стволу тополька, сиротливо торчащего из сугроба, стряхнул прилипший к ладони иней:

— Пойдем, Вовка, время не терпит демагогии.

Они прошли тротуаром мимо пивного ларька с облупившейся краской, протопали унтами по крыльцу деревянного барака, командир открыл дверь, и летчики вместе с клубами пара ввалились в беленькое чистенькое помещение санчасти.

— Дверь быстрее закрывайте, медведи, холода напустили.

— Доброе утро, — буркнул Санька и плюхнулся на стул рядом со столом, покрытым белой простыней вместо скатерти, а сверху — толстым листом стекла. На столе стоял стакан с термометрами, прибор

для измерения давления, из-под стекла одним глазом выглядывал розовый лупоглазый малыш с журнальной обложки, второй глаз ему закрывал раскрытый журнал предполетного обследования пилотов. Фельдшер Люся Смирнова поздоровалась официально, сделала строгое лицо и обратилась к Володе:

— Садись, Михайлов, отдыхай пока, — глазщи ее — огромные, черные, как угли, горячие и лучистые — смеялись и шурились от удовольствия, а губы вот-вот готовы были раскрыться милой розовой улыбкой. Санька все это видел, Саньку Дзюбу вряд ли проведешь: его в отряде считали смелым и даже рискованным командиром самолета, а еще знатоком по женской части. Сверстники Дзюбы, с которыми он пришел в отряд, давно переучились на Ан-24, осели: кто в Красноярске, а кто уехал в Европу, в родные места, пробивать карьеру в западных аэропортах. Только Санька оставался в Саянах. У него произошла неприятная и некрасивая история с женой: с тех пор Дзюба носит негласный ярлык «морально неустойчивый», и дорога на переучивание ему заказана. Да Санька мало жалеет об этом. Он стал одним из самых опытных пилотов в отряде: имел все допуски, летал с «подбором» и ночью, тренировал вторых пилотов с командирского сидения; предлагали Дзюбе стать командиром звена, но Санька отказался: «Какое с меня начальство, я черная кость, извозчик».

Любил Дзюба «потравить», порассказывать разные случаи из своей летной жизни. Слушали его молодые и верили, потому что Санька врал самую малость, а рассказывал интересно. Казалось, что доволен Дзюба жизнью. Но муторно и тоскливо становилось порой на душе у пилота, а тут еще прочитал недавно стихи в местной газете и жгут, теребят душу слова:

Ну как вернуть для нашей дочки
Такое чудное — вчера?..

И хоть Санька иногда хорохорился, цинично откровенничал, но чаще бывал угрюмым и задумчивым. Вот и сейчас он смотрел на Смирнову, видел ее наивно скрываемый интерес к Володе Михайлову; Люся считала, что держится очень строго, и Саньку это забавляло. А когда Володя снял шапку и запустил пятерню в свои соломённые кудри, пытаясь пригладить их, а Люся широко открытыми глазами восхищенно уставилась на преображенного парня, Санька не выдержал, ухмыльнулся и с деланным нетерпением произнес:

— Считаю пульс, подружка, забыла зачем пришли?

Люся смутилась, стрельнула в Саньку растерянным взглядом, склонилась над журналом, записывая их фамилии. Санька увидел, как у нее на шее, видимо от волнения, забилась, затрепетала маленькая жилка, вспомнил о своем барахлящем пульсе, о крепком чае и бессонной ночи, о письме в Камышин жене и дочери, которое он писал уже неделю, да так и не закончил, и пожалел о своей грубости. «Отстранит, — подумал Санька, — черт дернул меня разозлить девчонку». Но тут же усилием воли, выверенным неоднократно, заставил себя расслабиться и успокоиться. Он даже вытянул ноги и откинулся на спинку стула, чтобы успокоение было полным.

— Рейс? — спросила Люся деловым тоном.

— Дежурный экипаж, — в тон ей ответил Дзюба.

— Потому вы так рано, — Люся улыбнулась хорошей мирной улыбкой. Ей вовсе не хотелось сердиться на Саньку, она уважала его и почему-то побаивалась, но не признавалась в этом даже себе. Просто Санька был во многом непонятен ей, не то что Володя. Володя — сверстник и простой парень, с ним можно запросто пойти в кино, даже самой предложить это мероприятие.

От улыбки Люси Санька совсем успокоился, с удовольствием почувствовал, как мерными толчками бьется его сердце, уверенно протянул руку фельдшеру. Люся положила свои тонкие теплые пальцы на Санькино запястье, сосредоточенно посмотрела на часы — считала. А Санька смотрел на перламутровый маникюр, чувствовал теплоту девичьей руки... Откуда-то родилась озорная мысль пожать эти пальцы и, когда Смирнова, окончив счет, убрала руку, Санька перехватил ее за самые намятирюнные кончики. Люся нахмурилась, тряхнула кистью:

— Не балуйся, Саша, семьдесят шесть...

— Добро. У тебя глаза когда-нибудь перестают улыбаться?

Пока Люся придумывала, что ответить, Санька расписался в своей графе, деловым тоном бросил Володе:

— Поставишь штамп и в штурманскую. Я к синоптикам зайду. Что-то мне небо сегодня не нравится и хиузок влажный с утра тянет.

Санька каждый день заходил на «метео» консультироваться с синоптиками. Так

нужно, так требует наставление, но прежде чем зайти в низкую дверь барака, где располагалась метеослужба, Дзюба оставался и, как он сам мысленно называл эту процедуру, «приводил нервы в порядок». Сложные чувства испытывал Санька перед дверью «метео». Вдруг откуда-то из желудка поднималось к горлу, охватывало мозг гаденькое ощущение обязательной вины: пощипывало сердце, медленно таяла уверенность. Всякий раз, как только Дзюба открывал дверь к синоптикам, к нему оборачивались три-четыре всезнающих физиономии, ухмылялись, здоровались с многозначительной протяжностью и прилипали глазами к его лицу, куртке, унтам... Санька чувствовал всем телом, особенно спиной, что стоит ему сейчас выйти, как он будет «разобран по косточкам» со всеми подробностями и домыслами. Дзюба не раз был невольным свидетелем таких разборов. Дело в том, что начальником метеослужбы работала Галка Елкина. Ее кабинетик был рядом с общей комнатой, где обретались синоптики и техники, и в этом кабинетике Санька когда-то засиживался. Галка сыграла не главную, конечно, но все же большую роль в его разрыве с женой. Она была из тех женщин, о которых Дзюба мечтал еще в юности и которых просто боялся. Высокая, с прекрасной фигурой, умная и наглая, красивая и желанная — Галка была замужем за геологом. Санька знал этого парня. Надо же так: в двадцать шесть защитить кандидатскую и засесть за докторскую... Он так и не понял за пять лет — живут они семейной жизнью или нет. Вроде квартира общая, целый финский дом из четырех комнат, но когда Сергей не «в поле», то ужинает в ресторане, а у Галки отдельный вход в квартиру. Спрашивал как-то, но Сергей и Галка отвечали уклончиво: живем, дескать, как можем. Детей бы ей, но нет почему-то. Санька с удовольствием встречался с Галкой в аэропорту, пожимал ее горячие пальцы, заглядывал в темные таинственные глаза: ему хотелось увидеть в них ту сумасшедшую искорку, которая однажды повергла его, смяла, заставила остаться с Галкой на дежурстве в ее кабинетике, а утром возвращаться домой зацелованным и пустым. Жена, конечно, узнала об этой ночи. Городок небольшой — все всё знают. Санька клялся, что ничего между ними не было, да разве докажешь... А когда Вера, жена, уехала к своим родным в Камышин и увезла Иришку, Галка вдруг начала остывать от своего порыва и совсем измучила Дзюбу. Весь отряд смеял-

ся над ними, а Галке хоть бы что. Дзюба злился, предлагал пожениться — Галка в ответ только смеялась: «Зачем, Саня? Я плохая жена, да и детей у меня не будет, а ты ведь их любишь». Черт какой-то, а не женщина. Совсем истрепала Санькину мужскую гордость.

Дзюба открыл дверь на «метео» и сейчас же открылась дверь кабинетика — там стояла Галка. Лицо бледное, брови как углем подведенные, а белая шапочка на темных волосах и красная кофта делали ее необыкновенно красивой.

— По шагам узнала, — прошептала Галка и откинула голову на косяк двери.

— Здравствуй, Галя. Что с тобой? — Санька сделал шаг, посмотрел в Галкины глаза и растерялся. О, боже: сколько там было чертиков и искринок!

— Ждала, не видишь, зайди ко мне, Саша.

Санька покорно направился в кабинетик. Галка закрыла дверь, сняла с него шапку, провела по спутавшимся волосам горячей ладонью и вдруг упала головой к нему на плечо и горячо зашептала:

— Соскучилась... Сходим вечером в Дом культуры?

Санька чуть отстранился и утонул своими глазами в жутких Галкиных. Как тут откажешься!.. И захотел бы — сил не хватит...

— Ну иди, милый, до вечера, — Галка быстро поцеловала его в щеку и подтолкнула в спину.

Санька вышел из кабинета, открыл дверь на улицу, шапку держал в руке, морозом сразу хватануло за влажные волосы, сжало лоб. Дзюба тряхнул головой, ошарашенно улынулся:

— Ну и загадочки, с утра пораньше...

Надел шапку и зашагал к штабу: думать о том, что будет вечером, не хотелось, времени впереди еще целый день.

Возле штаба курили на «свежем воздухе» Семен Ондар и молодой штурман из третьей эскадрильи. Штурман мало интересовал Саньку: плюгавенький, он не вошел в Санькин круг. Санька не любил интеллигентов, — этих умствующих пижонов, от которых в деле только хлопоты, а в сложной обстановке так вообще хоть за борт выбрасывай, чтобы не мешал, — в этом Дзюба был уверен категорически, после того, как Васька Попов врезался в гору со штурманом на борту. Друг был, — и классный летчик...

А вот с Семеном у Дзюбы сложились мудреные отношения. Санька поначалу

частенько насмеялся над широким, как сковородка, и добродушным лицом Ондара. «Целовать много можно...» — повторял Дзюба при каждом удобном случае и первый хохотал над своей шуткой. Противно было почему-то, но хохотал, а Семён не обижался. А когда однажды они заночевали вместе на далеком таежном аэродромчике и в пятидесятиградусный мороз двое суток по очереди гоняли двигатели, чтобы не остыли, а потом садились на базе при горящих красных лампочках получасового остатка горючего и при погоде явно ниже минимума, — Санька вдруг зауважал тувинца, посчитал его ровней себе в смелости и опыте, перестал подшучивать над Ондаром, с удовольствием пожимал его крепкую маленькую ладонь и в ответ получал такое же крепкое пожатие.

Семен заметил Дзюбу, отбросил в снег сигарету, прищурил до узких щелочек монгольские глаза и заулыбался во всю свою широкую, прямо лунную физиономию.

— Ай молодец, Саша, сам идешь, меня искать посылали... Говорю: придет Дзюба, зачем торопиться, так нет — иди.

— Здравствуй, Сеня, как живешь-можешь?

— Все хорошо, санзадание жду... Как у тебя?

Санька неопределенно пожал плечами, потом засмеялся, вспомнились Галкины жгучие глаза, толкнул Ондара локтем и подмигнул:

— Живем, старина, и жить будем...

Потом повернулся к штурману, который спокойно и даже безразлично курил длинную сигарету с оранжевым фильтром, и подал руку:

— Здравствуй, Сафонов.

— Здравствуйте, — ответил штурман, протянул в ответ узкую ладонь, которая тут же утонул в Санькиной широкой, с узловатыми бугорками косточек, смуглой руке. У Дзюбы появилась озорная мысль сдавить штурману ладонь так, чтобы покраснел он своим тонким, с узкими бесцветными губами, лицом, выплюнул сигарету, заматерился в конце концов или зло треснул Саньку по затылку другой рукой, — но Санька тут же испугался, что Сафонов просто ойкнет, присядет в снег и посмотрит на Дзюбу жалкими глазами, как смотрели на него в детстве маменькины сынки, когда он проделывал пад ними эту штуку. И Санька только осторожно тряхнул вялую и влажную ладонь Сафонова. Штурман вынул сигарету изо рта, пыхнул ароматным дымом и спросил у Дзюбы:

— Вы на север сегодня летите?

Санька удивленно глянул на него; Сафонов был штурманом в другой эскадрилье и, по мнению Дзюбы, интересоваться его заданием не имел никаких оснований.

— Не знаю еще, а в чем дело?

— На север, в район Чайган-Хема. Я, вероятно, полечу с вами, указание получите у командира отряда.

Саньку обозлил холодный и заносчивый тон штурмана. С Дзюбой в отряде еще никто так не говорил. Злость на Сафонова вот-вот готова была прорваться матерным словом или едкой репликой. Санька отвернулся и глухо буркнул:

— Что вам нужно на Чайган-Хеме?

— Облет трасс. Я полечу членом экипажа.

— Посмотрим, — раздраженно бросил Дзюба и вошел в штаб.

Раздражение не покидало Саньку, и он мысленно выругался:

— Черт знает что творится! Не дают спокойно работать.

Он толкнул дверь в кабинет командира отряда.

— Разрешите, Иван Афанасьевич?

— Входите, Дзюба.

Санька вошел, поздоровался, Иван Афанасьевич вышел из-за стола и пожал пилоту руку.

Небольшого роста, лысый и курносый Иван Афанасьевич Погодин не оставлял впечатления авиационного командира. Но он уже пятнадцать лет руководил отрядом и, что бывает далеко не всегда, летчики и техники очень любили «батю». В свои пятьдесят Иван Афанасьевич на всех смотрел по-юношески живыми и улыбочивыми глазами, не терпел наушничества и подхалимажа. «Старой закалки пилот, беречь таких надо», — говорили те, кто проработал с Погодиным долгие годы. Поговаривали, что командир хочет уходить на пенсию, и вздыхали: «Пришлют какого-нибудь выскочку, развалит отряд, погибнут хорошие традиции»...

Погодин обнял Саньку за плечи, подвел к высокому бородатому человеку, который стоял у окна и молча смотрел на Дзюбу.

— Знакомся, Александр Петрович, это новый начальник Тоджинской партии, его заказ ты сегодня выполнишь.

— Дзюба, — подал руку Санька.

— Сабитов. Захар Васильевич.

Рука у Сабитова была крепкой и шершавой. Санька сразу почувствовал к нему расположение: свой человек.

— Захар Васильевич, введите командира самолета в курс дела.

— Прошу...

Сабитов прошел к столу, достал из левой планшетки выдавшую виды двухкилометровку, подклеенную на сгибах, испещренную условными знаками и стрелами, — такая карта могла быть понятна только хозяину.

Дзюба заглянул в карту и покачал головой:

— Захар Васильевич, а на словах и попроще можно? Тут столько наворочено, что заблудиться можно.

Сабитов улыбнулся в рыжую бородку:

— Менять карту нужно, это верно, да только привык я к ней, пятый год со мной. Все родное, ногами протопанное... Ну да ладно, можно и на словах. Чайган-Хем знаете?

— Знаю, — Санька мысленно представил изгибы реки, которая у тувинцев и бурятов зовется мертвой.

— Так вот, у четвертого порога есть заимка, три дома и сарай, приходилось видеть?

— Да, я бывал в этом районе, километров двадцать в сторону озера, вот оно, — Дзюба показал на карте небольшое озерко. — Пролетную зиму вывозили оттуда рыбу.

— Так вот, на заимке, — Захар Васильевич острием карандаша показал на карте точку, возле которой была нарисована звездочка. — Зимует группа исследователей, нужно им доставить продукты и оборудование. Ребята в тяжелом положении.

— Площадка есть?

— Есть площадка западнее поселка, радиостанция может работать на привод. Радист предупрежден, — Сабитов назвал частоту привода и вопросительно посмотрел на Саньку.

— Отлично, я знаю этот район. Иван

Афанасьевич, разрешите идти готовиться?

— Какая у вас машина?

— Полсотни четыре шестнадцать.

— Учтите, на ней трехлопастной винт: длина пробега существенно увеличивается, снег рыхлый, тормоза неэффективны, — повнимательнее с расчетом, командир.

— Хорошо, Иван Афанасьевич.

— Синоптики дают ухудшение погоды по району, но задание нужно выполнять. Задует пурга, так не меньше чем на месяц, а люди уже сейчас голодают. Так, Захар Васильевич?

Сабитов утвердительно кивнул головой.

— Понятное дело — в погоду ниже минимума не суйтесь, заправку берите пол-

ную, в крайнем случае пойдете обходным маршрутом. Вопросы есть?

— Все понятно, товарищ командир отряда.

— И еще, — тон командира снова стал добродушным и веселым, — возьмете на борт штурмана Сафонова, пусть привыкает к воздуху парень, в училище многого не покажут. Он сам просился к вам в экипаж... Нравишься ты молодежи, Александр Петрович.

Санька хотел сначала возразить, но последние слова Погодина приятно защекотали самолюбие, и Дзюба, довольный, улыбнулся:

— Что могу... Разрешите идти, товарищ командир?

— Идите.

Дзюба четко повернулся, шаркнул унтами и скрылся за дверью.

Самолет натужно гудел, набирая высоту, как живой, вздрагивал от редких, но ощутимых толчков восходящих потоков воздуха. Пилот чутко реагировал штурвалом на эти толчки, изредка посматривал в боковую форточку на уплывающие под левую лыжу плешивые, с темными кудрями ельников и кедров на склонах вершины заснеженных сопков, и снова смотрел вперед на белую, зубчатую стену приближающегося перевала. Дзюба очень любил момент набора высоты. Самолет будто стрижет грозные зубцы набегающих гор, пронесется над ними могучей, стремительной птицей — вершины сразу кажутся покорными, лысыми и мирными, а машина рвется дальше к перевалу, чтобы там, над его спиной, опустить нос, сбавить газ и, набирая скорость, лечь на курс.

Над перевалом начиналась работа, которая называется — рейс. Санька обычно отдавал управление второму пилоту, устанавливал режим полета, докладывал диспетчеру обстановку, если позволяла погода, давал короткое указание следить за связью, а сам переключался на радиокompас и ловил «Маяк». Музыка давала мыслимым четкий ход, с музыкой быстрее бежало время, за музыку начальник службы движения частенько ругался на разборах, но музыка — это была запрещенная, негласная привилегия, которую получал, вместе с командирским штампом в свидетельстве, вчерашний второй пилот, который прошел ввод в строй командиром самолета. Сегодня на борту был чужой штурман, и Дзюба остался на связи.

Добродушное настроение, которое появилось после похвалы командира отряда, медленно исчезло. Санька все чаще косился на Сафонова, устроившегося между сидениями на струбине, которой стопорится ручное управление, и что-то записывающего в бортовой журнал. Экипажу разрешили занять высоту нижнего попутного эшелона, и Санька снова перевел машину в набор.

Небо было ясным в зените, но самолет окружала плотная дымка. Дзюба знал, что из этого молока может образоваться слоистая облачность с осадками, но видимость пока была хорошей, вот только тревожила Саньку близкая к нулевой температура воздуха за бортом — предвестник обледенения.

— Успеет до снегопада, штурман? — Дзюба показал на термометр наружного воздуха.

Сафонов уставился на прибор, пытаясь сообразить, почему должен быть снегопад, достал прогноз, перечитал строчки, обещающие видимость более десяти километров, осмотрелся вокруг и, ничего толком не поняв, прокричал в ответ:

— Должны успеть.

Санька, следивший за ним, пренебрежительно мысленно выругался: «Слабак! слабак и пижон, — но потом смягчился, — молод еще».

Снял наушники и стал объяснять Сафонову, почему он считает, что погода должна испортиться. Штурман понимающе кивал головой, а когда Санька кончил, вместе с Володей стал пеленговаться по боковым радиостанциям.

— Ничего у вас не выйдет, далеко и горы сигнал искажают, — махнул рукой командир.

— Посмотрим, — сказал Сафонов, и Саньке сразу стало неинтересно что-либо объяснять. «Пусть тренируются, опыт приходит через ошибки», — подумал он и взял управление.

Призрачной белой лентой, причудливо извиваясь между темных массивов тайги, медленно уплывает под крыло таежная речушка. Кажется, что самолет висит в молоке белизны, а все, что под ним живет сонной и ленивой жизнью, степенно перемещается на огромной плоскости и нет никакого дела этому живому существу до Саньки, до штурманских расчетов Сафонова, до самолета, зависшего в пространстве, не за что уцепиться глазом, горизонт размыт, двигатель рокочет монотонно, клонит в сон, неудержимо и липко обволакивает все тело

меланхолическая усталость. И хотя ветер на эшелоне был попутным, Санька запросил снижение на безопасную высоту.

— Почему снижаемся, командир? По расчету времени мы будем над точкой через сорок минут.

— Все правильно, штурман. Кстати, Погодин просил показать вам трассу. С эшелона много не рассмотришь, видимость ухудшается, а мы птицы визуального полета: от кустика до кустика. Запоминай, пригодится.

Санька никак не мог найти верный тон в разговоре с Сафоновым. Называл его то на ты, то на вы — злился.

— Вы правы, — коротко ответил штурман, открыл карту и стал сличать изгибы речки. Володя наклонился к нему и прокричал:

— Речка здесь, как пьяная петляет. Зимой русло еще совпадает с картой, а летом все меняется. Мы здесь, — показал он точку на карте. Через пятнадцать минут будем над поселком Хамсара. Дикие места.

Дзюба чуть вслушивался в связь. Борты передавали фактическую погоду трасс. Видимость над Саянами ухудшалась, над перевалами шел снег. «Накроет», — подумал с тревогой Санька. Он прекрасно знал, что значит в докладе погоды указать минимум трассы по видимости — это предел, ниже которого рейс продолжать нельзя, а если называется этот предел, значит, погода хуже.

— Трудно ребятам, — заключил Дзюба и вызвал на связь радиста с Хамсары, тот дал хорошую видимость. Базовый аэропорт веселым голосом молоденькой радистки Тани Гринько звонко рассказал о чистом небе, отличной видимости и слабом ветре.

«Коза, — улыбнулся Санька и успокоился, — успеем».

Закончили снижение до безопасной высоты, штурман настроил радиокompас на частоту геологов. Стрелка сначала замерла у нуля, потом стала раскачиваться на тридцать градусов вправо-влево, сделала оборот на 180 градусов и снова затанцевала у нуля. Сафонов пытался подстроиться.

— Оставь, штурман, у них шарманка полевая: мощности мало, радиостанция под сопкой, сигнал рассеивается. Я хорошо знаю этот район. Смотри, вон слева — поселок Хамсара. Через двадцать пять минут будем над Чайган-Хемом.

— А почему не по трассе идем? Мы должны выйти на Хамсару, а потом свернуть вправо на пятнадцать градусов.

«Ну и зануда», — удивился Санька, а

вслух сказал: — Погода на пределе, топориться нужно.

— Нарушаете, командир, — Сафонов, видимо, хотел пошутить, но Дзюба не понял его. Четко выговаривая слова, она произнес холодным тоном:

— Это внерейсовый полет, потрудитесь проложить от перевала новую линию пути и следите за ориентировкой.

Володя Михайлов с самого начала понял, что командир недолюбливает молодого штурмана. Его удивляло Санькино раздражение. Обычно Дзюба в полете весел и добродушен. Володя даже любил его за это. Все свои беды и горечи Санька оставлял на земле: много шутил, рассказывал небылицы, разрешал послушать музыку.

Но сегодня явная несправедливость. Ведь Санька не знал Сафонову, а Володя знал... Осенью, когда весь город выезжает в тайгу за брусникой, собираются иной раз на это мероприятие и холостяки. Не за ягодой, зачем она, разве хозяйке ведерко набрать, чтобы зимой иногда угостила на закуску. Едут, чтобы попеть песни в автобусе, заблудиться в лесу с подружкой, а то и просто так: побродить по мягкому мху, послушать таежную тишину, вволю подышать вкусным, пахнущим первым морозцем воздухом. На такой вылазке очутился однажды Володя вместе с Сафоновым. Не договаривались, просто нечаянно встретились на болоте и пошли рядом по тропинке, а потом лежали в сосняке на мягкой, пружинящей хвое, смотрели, как головы высоченных сосен медленно и степенно обметают и без того чистое до лазурного блеска небо, кружилась голова от этого мерного покачивания верхушек, тихо шуршали опадающие желтые хвоинки, и лилась неторопливая беседа. Многое узнал Володя о москвиче: и то, что он воспитывался в детском доме, и то, что стихи пишет, которые даже берут в газету. А то, что штурман такая бука и даже заносчивым кажется, так ведь у каждого свой характер: понимать надо.

— Снижаемся, Володя. Черт, погода совсем портится. Прикрой створки масло-радиатора, сейчас вывалимся из теплого слоя в мороз. В этих горах все наоборот —, вверху тепло, внизу — холодно. Инверсия.

— Понял, командир, не забудь — у нас трехлопастной винт.

— Знаю. Молодец, старик, соображаешь, — Санька подмигнул второму и улыбнулся.

Володя в ответ расцвел улыбкой на все зубы и даже покраснел от удовольствия, —

Дзюба был опять таким, каким знал его Михайлов в рейсах.

— Ну и красивый ты пацан, Вовка, не завидую той девке, которая станет твоей женой.

— Почему?

— Умрет от ревности. Следи, сейчас должна быть площадка, за сопкой Чайган-Хем.

Река ниже порога была сплошь покрыта наледью. У Саньки наледь всегда вызывала брезгливое ощущение. На белом снегу четко выделялись желтые и оранжевые плешины, напоминающие золотушные струпы на теле ребенка. В Санькином детстве был такой ребенок. Родственничек, которого иногда оставляли на попечение Саньки. Капризный, сопливый, с золотушными язвами за ушами — он доводил Саньку до бешенства своим ревом и наглыми требованиями: «Я хоцу». Бить его Санька не решился, но когда возвращались с работы родители и тетя Варя забирала своего отпрыска, Санька убежал в балку, где обычно собирались его сверстники, набирал компанию единомышленников, и они шли в училище механизации выяснять отношения с бакланами, как презрительно называли механизаторов в поселке. Домой возвращался с расквашенным носом или в изодранной рубаше, но довольный. А дома очередная взбучка и наказ: «Будешь сидеть весь день дома с Эдиком...» Сейчас, поди ж ты, студент юридического...

— Красиво... Как цветы на снегу, — штурман стоял в проходе и, пока Дзюба выполнял левый разворот, любовался наледью.

— Больше смахивает на дерьмо, — Санька резко вывел машину из разворота, штурмана бросило вправо на Володю, и он с удивлением, даже с каким-то сожалением посмотрел на Саньку и ничего не ответил.

Дзюба снизился до высоты круга, прошел над поселком. Полосатый мешок конуса ветроуказателя висел на столбе, как тряпка: был полный штиль и слабая морось. Санька зашел в створ полосы и стал производить посадку. Раздражения как не бывало. Был маленький, слитый воедино коллектив из двух человек и был ответственный момент полета — посадка. Сафонов сразу почувствовал себя лишним, вжался в проход пилотской кабины, стараясь ничему не помешать. Самолет выравнился, чиркнул лыжами у знака, грузно осел и побежал по полосе, забрасывая на верхние плоскости поднятый винтом и лыжами снег. Дзюба зажал тормоза, на таком

снегу капота не будет, и самолет начал останавливаться в самом конце укатанной полосы.

— Коротковато... и винт подводит, — передал он Михайлову по переговорному устройству.

— Четко, как в аптеке, — ответил восхищенно Володя.

Санька срулил с посадочной, но, чтобы не застряв в сугробах, вынужден был снова зарулить на укатанную полосу.

— А все-таки молодцы исследователи, не меньше суток елозили своими лыжонками нам посадочную... Бегут, соскучились за новыми людьми.

От домиков, ныряя в сугробах, смешно подпрыгивая, катились к самолету две собаки, а за ними торопились бородатые, в толстых свитерах и простоволосые зимовщики.

— Выйди, Володя, расспроси, куда подгуливать.

Дзюба убрал газ, машина остановилась, Михайлов выскочил из самолета и побежал к встречающим. Штурман пересел на свободное правое сиденье, и Санька медленно порулил вслед за вторым пилотом. Володя встретили, стали хлопать по плечам и спине, он оглянулся на самолет и что-то сказал зимовщикам. От группы отделился высокий длинноногий парень, махнул рукой и пошагал к длинному приземистому сараю.

— Вот цапля, не меньше двух метров, и сугробы ему нипочем. Знал я одного такого... — пошутил восхищенно Санька, но глянул на правое сиденье, где сидел штурман, замолчал, лихо подрулил к сараю и выключил двигатель. Не успел он выйти из грузовой кабины, как тут же угодил в объятия рыжего верзилы.

— Привет, командир! — закричал он в самое ухо Саньки. — Не узнаешь? А я у второго спрашиваю: «Кто командир?» «Дзюба», — отвечает. Так это же Санька... Здорово, Санька! — рыжий приподнял Саньку, зашекетал бородой лицо, заглянул ему в глаза своими голубыми смеющимися озерами, будто выплеснул на Саньку полнеба света и радости.

— Семеныч! Так ты здесь?

— Здесь, Саня, здесь! — рыжий гулко хлопнул Дзюбу по спине.

— Ох, давно я тебя не видел, шатун таежный.

— Года четыре, однако, не виделись, в других горах я был, под Норильском...

— Постой, а помнишь Сейбу?

— Помню, Саня, и то, как чуть не угро-

бил тебя однажды на взлете, помню, — геолог поморщился, запустил огромную пятерню во включенные волосы, будто хотел вырвать здоровущий клочок, вздохнул: — Ящички маленькие, а камушки тяжелые... Перегрузили тогда борт образцами редкоземельных. Мой грех, командир.

— Да брось ты, Семеныч, нить, совсем стариком становишься, я рад, что вижу тебя.

— Я тоже рад, Саня.

Они снова обнялись, поворчали, как два медведя, стараясь уронить друг друга в снег, упали оба и завозились в сугробе. Первыми к ним подбежали лайки. Белые, с маленькими острыми ушами и с веселыми калачиками пушистых хвостов, — собаки запрыгали вокруг, залаяли громко и отрывисто. За ними спешили трое зимовщиков, небольшого роста тувинец в броднях и лисьей шанке, видимо проводник, и Володя.

— Эй, Генка, зачем командира бьешь? Еще пригодится, кто станет в тайгу продукт возить? Бросай сразу! — проводник ухватил Семеныча за ногу, собаки набросились на Санькины унты. Семеныч тряхнул ногой — тувинец не удержался и упал в снег, смешно кувыркаясь. Зимовщики засмеялись. Семеныч сел на снег, притянул к себе Саньку и стал размазывать снег по лицу. Теперь уже все: и Володя, и проводник, выбравшийся из сугроба, хохотали неудержимо, взалех. Штурман стоял в двери грузовой кабины и тоже улыбался.

— Что расхохотались, не к добру это, — Семеныч поднялся, подал руку Саньке. — Знакомьтесь, мой старый друг Александр Петрович Дзюба с экипажем.

Зимовщики пожали руки экипажу, познакомились. Санька удивился:

— Слушай, Семеныч, а почему ты не камералишь в тепле и сытости? Сидел бы сейчас в кабинете, да перебирал образцы. Тебе что, лета мало? Я понимаю, гляциологам снег нужно мерять, а ты ведь геолог или перекинулся в другую сферу?

— Э, Саня, тебе трудно понять, дело здесь большое будет, сейчас болота замерзли — радиационную разведку ведем, а образцы здесь обрабатывал, сегодня увезешь.

Санька вспомнил о погоде, поморщился: — Выгружайте быстрее, ребята, «метео» на пределе, торопиться нужно.

— Ничего, дорогой, это мы быстро. Обратную загрузку возьмешь?

— Что у вас?

— Образцы нужно обязательно увезти.

Триста килограммов. Не волнуйся, Саня, сам взвешивал, ей богу, — геолог снова запустил пятерню в волосы.

— Да брось ты, Семеныч, дурить, что еще?

— И ореха десять мешков. Леспромхозовские по осени падалку собирали, а вывезти не успели, забери, командир, очень они просили по рации.

— Хорошо, давай, ребята, навались.

Пока разгружали и загружали самолет, пошел мелкий снег, видимость стала хуже, Санька с тревогой смотрел в серое небо: «Вот, черт, накроет». Подошел радист с белым листком в руке:

— Командир, вам вылет разрешили, база дает хорошую погоду.

— Ну, добро. Давай лапу, Семеныч, протрашиться будем.

— Может заночуешь, Саня, а поутру с морозцем — домой. По такой погоде туго будет...

— Погода испортится — не на день...

— В таком разе — счастливо...

Они крепко и серьезно пожали руки, Санька быстро прошагал к самолету, оглянулся, помахал зимовщикам. Володя закрыл на защелку грузовую дверь.

После взлета Дзюба попытался связаться с базовым аэропортом, но в наушниках стоял сплошной треск, кое-как через радиста с Хамсары удалось передать вылет.

— Снег дает сильную помеху. Еще минут пятнадцать и с Хамсарой связь потеряется. Нам разрешили следовать на безопасной высоте, запасной аэродром Тоджа, — доложил экипажу обстановку командир. — Ну, штурман, показывай свое искусство: не потеряется привод, памятник тебе при жизни закажу.

Сафонов настроил радиоконпас на частоту базы, но стрелка вяло заболталась на шкале.

— Рано еще, подойдем поближе, тогда возьмет.

Заняли безопасную высоту, видимость была предельной, только под самолетом смутно просматривались контуры речушки.

— Идем по линии заданного пути, прошли озеро у поселка Хамсары, все нормально, командир.

— Хорошо, а то перепонки полопаются от треска. А вы, штурман, следите за речкой, она выходит в район перевала.

— Видимость иногда теряется, командир.

— Это снежные заряды, не волнуйся, такая у нас работа.

Сафонову нравилась предельная обстановка рейса. Он чувствовал себя членом

экипажа, радовался тому, что нужен в этом полете. Вот он увидел характерный изгиб речушки, который еще утром отложился в памяти, рассчитал путевую скорость, доложил командиру расчетное время выхода на перевал.

— Хорошо, — ответил Санька и внимательно посмотрел в тонкогубое бледное лицо Сафонова. Штурман спокойно встретил Санькин пристальный взгляд, отбросил со лба жидкую прядь светлых волос и спросил:

— Может еще попробовать запеленговаться по двум боковым? Утром получилось неплохо, с радиусом в десять километров.

— Не отвлекайся, место мы знаем точно, а с пеленгацией ничего не получится: высота маленькая, а помеха сильная...

— Понятно, командир.

«А ведь ничего парень, зря я на него, вот что значит работа, совсем меняет человека», — подумал Дзюба.

— Саша, нас Тоджа вызывает.

Санька быстро надел наушники, через хрипы и треск пробивался голос тоджинского радиста, называвшего позывные их самолета. Дзюба ответил, но радист не услышал. Тогда Санька прижал ларингофоны к шее и прокричал в эфир, что слышит Тоджу, — в ответ монотонный голос снова и снова повторял их позывные.

— Вот тьюфяк, давал бы блиндом на авось, — разозлился командир.

Радист будто понял Дзюбу:

— Полсотни четыре шестнадцать, полсотни четыре шестнадцать! Я Тоджа. Вас не слышу, передаю блиндом: запасным быть не могу, аэропорт закрыт, снегопад, видимость менее километра. Вам следовать на базу. Повторяю...

— Ну, ребята, попали мы в капкан. Обходной маршрут закрылся. Возвращаться некуда, сейчас по всем Саянам развезло... Базовый аэропорт обеспечит нам посадку при любой погоде. Там мы дома, там есть система слепой посадки. Только бы не было обледенения. Мне нужен привод, штурман.

Сафонов стал подстраивать радиоконпас.

Река внезапно исчезла совсем. Серая пелена окутала самолет, пилоты перешли на пилотирование по приборам. Дзюба знал, что стоит только на мгновение не поверить показаниям авиагоризонта и вариометра, как разладится все: будет казаться, что самолет кренится, уходит с курса, сиденье уплывает куда-то в сторону,

голова начинает кружиться, руки инстинктивно зажимают штурвал, черной кошкой заползает в мысли отчаяние. Это психическое состояние Санька испытал еще молодым вторым пилотом. Знал, что противоядие здесь одно: спокойствие и уверенность. Руки его твердо держали штурвал, зрение было отдано приборам. Володя дублировал действия командира.

— Есть привод, — прокричал штурман.

— Молодец! — бросил Санька. — Теперь будем дома.

— Командир, теряем скорость, — тревожно передал по переговорному устройству Володя.

— Вижу, — Санька добавил газ, но через несколько минут скорость снова начала падать. «Обледенение», — обожгла сознание страшная мысль. Засосало под ложечкой — противно так и мутрно. Санька сжал зубы, добавил газ — сектор газа уперся в ограничитель номинального режима. «Не психуй, Дзюба! — скомандовал он себе. — Бывает и обледенение, только бы перевал пройти. Не ошибся штурман? — возник гаденький вопрос, но Санька сам же ответил: — Нет не ошибся, все правильно».

— Володя, попытайся связаться с базой по РСБ.

Михайлов стал вызывать базовый аэропорт по коротковолновой станции, но только треск в наушниках был ему ответом.

— Нет связи, командир.

Дзюба молча кивнул, резко, чтобы скотить лед с лопастей, несколько раз перевел винт с малого шага на большой. Машина дернулась вперед, будто хотела выпрыгнуть из серого месива, но завязла в нем. Самолет терял скорость и высоту. Экипаж понял, что они в обледенении. Вверх пробиться невозможно, а внизу острые скалы перевала и тайга.

Володя и штурман молча поглядывали на командира, ожидая его решения. А Дзюба был в отчаянии. Из последних сил он сохранял хладнокровие и пилотировал машину. Хотелось толкнуть сектор газа за ограничитель до взлетного режима и заорать в этот серый и плотный мир что-то нечленораздельное и страшное. Но Санька понимал, что на взлетном режиме будет конец. Запаса мощности у двигателя не останется, держаться на таких оборотах долго невозможно — раскрутка, или заклинит двигатель.

Над невидимой высшей точкой перевала оставалось пятьдесят метров высоты. Вершина была где-то здесь, рядом, — конча-

лось расчетное время пролета перевала. Саньке вдруг почудилось, что длинные острые зубы гор шарят в снегопаде, пытаются ухватить, смять самолет, сбросить в пропасть вместе с экипажем и грузом. Машину начало трясти. Задрожали расчалки от образовавшегося на них слоя льда, а за ними весь самолет задрожал мелкой, противной дрожью, — будто предчувствовал свою кончину.

— Груз! — крикнул Санька. — Выбросить груз! Михайлов, привяжись грузовой веревкой, штурман, подавай мешки! Быстро, ребята, иначе смерти!

В одно мгновение Володя был у грузовой двери, обмотался внатяжку веревкой, открыл дверь, — и вот уже первый мешок с орехом канул в серую мглу.

Санька мысленно считал мешки: их было десять, это пятьсот килограммов. И десять ящиков с образцами. Надежда взбодрила Дзюбу. Он как будто слился с машиной, руки чутко реагировали даже на малейший крен. Санька почувствовал нежность к самолету. Он зашептал ему, как живому: «Милый, ну подержись еще немного, еще десять минут и начнем снижаться, только перевал пройдем. Милый...» Саньке приходилось балансировать между критической скоростью, когда самолет вот-вот свалится на крыло, и минимальным снижением.

Стрелка вариометра поползла к нулю, снижение прекращалось.

— Стой, ребята! — прокричал Дзюба в грузовую кабину. — Мешки выбросить все, инструмент и колодки тоже... Ящики с образцами не трогать, иначе грош нам цена.

— Есть, командир, — штурман ухватил следующий мешок.

Радиовысотмер показывал тридцать метров над уровнем местности. Расчетное время прошло, Санька боялся расслабиться: «А вдруг ошибка? Еще немножко, еще...» — приказывал он себе, вгрызался вместе с винтом в плотную стену снегопада.

— Ну как, командир? — Володя стоял в проходе между сиденьями.

— Нормально, Вовка, детей рожать будешь и не одного... Еще пять минут продолжимся для верности и начнем снижаться.

Дзюба чувствовал, как пьянящее ликование раздирает ему грудную клетку, пытался сладить с ним, но не смог и заорал на всю силу легких:

— Живем, Вовка!

— Орех выбросили весь, образцы не трогали, я закрыл дверь.

Дзюба сразу отрезвел.

— Садись на место, а где штурман?

— Ждет команду.

— Зови его сюда.

Володя позвал, сел на свое место, положил руки на штурвал.

Санька молча, не отрывая глаз от приборов, протянул Сафонову открытую ладонь. Штурман так же молча пожал крепкую руку командира.

Снижение полностью не прекратилось самолет трясло, но Дзюба знал твердо, что перевал пройден: стрелка радиовысотомера упала на отметку 200 метров. Вдруг через треск и шумы в наушниках прорвался слабый голос Тани Гринько:

— Полсотни четыре шестнадцать, полсотни четыре шестнадцать, ответьте для связи.

Таня, наверное, долго называла этот позывной, голос был тусклый и усталый. Дзюба ответил. Таня услышала, голос оживился до визга:

— Полсотни четыре шестнадцать, доложите обстановку.

«Коза, — вздохнул Санька. — Обстановка тяжелая», — произнес он немного погодя, но не нажал кнопку передатчика. На мгновение закрыл глаза, потом доложил:

— Одолеl перевал в двенадцать сорок, прошу переход на командную связь.

Таня молчала, видимо, советовалась с диспетчером, потом снова зазвенело в эфире:

— Разрешаем переход на командную связь.

Дзюба переключился на УКВ, треск прекратился, стало непривычно тихо. За перевалом командная связь должна была работать нормально. Дзюба вызвал диспетчера зоны подхода и запросил снижение до высоты круга. «Подход» — голосом Погодина разрешил ему снижение. «Батя на вышке», — со смешанным чувством тревоги и радости подумал Дзюба и попросил второго пилота взять управление.

Михайлов установил снижение один метр в секунду, скорость увеличилась, тяжелая обледенелая машина приобрела устойчивость, дрожали расчалки, выплясывала перед глазами замысловатую кадриль приборная доска, трясло обледеневший винт, но машина уже не была беспомощной, в ней появилось что-то по-человечески упрямое, даже злое, казалось, что самолет рассекает, разбрасывает серую мглу в отместку за минуты отчаяния на перевале; в облаках появились разрывы, поблескивали лысые верхушки сопок, внизу была знакомая и родная земля.

Санька достал пилотское свидетельство, вынул из него фотографию дочки. Толстый карапуз в ползунках, с жидкими волосами на голове крепко держался за перильца деревянной кровати. Дочка таращила на Саньку круглые темные глазенки шестимесячного человечка, но Дзюбе казалось, что она все знает и понимает, — Санька мысленно разговаривал с ней, как со взрослой: «Ну что смотришь, Иришка? Трус твоей папка? Трус. Смерти испугался. Пижон и мелкий человечик. Заврался я, доченька. Да ведь люблю я вас: и тебя и маму Веру, люблю и все тут...» Саньке вдруг до боли захотелось прижать к себе карапуза: крепко-крепко... Он даже почувствовал запах теплого детского тела, услышал визг — радостный и счастливый. Закрыл глаза, пытаюсь представить жену... Мелькали обрывки пережитого в полете... Вспомнилась Галка... Дзюба плотно сжал ресницы, поморщился и даже скрипнул зубами. В сплошной темноте возникла белая острая верхушка перевала: она качнулась, раздвоилась на два белых зуба, — зубы разошлись в разные стороны, затем ринулись друг другу навстречу, пытаюсь смять белую точку посредине... и вдруг голос Веры тихо сказал: «Милый...» Санька улыбнулся и открыл глаза. Карапузик на фотографии гордо показывал миру два белых зубика, смешно торчали из-за толстеньких щек оттопыренные уши. Дзюба вглядывался в фотографию, будто впервые видел дочь. Засмеялся и проговорил вслух:

— А ты юмористка, Ирка...

— Что, командир? — наклонился к нему штурман.

— Ничего. Все нормально, старик, все в порядке.

Он быстро спрятал фотографию и пилотское, тряхнул штурвал, показывая второму, что пилотирует сам.

Самолет уже вышел из снегопада, впереди, рассекая на две части белую равнину, черной лентой стремился на запад Каа-Хем, соединялся с рассекающим горы Бий-Хемом и рождался величественный красавец Енисей. Там, за стрелкой, был аэропорт. Дом. На мгновение в разрыве облаков блеснуло солнце: и засияли, заискрились иголки снежной мороси. Долина улыбнулась тяжелому самолету, усталому экипажу, ринула в серый мир потоки света.

— Хорошо, — сказал Санька.

Штурман отбросил со лба прядь волос и улыбнулся.

Володя поднял голову вверх к солнышку и повторил за Санькой:

— Хорошо...

Посадка обледеневшего самолета дело сложное: возможен срыв потока и сваливание на плоскость, а это — авария. Командир решил сажать машину на скорости. Самолет низко пронесся над сухим, заросшим болотцем, почти касаясь лыжами высокой травы, приземлился у посадочного знака и лишь тогда Санька убрал газ и запросил у диспетчера разрешения зарулить на стоянку. Ему разрешили. Не ожидая техника, по старым следам командир зарулил на деревянный помост и выключил двигатель. В кабине установилась напряженная тишина. Экипаж не торопился покинуть машину. Санька откинулся на сиденье и устало закрыл глаза.

Посидел так несколько секунд, потом потрянул головой:

— Ну что заскучали, мужики?

Володя улыбнулся, штурман пожал плечами.

— Спасибо, ребята, — серьезно сказал

Санька и протянул руку Сафонову: — Как тебя зовут, штурман?

— Борис.

— Постой, Борис... Сафонов... Ты пишешь стихи? — Санька, удивленный своей догадкой, ощупывал бледное лицо штурмана цыганскими глазами, пытаясь найти в нем черты поэта.

— Иногда, — ответил штурман и смутился под Санькиным взглядом.

...Как снег во выжнюю пустыню
В письмо слетаются слова,
Толются, жмутся в тесной строчке
И гибнут росчерком пера...
Ну как вернуть для нашей дочки
Такое чудное — вчера?..

— Твои?

Сафонов кивнул головой.

— Спасибо, Борис. — Санька сильно сжал узкую ладонь штурмана.

Сафонов вытерпел это медвежье пожатие и даже не изменился в лице.

Светлана МИХАЙЛОВА

* * *
Мне тропинка узкая,
Мне и небо синее,
Хоть бываю грустная, —
Все равно я сильная!
Сладко или солоно —
Засмеюсь, как в радости.
Если я веселая,
Может быть, от слабости!
Быстрокрылой птицей
Я во сне летаю.
Раз такое снится,
Значит, молодая!
Спрячу все и выложу —
Разные возможности.
Если просто выгляжу,
Может, все от сложности!
Дни свои листаю,
Плачу или праздную.
Может я такая
Оттого, что разная!

* * *
Не стук монет, — а музыкальный звон,
Не куча тряпок, — а души богатство.
Не удивленья ждать со всех сторон,
А бесконечно миру удивляться!

* * *
Какой тяжелый взрослый взгляд!
Глаза больных детей таят —
Усталость, мудрость и упрек,
За то, что кто-то не помог.
По-детски беззащитный взгляд

У взрослых тех, что боль хранят —
От нанесенных в спину ран,
От слез невидимых и драм.

* * *
Мне все снится, снится,
Что я лечу к реке,
Свободная, как птица,
Рука в твоей руке.
И в жизни все возможно.
Приснись еще, приснись!
Рукою осторожно
К ладони прикоснись.
Не говори ни слова,
Смотри из темноты,
И я поверю снова,
Что где-то рядом — ты.

* * *
Как ты к моим вопросам глух,
Понять не можешь, что же дальше,
Но у любви отличный слух —
Она не переносит фальши.

* * *
Зимний день мне улыбнется:
«Как живешь ты!» — «Ничего».
Счастье в руки тем дается,
Кто не может без него.
Посмотри, а день прекрасный!
Будь немного посмелей!
Ты меня жалел напрасно,
Самого себя жалея.
Не всегда на небе тучи,
А дорога в стылой мгле...
Ах, какой прекрасный случай,
Что живу я на земле!

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

Когда во всю, что силы пруть
Из-за веселых туч —
Лишь стоит нам окно открыть —
Вбегают пыльный луч,
Когда дрожат, играя в нем,
Тревоги голубей,
Когда на свете день за днем
Все небо голубей,
Когда, тускнея, гаснет снег,
Когда запел ручей,
Когда ты бродишь, как во сне,
За криками грачей...

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Плывет садами бодрый запах гари.
Повсюду быстро тает белый пар.
Вот это да! Вот это, братцы, жарит
Сегодня солнце — рыжий кочегар!
Окутанный весны пьянящим дымом,
Шагаю я, не зная сам куда.
Отмыв лицо от старческого грима
Зимы, природа снова молода.
Весна! И связь с мирком своим ослабла.

Все люди подымают якоря.
Вот-вот и поплывут, туда, где из-за яблонь
Встает надежда, радугой горя.
Соломинки лучей с небес повисли.
Лежит, белея, облако-овца.
В который раз опять приходишь к мысли,
Что если мир хорош, то до конца.

ГРОЗА В КУЛУНДЕ

Какое огромное небо в степи!
Огромное, в жизни не видел такого.
До края его никогда не дойти,
Но ведь горизонт... нет, не то это слово.
Трах-тара-ра-рах! Разбежался раскат.
Вокруг фотовспышками небо светлеет.
О как ты просторна и как высока
Над степью ветвистая молний аллея!
Вся выжжена солнцем, вся бурим пятном,
Степь схвачена чуть сединою ковыльной.
Вдруг кисло запахло озоном кругом,
Польному запахло и мокрою пылью.
Распахана даль полосатым дождем.
Простор то затихает, то вихрем зевает.
Каракули молний еще и еще.
Пылай же, пылай, красота неземная!

Валентина ТИМОФЕЕВА

* * *

О чем вы задумались, сосны,
О том ли, что снег неглубок,
А зимушка будет морозной
И корни свернутся в клубок.
Распляшется бешеный ветер,
Закружит скупые снега,
Застонут промерзшие ветви
И замертво рухнут к ногам.
И мне призадуматься тоже
О многом судьбина велит...
Нам выстоять в схватке поможет
Могучая сила земли.
Во мне она — кровью по жилам,
В вас — соком корней до вершин.
Пока она с нами, мы живы,
Любить и работать спешим.

АННА

Ей говорили: ой ловка, Нюраха,
Все можешь: топором и молотком...
И продолжали удивленно ахать:
Тебе не бабой быть, а мужиком!
И отчего не тяжела ей ноша —

Тесать бревно и настилать полы!
Никто точнее балку не положит,
Никто так чисто не сведет углы.
Сильна, ловка, на выдумку богата,
Так терем сладит, что под стать богам!
И солнце в нем с зари и до заката
Гуляет по проструганным полам.
На все хватало этой дивной силы:
Срубить колодец, выкложить дымоход,
И народить двух дочерей и сына,
И проводить любимого в поход.
Но вражеская пуля в схватке грозной
Навлетел через грудь его прошла,
И, не теряя силы смертоносной,
Ей сердце страшной вестью обожгла.
Но ты так молода, сильна, ты сможешь,
Должна перед бедою устоять!..
Она смогла, как тысячи похожих,
Спасавших жизнь в великом званье—Мать.
Как прежде, говорят ей постоянно:
Тебе не бабой надо быть бы, Анна, —
Ведь столько одолела на веку...
Она в ответ легко махнет рукою
И улыбнется тихо: «Мол такое
Под силу не любому мужику...»

МОЕ УТРО

День у меня начинается просто:
 С горбатой поленницы снег отгребу,
 Поленья сучкастые застучат, как кости,
 Когда занесу их в простуженную избу.
 В кружку щербатую налью керосину,
 Пахнущего пряно, и зажгу.
 Захлебнуться поленья пламенем синим
 И, пока разгораются, я присесть могу.
 Поставить в духовку криволапые валенки,
 Заячью шапку сгрести с головы.
 И о чем-то задуматься, как весной
 на завалинке
 В окруженьи майской, хмельной травы.
 А жена засобирается идти за водою.
 Спросит, дужки ведер сжав в горсти:
 — Ты о чем задумался, голова бедовая,
 Ты о чем как будто бы загрузил!
 — Ах да ни о чем я, просто мерещится,
 Просто мысли рвутся, как тоненькая нить,
 Просто тают дни, как поленья в поленнице.
 Жалко понапрасну день обронить.

* * *

Оттаивают желтые одоңья.
 Темнеют причумышские поля.
 Их нынче, словно черные ладони,
 Под солнышко подставила земля.
 На них ручки прорезали морщины,
 Как на ладонях линии судьбы.
 А по бокам глубокие лощины
 Наполнены туманом голубым.
 Я выйду в степь, меня березка светлая
 Приветит, словно мать издадала.
 И чуб взерошит налетевший ветер,
 Как сильная отцовская рука.
 Мой добрый мир, — какие бы печали
 Порой на сердце камнем не легли, —
 Помогут людям все начать сначала
 Врачующие запахи земли.

* * *

Санний след мимо фермы пройдет
 белотропом
 И полозья морозную песню споют.
 Рано утром доярки на ферму протопают,
 Все стараясь ногами попасть в колею.
 И опять тишина, а потом над увалами
 Синевой первозданной забрезжит рассвет.
 А потом уже я в полушубке и валенках
 Протопчу по деревне размашистый след.
 А на ферме окончилась дойка и слышно
 Сепаратор в молочной надрывно гудит.

И дымок над сторожкой тонкий, как дышло,
 По наклонной в прозревшее небо глядит.
 Мы пройдем с бригадиром пустынной окраиной.
 Я спокойно скажу: «Затянулась зима,
 Быть большому бурану и надо б заранее
 Завезти на неделю коровам корма».
 А над колком туманным прорежется зорька,
 Словно голос подаст: «Кто такие вы, а-а-а!»
 И погаснет, и вдруг по-весеннему горько
 В застоявшихся копнах запахнет трава.
 Эти копны и сани, и белые крыши,
 Эта рыжая лошадь у старых ворот
 Все каким-то незримым спокойствием дышит
 И живет этим утром, и надеждой живет.
 Мы идем и бездумно врывается в душу
 Из-за белых увалов морозная синь.
 Жизнь приветствуя эту, с застрехи конюшни
 Восклицательным знаком сосулька висит.

ОБЩЕЖИТСК ИЕ СНЫ

Снова небо звездами расшило.
 Мирно город полонила ночь.
 И в моем обжитом общежитии
 Все студенты крепко спят давно.
 Что студентам снится в их недолгих,
 Крепких снах! Попробуй отгадай.
 Снятся зоотехникам надом,
 Снятся агрономам урожаем.
 Снятся робким удалая смелость,
 К смелым робость робко входит в сны.
 А голодным — мамыны пельмени,
 А влюбленным — тещины блины.
 Только я сижу и лоб морщину.
 Может, вовсе не такие сны!
 Снятся зоотехникам машины,
 Технарям — лихие скакуны.
 Спят студенты, замерли ресницы.
 Никакой их не тревожит шум.
 Мне не спится, ничего не снится.
 За столом сижу о снах пишу.

ЗАЛЕСОВО

А Залесово не за лесом —
 Окружили его леса.
 Опершись на лес, над Залесово
 Крышей выгнулись небеса.
 То синеющие, то розовые,
 То темнеющие в грозу.
 А в село забрели березы,
 Надоело им жить в лесу.
 Выйду вечером в синь морозную,
 Скрипнув дверью, вспугну тишину.

Я спрошу:

— Ты зачем, береза,
Подошла к моему окну!
Ты зачем кружева развесила,
Распустила свою красу!
Неужели тебе в Залесово

Веселее жить чем в лесу!
Не ответит, лишь вздрогнет ветками.
Я пройду вдоль уснувших дворов,
Где всю ночь носит тихий ветер
Терпкий запах березовых дров.

ДМИТРИЙ ШАРАБАРИН

В ГОРАХ

Здесь бьется речка Улала
В ущелье радужном и тесном.
В долину падает отвесно
Распахнутая тень орла.
Здесь дали звонки и чисты,
И звезды катятся под утро.
А вечность медленно и круто
На тропы смотрит с высоты.
Я крикнул — голос даль разбудит,
Где дымкой вьются облака,
И эхо, словно древний бубен,
Откликнется с далеких скал.

ВОДОПАД

Он бьется в пене и пыли,
Грызет уступы скал,
Все краски неба и земли
И голоса вобрал.
Он падает отвесно вниз
Весь в голубых огнях,
И держат радугу над ним
Два кедра наклонясь.
Когда он путь себе пробьет
В пологие места —
Тогда погаснет и умрет
Большая красота.

* * *

Как серебро река расплавлена,
Обкатывает валуны.
Тайга объята белым пламенем,
Холодным пламенем луны.
Мерцает влажных скал сечение,
И водопада слышен шум...
Частицу этого свечения
С тех пор в душе своей ношу.

ДЕТИ

Из глины строят этажи,
В солдат играют и водителей.
Изображают нашу жизнь,
Во всем копируют родителей.
Я прихожу с работы вечером,
У дочки пальчик прям и строг —
Вновь на учительском наречии
Преподает коту урок:
«Читай со мной, что отодвинулся!»
И мордой Васюку вдоль строки, —
Живут пингвины здесь, в Пингвинии,
А в этой тундре — тундряки». —
Ах, дети, как я вам завидую,
Ведь ничего ни стоит вам
Вдруг неожиданное выдумать, —
Неповторимые слова.

Измаил ЛАГРАНСКИЙ

ВСЯ ЖИЗНЬ

На завод Ислентьев приехал, как всегда, рано. Не спеша прошел по запорошенной снегом, еще не проснувшейся заводской улице к темнеющей за складом газобаллонов громаде цеха точного литья. Остановившись, несколько минут разглядывал выхваченную ярким лучом прожектора стройку. Сейчас строители заканчивают кладку третьего этажа. Только посвященные знают, что строительство так нужного цеху южного расширения едва не обернулось катастрофой. Траншеи под фундаменты были почти готовы, когда неожиданно навалились дожди. Мутная вода вплотную подступала к опорам корпуса, грозя размывать и обрушить. Что он тогда пережил! Ведь это он разработал планировку пристройки, добился, чтобы проектный институт побыстрее выполнил чертежи, а подрядчики начали строительство. И получалось так, что он один в ответе за все; специалисты предупреждали о возможных последствиях, но он упрямо настаивал на немедленном развертывании работ. Ислентьев тогда сутками не уходил с завода. В какой-то момент всем даже показалось, что массивные опоры заколебались и беда неминуема. Рабочие успели по чертежам Ислентьева сварить замысловатую металлоконструкцию и подвести под фундаменты...

В цехе уже начиналась первая смена. На модельном участке женщины-операторы, одетые в белые, чистые халаты, размеренными движениями опускали модельные блоки в ванны с сероватой обмазкой, а потом резко и красиво вешали на слегка покачивающиеся подставки. Пахло ацетоном. Ислентьев подошел к сложному переплетению конвейера автоматической линии для изготовления модельных блоков. Он мысленно уже разговаривал с Карнаковым, опытейшим конструктором отдела механизации и автоматизации, автором многих удачных проектов. Как доказать Карнакову, что плавность движения конвейера — непременное условие работы всей линии? В мыслях Ислентьев отпетиторованно убеждал, оспаривал, но в реальности разговор пошел совсем иначе. Карнаков уже ждал Ислентьева, напряженно всматриваясь в ниспадающий с решета пескосыла, словно водопад, желтоватый, плотный поток песка. Карнаков, показав рукой на пескосып, начал первым:

— Неплохо получается, Юрий Евгеньевич. У меня при проектировании были сомнения, но сейчас я вижу, что это единственно правильный вариант.

Он говорил, дружелюбно улыбаясь, с видимым удовольствием любясь вытянувшимся вверх механизмом. Ислентьев приготовился переклключить вни-

мание Карнакова на конвейер, как думал все это время, потребовать доработки проекта и причем в кратчайшие сроки. Он будет говорить без укоров и издевки. Но внезапно Ислентьев почувствовал, что не хочет и не может вести с Карнаковым такой разговор, что тот в силу определенных обстоятельств просто ничего не сделает. Он вдруг понял, что они сами, собственными силами попробуют переделать конвейер и тогда он выиграет время. Ислентьев как бы поднялся над собой прежним. Это была высота более глубокого понимания своего места в цехе, на заводе. К этому надо еще было привыкнуть. И, отбрасывая обиды на конструкторов, Ислентьев заговорил о самом главном, единственно важном — общем их деле, о интересной и трудной проблеме.

— Прерывистая работа конвейера мешает нам опробовать технологию. Будем делать единый механический вал с четырьмя приводами.

Карнаков промолчал, нервно пожав плечами.

— Получится, — как бы читая его мысли, сказал Ислентьев. — По крайней мере, хуже от этого не будет.

Он наслаждался удивлением Карнакова и тем, что наконец нашел решение так давно мучившего его вопроса...

После селекторного совещания, которое он проводит по утрам со старшими мастерами и руководителями служб, засел за составление плана технического развития цеха. Перебирая папки, наткнулся на одну старую, с выцветшими чернилами, датированную шестьдесят третьим годом. Осторожно раскрыл ее, полистал, перечитал написанный от руки график. Вдруг откинулся на стуле, по лицу пробежала легкая тень. Да, в том теперь уже далеком шестьдесят третьем его, выпускника политехнического института назначили заместителем начальнича цеха точного литья Алтайского моторного завода. Помнит, как родился этот документ — мероприятия по технике безопасности и промышленной санитарии на 1964 год...

...Цеховый комитет проходил бурно. Председатель цехкома говорил жестко и деловито:

— Сколько ни обращался к начальнику, зампотеху — ноль внимания. Кругом сквозняки, разбитые окна, оборудование в запущенном состоянии. Отсюда и заболевания, травмы.

Он негодующе посмотрел на Сергеева, Ислентьева.

— К нашему стыду цех стал неузнаваем.

Ислентьев сидел опустив голову. «Так вот каково зампотеху!» В груди все клокотало. Он на этой должности меньше месяца, а его обвиняют во всех

смертных грехах. «Это же несправедливо — так сразу избивать человека». Потом выступал представитель техники безопасности и главврач заводской поликлиники. Главврач была очень взволнована.

— Такого положения в цехе никогда не было, — говорила она трагическим голосом. — Профзаболевания, тяжелые травмы с многомесячными освобождениями...

Ислентьев порывался встать, что-то сказать, но сидевший рядом начальник цеха Сергеев, тихо сказал:

— Подожди, Юра, пусть выговорятся.

После цехома Ислентьев был мрачен и неразговорчив. «Нужна какая-то система», — думал он, возвращаясь домой, и позднее, когда наскоро поужинав, сел за письменный стол. Пересмотрел учебники по технике безопасности. Нет, все это не то. Здесь сама жизнь требует чего-то простого и надежного. Он вспомнил, как еще совсем недавно работал в этом же цехе мастером, старшим мастером. Много ли внимания уделял технике безопасности? Честно говоря, нет. Захлестывала текучка. Но вопросов-то много. Там нет ограждения на цепной передаче, здесь токарь в мастерской не пользуется защитными очками, калорифер гонит холодный воздух... А может быть, собрать хотя бы раз в неделю старших мастеров, механика, энергетика и пройти по участку? Записать все неполадки, наметить сроки устранения и жестко, настойчиво требовать исполнения? Тогда и все руководители среднего звена будут вынуждены за счет уплотнения рабочего времени заниматься техникой безопасности. Ислентьев понимал, что все это не так просто, что возможно, сразу встретит глухую оппозицию со стороны мастеров. Но что ему остается делать?

На следующий день Ислентьев собрал руководителей служб и участков — твердо расписать, кто чем займется, кто за что отвечает. Мастера скептически переглядывались, недоуменно пожимали плечами.

— Юрий Евгеньевич, к чему весь этот формализм — бумаги, журналы, отчеты? У нас своей работы хватает.

«А может, они правы? — подумал Ислентьев. — Все эти травмы, заболевания — случайная полоса. Ведь жили же до этого». Но в следующее мгновение он отбросил сомнения, твердо сказал:

— Всякое дело требует системного подхода, без четкой организации у нас с вами ничего не получится.

Ислентьев помолчал, словно давая присутствующим оценить сказанное. Да, он прав, тысячу раз прав. Не нужно бояться усложнять себе жизнь.

...Последующие годы показали, что Ислентьев был на верном пути. То, чего он добился в цехе в 1963—1964 годах, на заводе начали прививать лишь через четыре-пять лет.

А спустя несколько месяцев после злополучного заседания состоялся еще один расширенный цехком и опять с той же повесткой дня.

— Травматизм резко сократился, — говорил Ислентьев и в его голосе чувствовалось торжество. — Условия труда улучшились, в цехе стало теплее, светлее, поработали над модернизацией оборудования.

Все одобрительно слушали и у многих вертелась в голове одна и та же мысль: зампотех-то оказался с характером, сумел-таки переломить. На их глазах произошла эта метаморфоза с ячейками механика и энергетика, с производственными участками: исчезли простой, повысилось качество ремонта, все в цехе как-то подтянулось.

— Травматизм сократился, — подтвердила главврач, — а заболеваний по-прежнему много.

Ислентьев открыл папку, весело посмотрел на главврача.

— Я провел анализ: в декабре, январе, феврале у нас было всего по пять заболеваний, а в летние месяцы — по пятнадцать—двадцать. О чем это говорит, уважаемая медицина?

Присутствующие переглянулись.

— У меня таких данных нет, — покраснев, сказала главврач. — Я разберусь.

В середине шестидесятых годов события на Алтайском моторном заводе развивались стремительно. Только что освоили выпуск комбайновых двигателей, а на повестке дня встала уже во весь рост проблема серийного изготовления семейства тракторных двигателей. Пройдет немногим более пяти лет и завод получит прекрасные корпуса новых цехов, даже свой вечерний моторостроительный техникум, но тогда единственное, чем располагали моторостроители — приземистое, неприспособленное здание, в котором буквально на пятачке теснились цех точного литья. Не прекращаясь ни на один день, там шла напряженная работа по реконструкции.

Был выходной. Когда после двух Ислентьев появился в цехе, по непривычной тишине и хмурому виду заместителя начальника по производству Андрияшина он вдруг понял, что произошло что-то непоправимое.

— Все трое в серьезном положении, — не глядя на Ислентьева, тихо сказал Андрияшин. — Обрушилась металлоконструкция.

— Я же говорил, чтобы без меня не начинали! — вырвалось у Ислентьева.

Он тяжело опустился на стул. Ислентьев представил искаженные от боли лица монтажников, растерянность и застывшее в глазах удивление. Он же предупреждал их и Андрияшина тоже, чтобы без него не поднимали плиту. Что с ними сейчас? Ведь среди них сосед, друг детства. И нужно же было ему уйти на эти два часа! Как он будет смотреть в глаза матерей, жен? И меньше всего Ислентьев думал о том, что придется отвечать, может быть, нести судебную ответственность.

На следующий день все валилось из рук. Странно, но после бессонной ночи он не чувствовал никакой потребности в сне. Мысли все время были заняты воскресным происшествием. Когда появлялся в цехе, ловил сочувственные взгляды. К нему старались не обращаться даже с неотложными делами, и он был благодарен людям за эту чуткость. К концу дня стало известно, что на заводе готовится грозный приказ. Начальник цеха Сергеев не выдержал:

— Пойду разузнаю, в чем дело.

Вернулся он быстро.

— Читал проект приказа, — возбужденно заговорил он с порога кабинета. — Андрияшина снимают с работы. Остальным строгие выговоры.

— Как Андрияшина? — вырвалось у Ислентьева. — Я же зампотех! Не согласен!

— Начальству, говорят, виднее, — сказал Сергеев, помолчав, спросил:

— В больнице был?

Ислентьев кивнул головой.

— Положение по-прежнему серьезное.

Он все еще недоверчиво смотрел на начальника цеха. «Как же так? Это несправедливо! Почему виноват один Андрияшин? Может быть, они шадят мою молодость?»

— Пойду к главному, — сказал Ислентьев.

— Не делай глупостей, Юрий! — прикрикнул Сергеев.

— Не могу, Ананий Тарасович! Понимаете, не могу.

И опять он вспомнил воскресный день. Монтажники очень быстро закрепили поддерживающие балки. Им оставалось сварить плиту, опоры, пробить три отверстия в почти метровой стене и только после этого можно было начинать подъем плиты. Он все рассчитал. Перед уходом еще раз повторил монтажникам, чтобы занимались сварочными работами внизу и попросил Андрияшина проследить. Почему же тот дал себя уговорить? Видимо, это обстоятельство и повлияло на акценты приказа. И все-таки главный производитель работ — он, заместитель начальника по технической части. Ему и отвечать за все, по крайней мере, наравне с Андрияшиным.

В уютной приемной секретарь деловито звонила сразу по двум телефонам, приглашая на очередное совещание не то к директору, не то к главному инженеру. Ислентьев сделал несколько нерешительных шагов к двери главного.

— Вы куда, молодой человек? Он занят, — раздался повелительный голос секретаря.

Ислентьев смутился.

— Мне нужно... Я — Ислентьев из цеха точного литья. По поводу несчастного случая.

Она посмотрела с любопытством.

— Подождите. Он скоро освободится.

Ислентьев сел в глубокое кресло возле окна, прикрыв глаза, начал ждать. Когда-то давным-давно он был совсем маленьким, никаких тебе забот, никакой ответственности. Давным-давно. Тысяча лет назад... Нет, почему же никаких забот? Они были, он просто их не помнит, они всегда были, разные, большие и маленькие. А теперь, когда он стал взрослым, пришла пора отвечать и ему. Ислентьеву вдруг стало жалко себя. «Хватит, совсем расклевся. На кого ты похож? Сентиментальная барышня».

— Пройдите, — услышал Ислентьев голос секретаря. — Главный инженер вас ждет.

Ислентьев не раз бывал в этом кабинете. Видел главного и в часы огромного напряжения, когда решалась судьба завода, и на обычных совещаниях, на которых легко и остроумно координировал тот работу цехов и отделов, беззлобно подтрунивая над промахами и слабостями присутствующих, дельно советуя, как найти выход из создавшегося положения. Приходил сюда Ислентьев и тогда, когда в цехе началась реконструкция. Часто здесь перечеркивались все его смелые проекты. А он готовил новые обоснования и прорывался на очередной прием. Главный уже заприметил Ислентьева и даже начал ставить другим в пример его настойчивость.

— Проходите, — повторила секретарь.

Она улыбнулась молодой, беззаботной улыбкой. Чему она улыбалась? Знает ли она, какой груз, какая неимоверная ноша давит на плечи? Деревянными ногами прошел по ковровой дорожке к большому полированному столу. «Как ему все объяснить? Сможет ли понять?»

— Садитесь, — главный выжидательно посмотрел на Ислентьева.

— Я по поводу тех троих.

Главный молчал. Он продолжал смотреть на Ислентьева и в его взгляде чувствовался вопрос: все уже решено, чего ты бегаешь, досаждаешь, отрываешь от большого и нужного дела?

— Точнее, по поводу приказа, — неуверенно продолжил Ислентьев.

Главный нахмурился.

— Я не оправдываю Андрияшина, но считаю, что как зампотех ответственен за происходящее в цехе. Зазвонил телефон, главный переключил его на приемную.

— Вы рубите под собой сук, молодой человек, — начал главный. Он был поражен категоричностью суждений этого инженера. Ведь Ислентьев настаивает на том, чтобы его, как и Андрияшина, сняли с работы. А он думал, что романтики перевелись, уступив место сухим рационалистам. Видно, плохо он знает жизнь. Оказывается, человеку для счастья нужно нечто большее. Он уткнулся в планировку, автоматические линии, реконструкцию и за всем этим не видит человека. Что-то изменилось во взгляде, облик главного.

— Натворили, а теперь разыгрываете из себя жертвенников, — негромко сказал он. — Хватит одного Андрияшина.

Ислентьев в отчаянии воскликнул:

— Неужели вы не можете меня понять? Как я смогу после этого работать в цехе, на заводе?

«А ведь прав парень, тысячу раз прав. У него действительно щекотливое положение. Нашел бы я в себе мужество поступить так же?» — невольно подумал главный. Он долгим испытующим взглядом посмотрел на Ислентьева.

— Ну ладно, пусть будет по-вашему...

Ислентьев вышел из приемной, бросил невидящий взгляд на секретаря. Он был очень взволнован, на лице застыла какая-то счастливая улыбка.

Освоение новых мощностей, новых площадей... Огромная проблема. Даже для несведущего человека она не так проста. И если вспомнить последнее десятилетие Алтайского моторного завода, поражаешься трудовому подвигу строителей и эксплуатационников. По существу за эти годы он отстроился заново: освоил проектные мощности и перекрыл их чугунолитейный цех, на северной окраине вырос красавец — цех алюминиевого литья, сданы в эксплуатацию моторосборочный корпус и корпус вспомогательных цехов. В это же время был построен новый цех точного литья. И сразу на заводе разгорелись страсти. По генеральному проекту предусматривалось иметь два цеха точного литья. Однако уже было видно, что ввод мощностей идет с большим отставанием. Затягивались сроки поставок нестандартного оборудования, модельных автоматов, плавильных печей. Старый цех точного литья являлся в приземистом, тесном здании и без очередной реконструкции от него нечего было ожидать. А вести одновременно реконструкцию старого цеха и освоение мощностей в новом — задача непосильная даже для такого завода, как Алтайский моторный. Мнения о перспективе цехов разделились. Одни, к ним относились начальник нового цеха, главный металлург, считали, что целесообразнее иметь все-таки два цеха точного литья, полагая, что у завода будет больше маневра. А другие, это прежде всего Сергеев, Ислентьев, полагали, что в интересах дела следовало бы объединить оба цеха. Почему? Во-первых, из старого цеха началась массовая утечка кадров в новый. Это естественно. Новый цех — высокое светлое здание с лучшими условиями труда, с широкой механизацией ремонтных работ. Но самое главное, их привлекала возможность в короткие сроки создать мощный автоматизированный цех с выпуском 4000—4200 тонн годного литья в год. Неслыханная цифра! Интересная инженерная задача. И в выигрыше от этого будет только завод. Идею объединения поддерживал и новый директор завода Андрей Васильевич Чевтаев.

В кабинете главного металлурга Батурина собрались представители двух цехов. Ислентьев знал, как будет ставить вопрос начальник нового цеха Ситников. Он не сомневался, что Ситникова может поддержать и Батурин. Ислентьев встретился взглядом с Сергеевым, тот ободряюще улыбнулся: мол

мы должны выиграть это маленькое сражение. Кто будет выступать первым? Ислентьеву хотелось, чтобы вначале высказался Ситников, но обсуждение началось как-то само собой, после небольшого вступления Батурина. Поговорили о развитии точного литья в отрасли и на заводе. Говорили коротко, сжато о недочетах в работе, о совершенствовании технологии.

— Вообще-то иметь два цеха точного литья — позиция дальновидная. — Вскользь заметил главный металлург.

— И решающая многие проблемы на заводе, — добавил Ситников.

Ислентьев понял, что пришла пора вмешаться и ему в разговор.

— Может быть, мысль и неплохая, но сегодня — ошибочная.

Когда заговорил о слиянии двух цехов, увидел удивленные, даже насмешливые лица.

— Старый цех ютится на непригодных площадях, у него нет будущего. Новый цех — неизвестно когда выдаст первую плавку.

— А вы поможете, — сказал Батурин, прищурившись.

— И все равно, это может произойти не раньше, чем через полтора-два года.

Поднялся невообразимый шум. Все разом о чем-то заговорили, заспорили. Наконец, перекрывая всех, Батурин спросил:

— Значит, вы за один цех точного литья?

— Да, — твердо сказал Ислентьев. — И тогда уже к концу девятой пятилетки мы сможем выйти на четыре тысячи тонн в год. Ислентьев говорил свободно, не боясь нажать недругов. Он видел, как после его слов помрачнел Ситников, как бросил недобрый взгляд механик нового цеха. Ислентьев говорил, делая упор на организованность старого цеха, хорошие кадры рабочих, слесарей, электриков, способных в кратчайшие сроки освоить новый цех, переделывать нестандартное оборудование, к стати спроектированное и изготовленное крайне неудачно. Когда Ислентьев закончил, все долго сидели молча. Заговорил Ситников. Все знали об отношении начальника нового цеха к идее объединения. Ислентьев внутренне сжался, насторожился.

— Не могу согласиться с Юрием Евгеньевичем. Те трудности, о которых он говорит, преодолимы. А завод, в конечном счете, получит мощности на шесть тысяч тонн.

Он говорил о большой работе, которую проделал коллектив нового цеха. Да, действительно, подготовка производства отстает по многим позициям, но главное — построено здание цеха, электрические подстанции, сложился костяк специалистов. Каждую фразу Ситников взвешивал, на память привел массу цифр. Выступление понравилось многим.

Ислентьев давно знал Ситникова, ценил в нем ум, настойчивость, глубокие знания. И все же в интересах дела нужно было отстаивать истину.

— Павел Петрович, когда вы сможете дать две тысячи тонн? — неожиданно спросил Ислентьев.

Ситников растерялся. Что он мог ответить, если неизвестно, когда станкозаводы изготовят модельные автоматы, плавильные печи. Вопрос Ислентьева застал его врасплох. Он ответил бы на тысячу других вопросов, но на этот бессилён ответить даже главный металлург министерства.

— Не знаю, — выдавил Ситников.

Ислентьев подался вперед.

— Вот мои расчеты. При имеющемся на заводе оборудовании объединенный цех даст четыре тысячи в 1975 году.

Последние слова Ислентьева привели главного

металлурга в замешательство. Действительно, он все время держал на прицеле проектные мощности обоих цехов, а когда они могут быть достигнуты в реально сложившейся обстановке? Об этом он как-то не подумал.

— Ислентьев, пожалуй, прав, — сказал Батурин совершенно неожиданно. — Ведь получается парадокс. Из-за ограниченности площадей мы не можем развивать старый цех и вместе с тем новый цех не даст нам необходимого прироста по годам. Я начинаю склоняться к точке зрения Ислентьева.

Ситников хотел было что-то сказать, но вдруг понял, что спорить бессмысленно. Он не подготовился к этому разговору, у него нет тех аргументов, которые оказались у Ислентьева. И быть их не может. Теперь трудно судить, почему так получилось. Наверное, упустил что-то важное, был не так требователен к ОКСу, плохо согласовывал сроки со станкозаводами. Его уже больше никто не поддержит после дотошных ислентьевских расчетов. Да и нужно ли поддерживать, если от этого пострадает дело. Ситников глухо сказал:

— Я был все время настроен против объединения и был не прав. Теперь я вижу: чем быстрее старый цех переедет на новые площади, тем лучше.

Последующие годы показали, что Ислентьев не ошибся. Сейчас цех точного литья — самый крупный в отрасли, имеет лучшие показатели, а выпуск годного литья в семьдесят пятом году превысил 4000 тонн.

Стоял пасмурный, осенний день. Наверное, впервые после переезда в новый корпус Ислентьев смог выбраться с работы вовремя. Еще в начале недели собрался за грибами. И вот наконец проселочная дорога, которая тянется вдоль озера и теряется где-то вдаль, за небольшой деревушкой. Ислентьев любит осень, первые опавшие листья, придающие лесу сразу вдруг настроение, скорбный вид. Хорошо побродить под тихим, мелким дождем по сырой, набухшей земле.

— Кажется, приехали, — прервав какое-то торжественное молчание, внезапно сказал Фролов.

— Ну что ж, давайте попытаем счастья здесь, — весело сказал Ислентьев, открывая дверцу и высовывая голову под моросящий дождь. — Ничего страшного, ребята, вылезайте!

Сначала шли вместе. Ислентьев наткнулся на две сиротливые сыроежки, но больше ничего не попалось. Он отклонился влево. Шел, переключаясь с остальными, любящий пушистыми елями, поблескивающими в лучах выглянувшего солнца. Внезапно подумал: столько времени проводим на заводе, а в цехе такая серость. Нужно пригласить срочно художника, чтобы разработал интерьеры кабинетов, красного уголка, мастерских. Вдруг наступил на едва заметную припухлость. Наклонился, раздвинул траву, на него глянул груздь. «Вот Инночка обрадуется», — с нежностью подумал он о дочери. Потом увидел луково притаившиеся маслята. Осторожно срезал, понюхал. Грибы издавали пряный, ни с чем не сравнимый запах. Когда-то с ним уже было так. Он отчетливо помнит и этот запах, и чувство простора, внезапно охватившее его, и почти те же самые мысли. Ислентьев огляделся, крикнул во всю мощь легких:

— Эге-ге-ге!

Эхо разнесло по лесу крик, на который где-то вдаль ответили. Ислентьев повернул назад. Дождь усиливался. Он застегнул плащ и ускорил шаги. Минут через пятнадцать достиг обочины дороги, машина стояла недалеко.

— Ну как, грибки, успехи? — крикнул Ислентьев издалека.

— Плохо, Юрий Евгеньевич, Сергеева потеряли.

— Чего же вы растерялись? Давайте искать.

Бросились в лес. Шли молча, время от времени останавливались, кричали, но ничего кроме нудного осеннего дождя не различали в ответ. Лес будто проглотил Сергеева. Потоки воды, низвергаемые с низкого, мрачного, без единого просвета неба, промочили уже насквозь. Стало холодно. Быстро надвигались сумерки. Ислентьев побегал, пробуя согреться, но зацепился за какую-то кочку, упал, больно ударившись коленом. Встал тяжело дыша.

— Да, обстановочка, — невесело усмехнулся он.

— Может быть, немного обогреемся? — нерешительно предложил Дмитриев.

— Нет, еще поищем.

Ислентьев вдруг представил, что Сергеев так же, как и он несколько минут назад, оступился, повредил ногу и лежит где-нибудь или бредет по этому холодному лесу из последних сил. Ислентьев вспомнил его невысокую, худощавую, очень подвижную фигуру и ему стало безотчетно жалко Сергеева, захотелось немедленно отыскать, спасти его. В лесу сделалось совсем темно. Еще с полчаса побродили, покричали в сырую, безответную мглу.

— Пойдемте к машине, — мрачно сказал Ислентьев.

— Немного согреемся.

Машину отыскали с трудом. Дмитриев негнушится пальцами вставил ключ зажигания, двигатель привычно заурчал, давая людям желанное тепло. Отогревшись и проехав с километр, снова вышли из машины. Шел двенадцатый час ночи. Ислентьев понимал, что если начальник жив, то наверняка не сидел на месте и выбрался к одной из окрестных деревень. Ну а если все-таки жив и лежит не в силах сдвинуться или вообще без сознания. От этой мысли Ислентьеву стало жарко. Он остановился, прислонившись к сосне. Внезапно почувствовал острую боль в ушибленном колене. Прихрамывая пошел дальше. Ислентьев вдруг подумал, что Сергеев, как неопытный грибок, мог выбраться из леса и, не подумав, что его будут искать, уехал домой. «Это похоже на Тарасыча». Нет, Ислентьев ни на минуту не сомневался, что Сергеев искренний и самоотверженный товарищ. Но по неопытности он мог так поступить, не зная законов леса.

— Здесь можно откуда-нибудь позвонить? — неожиданно спросил Ислентьев.

— Деревня недалеко, — ответил Фролов, — там, кажется, есть переговорный пункт.

С трудом добрались до села, разбудили сторожа, кое-как растолковали, что хотят позвонить в Барнаул. Но очень скоро Ислентьев понял, что затея это безумная. Районный центр молчал и угасала надежда что-нибудь узнать о Сергееве.

— Отправляйтесь в город, — твердо сказал Ислентьев. — Езжайте прямо к Сергееву, а я останусь здесь.

Фролов и Дмитриев молча пошли к машине. Они полностью полагались сейчас на Ислентьева. У них даже не возникло сомнений в том, что он чем-то не прав. Надсадно ревя мотором, машина быстро исчезла за поворотом, сопровождаемая лаем проснувшихся собак.

Ислентьев снова пошел в лес. Далеко от села он решил не отходить. Дождь уже прекратился. Было сыро и прохладно. Он попробовал закурить, но сигареты и спички отсырели. Он чертыхнулся. Снова принялся кричать. Лес молчал, не желая выдавать своих тайн. Захотелось спать, ныла ушибленная нога. Можно было пойти в деревню и немного отдохнуть, например, на переговорном пункте. Но Ислентьев

упрямо продолжал бродить по лесу. Уже под утро услышал еле различимый шум... Что это? Быстро зашагал, почти побежал, забыв про саднящую ногу. Крик повторился, но уже ближе. «Он, Тарасыч, кричит». Сердце радостно забилось.

— Тарасыч! — закричал Ислентьев. — Я здесь!

На лесной поляне живой и невредимый стоял Сергеев. Обнялись. Когда разобрались, оказалось, что Сергеев ушел далеко вправо, долго бродил, пока не наткнулся на каких-то автотуристов. Они и подвезли его к этому селу, название которого он к счастью запомнил...

Всякий раз, когда Ислентьев оказывался на модельном участке, опускал глаза. Ему было стыдно смотреть на этих женщин со вздувшимися на ногах прожилками, все семь часов спящих среди пескочипов, ванн для обмывки и нестерпимо резкого запаха ацетона. Ведь что-то можно сделать для них. Нужно только все осмыслить как следует. Удалось же автоматизировать выплавку модельных блоков, используя совершенно неожиданный принцип ломающейся подвески. Сколько было сомнений, раздумий? Вот и здесь, вроде бы ясно, что операции по многократной обмывке и обсыпке можно решить на подвесном, ценном конвейере. Считал, чертил схемы — протяженность требуется большая, свыше тысячи метров. Иначе ничего не получится. А где взять площади?

Но сейчас Ислентьев не чувствовал такой давящей безысходности. Он зашел на участок, чтобы проверить одну догадку. Вчера вечером ходил с женой в кино. Фильм показался Ислентьеву скучным, он часто отвлекался, но вдруг внимание привлекла сцена, в которой опустошенный герой поднимается по крутой винтовой лестнице, чтобы свести счеты с жизнью. «Это же как раз то, что мне нужно, — подумал он внезапно, — подвески с блоками могут спокойно путешествовать вверх и вниз по винтовой линии, как эта лестница. Почему я раньше не догадался до этого?»

И вот сдерживая волнение он шел по участку, заглянул под самый потолок. Высоко! Кстати, система подачи песка сохранится. Все получается здорово. После обеда пригласил технологов из отдела главного металлурга, конструкторов из отдела автоматизации и механизации, механика и энергетика. Коротко рассказал о трудностях участка, вглядываясь в напряженные лица. Потом как-то незаметно перешел к конструктивным особенностям автоматической линии.

— В принципе, это обычный конвейер, только отличающийся длиной, со встраиваемыми обмывочными агрегатами и прочим оборудованием. Подвески делаем вращающимися.

— Юрий Евгеньевич, не кажется ли вам, что все это сложно и нероботоспособно? Кругом песок, подшпикники будут быстро выходить из строя. — Конструктор говорил, эффектно налегая на свою компетентность. — Мы все это можем сделать, но боюсь — сработаем в корзину.

Ислентьев недоуменно пожал плечами.

— Почему же сразу в корзину?

Конструкторы, как всегда, немного трусят. Это естественно: им додумывать все до мелочей и отвечать в случае неудачи. Но что скрывается за молчанием металлургов? Раздражение, обида, что и здесь оказался дальновидней? Ислентьев выжидающе посмотрел на начальника бюро.

— Затраты слишком большие, — как бы поняв, что отмалчиваться дальше бессмысленно, начал тот. — Да и замысловато получается.

И тут Ислентьев не выдержал, взорвался. Он говорил резко и смело о том, что отделы зарубили много хороших идей, что промахнулись при согласовании проекта нового цеха точного литья, что и сейчас все идет к тому, чтобы спустить на тормозах важный этап реконструкции. Слушая Ислентьева, конструктор невольно проникался уважением к его заботам, мыслям. Ему даже стало как-то неловко от того, что вместо дельного совета, участия в обсуждении пытался увидеть в предложении только негативные стороны. Голос Ислентьева дрожал от возбуждения. Он говорил о тяжелом труде, о женщинах со вздувшимися венами на ногах. И еще он говорил о нравственном прогрессе, который становится одним из главных показателей всестороннего развития личности. А что может он предложить людям сегодня? В механизации и автоматизации видит он главный смысл своей работы в цехе. Ислентьев замолчал. Он еще хотел сказать о том, что заводские службы очень плохо работают на перспективу, плохо помогают цехам в решении оперативных вопросов, но нашел в себе силы остановиться. Это было бы уже слишком и очень обидно, потому что отделы все-таки старались в меру своих сил.

Будто очнувшись, конструктор неожиданно сказал:

— Хорошо, отбросим взаимные претензии. Через неделю мы сможем взяться за проект. Это вас устраивает?

Ислентьев кивнул головой. Конечно, что его устраивало. Он ожидал, что разговор так ничем и не окончится и придется обращаться к главному инженеру. Он смог убедить этих упрямцев-конструкторов. Это же почти победа!

Ислентьев был доволен. Сегодня у него получалось все удивительно легко. Вечером поужинав, поволновался на хоккейном матче, переданном из Канады, взялся за фотографии — давнюю и непроходящую страсть. Далеко за полночь, собираясь спать, невольно задумался, как причудливо складываются человеческие судьбы. Хотел стать военным моряком — не стал. Умер отец, не рискнул оставить мать одну в тот тяжелый год. Поступил в политехнический институт. И здесь судьба, можно сказать, улыбнулась — стал литейщиком. Завтра снова на завод. Сколько проработает он еще в этом цехе? Десять, двадцать лет? Или всю жизнь?

АЛТАЙСКИЕ ЗАГАДКИ

Вечер в деревне. Дневные заботы Нижней Талды закончились. Жители собрались в доме дедушки Дьядана. Их любопытство вызвано нами, фольклористами сектора народного творчества Горно-Алтайского института истории, языка и литературы. Мы собираем старые и новые загадки родного народа и теперь хотим сами быть свидетелями, как идет «игра в загадки».

И вот перед нами, под ярким светом электрической лампочки, сидит, так сказать, «главный загадочник» дед Дьядан. Острым взглядом он останавливается на каждом из собравшихся: на детях и взрослых. Медленно гладит седую бороду коричневыми, как корни дерева, пальцами. Хитро прищуривается и весело говорит:

— Начнем с тебя, Ялку. Запомните, дети, — он опять смотрит на каждого из сидящих. Мы понимаем, что для него и взрослые — дети. Значит, это относится и к нам. А дедушка Дьядан поднимает указательный палец. — Тут нельзя торопиться. Конь о четырех ногах и то спотыкается. Главное, надо сметливость, дети, догадливость»...

— Ясно, дедушка Дьядан, начали, ждем! — кричит Ялку.

— Сядь подальше, на твое место сяду я... Что это будет, Ялку?

Тишина. Напряженно думает девочка-пятиклассница Ялку. Все смотрят на нее и тоже думают. Кто-то не выдерживает и кричит:

— Дедушка Дьядан, я отгадал, я скажу! — кричит Ялку.

Старик отрицательно качает головой.

Ялку спрашивает:

— То, о чем вы загадали, где находится: в доме или во дворе?

— Ишь какая, — улыбается дедушка Дьядан. — Ладно, помогу. Это находится во дворе. Эй, шептаться нельзя, пусть Ялку сама думает. А если не отгадает, то я продам ее слабоумному старику Дьяру...

Загадка загадывается не ради забавы. Она преследует цель — выявить смекаливость, сообразительность человека. Загадка развивает ум, помогает познать окружающую природу, ибо весь алтайский фольклор связан с бытом народа, с его утварью, характером людей, повадками животных.

— Значит, Ялку, ты не смогла отгадать мою первую загадку? — мягко улыбается дедушка Дьядан. — Мы это отметим. А кто отгадает, кто покажет свой ум?

— Я, дедушка Дьядан!..

— Дедушка Дьядан, я вперед руку поднял!..

— Если так, то сперва послушаем Янарчи. — Старик своей бородежкой кивает в сторону черноголового мальчишка, который давно не может сидеть спокойно и вертится, как юла.

— Это, должно быть, дедушка Дьядан, вы и Ялку, — убежденно тараторит Янарчи. — Ведь вы же сказали: «Сядь подальше, на твое место сяду я!»

Все смеются:

— Но ведь то, что загадано дедушкой Дьядан, находится во дворе, а не в доме.

— Ох, Янарчи, Янарчи, — говорит дед. — Ты норовил быть первым, а оказался «быстрее травы листочком»... За это тебя надо «продать» самой ленивой старухе или какой-нибудь сплетнице...

Мальчик чуть не плачет, но дедушка Дьядан и не думает успокаивать его, а продолжает:

— Кто скажет правильно?. Кто хочет отличиться умом и догадливостью? — Его веселые глаза скользят по лицам сидящих мальчиков и девочек.

— А взрослым можно? — робко подает голос одна из доярок, мать Ялку.

— Загадка задана всем. Коль твоя дочка не отгадала, то помоги ей, Сырга, — говорит Дьядан и тут же предупреждает о том, что она отгадывает за себя, а не за Ялку. Таким образом, Ялку не миновать «продажи» слабоумному старику Дьяру.

— Это копыта идущей скотины, — говорит мать Ялку. — Они друг другу говорят: «Сядь подальше, на твое место сяду я».

— Правильно! — кричит дедушка и думает над следующей загадкой.

Старик Дьядан, конечно, специально не собирал загадок. Он жил и работал, как все алтайцы, среди древних гор и долин, кочевал с зимнего стойбища на летнее, в детстве вот так же слушал и запоминал загадки, пословицы, поговорки, сказки и эпические сказания о борьбе богатырей за лучшую долю, участвуя в разных «играх» и «вечерах». Он прожил большую жизнь. Ему сегодня за девяносто. Целая память алтайского горца, как мы убедились сами, сохранила и донесла до наших дней много прекрасных загадок из глубин народной мудрости. Все, что нам довелось услышать и записать от него, было очень красочно, ярко, поистине поэтично и жизненно.

Мы сидели допоздна, слушая загадки дедушки Дьядана из Нижней Талды, силясь отгадать их. Они были разные и порой очень трудны. Например, о появлении на свет жеребенка, которого особенно любят и лелеют алтайцы, он сказал: «Раскрылась золотая дверь, золотой раскинулся шелк». Еще одна,

нам кажется, не менее поэтичная загадка о закате солнца: «Когда настало время, я за гору перебросил красную чашку».

Много загадок, пословиц, поговорок у нашего народа, связанных с луной, солнцем, радугой, звездами. Например: «Овцы мои исчезли, остался один кругорогий баран». (Звезды и месяц.)

Все это интересно и поэтично. О горных косулях в одной из загадок, услышанных нами у дедушки Дьядана, вот как говорится: «Бегут девчата-красавицы в белых бусах вверх по южному склону горы». Тут должно быть всем ясно, особенно когда отгадана загадка, что белые кружочки, — пестрота на спинах тонконогих косуль сравнивается с «белыми бусами». И каждому, чтобы отгадать, дойти до сути таких загадок, надо хорошо знать животный мир алтайских гор, склад мышления алтайца. Или вот другая, не менее красочная загадка о белой отметине на хвосте дикой косули: «Мчатся парни, приторчив белую талимбу».

У нашего народа очень много своеобразных загадок, связанных с повседневным бытом, трудом и хозяйством. Продолжая мысль, хочется еще раз сказать, что все загадки бьют в одну точку — учить человека быть внимательным, острым на глаз.

Вот сидит дедушка Дьядан, окруженный замляками, и продолжает испытывать их умы, ведя своеобразный экзамен на знание жизни своего народа.

— Тетушка Денделой сидя пополнела, — улыбается он. — Отгадайте, дети, что это такое?

— Это веретено с пряжей!

Отгадано. Всем весело, настроение игривое.

— На поле чистом гусь играет, за крылья держась, я играю.

Опять задумались. Что же это?

Да это же пахарь с плугом на весенней пашне! Чтоб представить эту картину, надо только на минутку прикрыть глаза. Труд человеку во все времена был необходим. Он, этот нелегкий труд пахаря, так опоэтизирован и так поднят над повседневностью!

— Эй, — кричит вдруг дедушка Дьядан, и его старческие глаза светятся огоньком молодости, словно он что-то увидел удивительное. — Посмотрите, к скале прилепились летучие мыши!

— Где?! — не на шутку удивлены мальчишки и девчонки. Притворно вытаращили глаза и старшие, словно на самом деле в доме дедушки Дьядана возникла скала и на ней летучие мыши.

— Да это ваши уши, дети! — говорит дедушка Дьядан и веселит всех.

Но вот он опять становится строгим. К нему сейчас не подступиться. Дедушка снова хочет привести своих детей в задумчивость и загадать им не менее интересную загадку: «На том месте, где лежала красная косуля, трава не растет». Огонь. «Выше лошади, ниже барана»... Да это, оказывается, седло. Оно действительно выше лошади, когда находитесь на ее спине, и ниже барана, когда лежит на земле.

Идут годы, десятилетия, проходят века, а с ними вместе, как алтайцы говорят, «за луки седла держась», кочуют и загадки, пословицы, поговорки, сказания, древняя мудрость древнего народа. Надо сказать, что они непросто с нами вместе шагают по жизни, но и обновляются, изменяются, углубляются, приобретают при этом новую окраску и облик, наполняются новыми смыслами нагрузками.

Загадок у дедушки Дьядана очень много. Их слушать и записывать, как говорят у нас, семь дней и семь ночей.

Таких знатоков загадок мы встречали не только в Нижней Талде, но и в Куладе, Каярлыке, Ело и

в других селах Онгудайского аймака. Мы можем их найти и в далеком Кош-Агаче, Улагане, у жителей Усть-Кана, Усть-Коксы, на пастушеских стоянках и на уроках родного языка школ области.

Эта своеобразная игра в загадки увенчивается интересно — «продажей» неотгадавшего самое большое количество загадок. «Продают» не кому-нибудь, а самому старому мужчине или самой старой женщине с каким-нибудь недостатком: умственным дефектом, уродливостью, отличающихся ленью.

Наверное, теперь наступила пора послушать дедушку Дьядана о том, как он «продает» неудачницу Ялку.

— Эй, — выкрикивает дедушка Дьядан, глядя поверх голов всех присутствующих, как бы ища кого-то, и вот он будто заметил кого искал и опять оглашает: — Эй, старик Дьара, что тебе надо: для воротника красную лисицу или возьмешь краснощекую Ялку, которая не смогла отгадать шесть загадок?

— Зачем мне красная лисица, дряхлому старику, — отвечает Дьара, постукивая своим кривым посохом. — Возьму-ка я лучше краснощекую Ялку, не сумеешь отгадать твоих загадок.

— Зачем тебе Ялку? — нарочно спрашивает Дьядан, — лучше возьми-ка красную лисицу на воротник для шубы.

— Нет, — отрицательно качает головой дряхлый старик Дьара, — мне нужна краснощекая Ялку. Из ее головы я сделаю новый котел, из ушей ее будет как раз две держалки для вытаскивания из огня горячего котла, глазницы ее будут две красивые пилы, брови ее пушистые станут щетками для чистки казана...

Пока идет «продажа» вы сами, наверное, догадываетесь, что по красным щекам Ялку бегут слезы. Тут кроме голоса загадочника Дьядана и «покупателя» Дьара могут там и тут вспыхивать смешки и подсказки окружающих.

Можете представить, в каком неловком положении оказалась наша Ялку в этой игре.

И вот на следующий раз Ялку или другой кто, участвуя в таких играх, непременно постарается отгадать больше загадок.

«На загадках учатся понимать мир, — замечает М. А. Рыбникова, — цикл загадок, в некоторой «стадии культуры, это курс мировидения». «Игра в загадки», хотим мы этого или не хотим, сама по себе говорит о том, что в ней заложена «начальная форма» домашней школы — узнать необъятный мир, научиться читать «книгу природы».*

Где истоки загадок? Откуда и какими путями пришли они к нам, в наш мир?

Происхождение загадок ученые связывают с условной речью древних. Как известно, по представлению первобытных людей, окружающие их даже неживые предметы жили своей особой осмысленной жизнью. Чтобы скрыть свои действия и намерения по отношению к животным, на которых охотятся, к природе и явлениям ее, древние люди придумывали условные, подставные слова к названиям орудий лова, охоты, промысловых зверей, птиц, а позднее — домашних животных. До сих пор сохранились у алтайцев подставные названия даже дикорастущим растениям, корнями которых раньше питались.

Есть легенда, живущая веками:
На вершинах гор не говори,
Не кричи. Будь молчалив, как камень,
Не сердь хозяина горы...

* М. А. Рыбникова. Загадки. Академия. 1932, стр. 6

Вот как использовал древнее поверье в своем стихотворении «Хозяин гор» алтайский поэт Сазон Суразаков.

Позелитель всех зверей Алтая,
Дедушка медведь!
Разве чем прогневал вас когда я,
Дедушка медведь?*

Как видно из примера, народ даже медведя на «Вы» называет, почитая и обожествляя его.

Вашу голову большую
На живой огонь кладу я —
Пусть насытится батюшка-огонь!
(Разрядка моя — К. Е. У.)
Вашу голову большую,
Вашу голову святую
Я не перешагивал отнюдь!

Подобных примеров можно привести сколько угодно. Например, того же медведя—айу—у нас почтительно называют «Мадялаем», «Большим Ерёкёном», охотники и пастухи волка—бёру—предпочитают именовать «Синим Тайгылом», «Коокоем», «Длиннохвостым». Такие же «запреты» относятся и к другим зверям, предметам домашнего и охотничьего обихода. Например, и сегодня некоторые старые алтайки вместо слова молоко говорят «белое».

Это, конечно, не полный перечень тех условных названий, которыми богат наш фольклор, но даже из приведенных нескольких примеров можно сделать вывод, что именно в условной речи наших далеких предков прячутся первоначальные функции народной загадки.

Вот Елэнгир — главный герой алтайской народной сказки — едет в горы на охоту со своим сыном. Кони, уставшие на подъеме, шагают тихо. В высоких травах утопают всадники. Над головой синий шелк бесконечного неба. Солнце в зените, а путь еще далек.

Елэнгир встрепенулся, словно отгоняя сон и что-то вспомнив, подмигнул одним глазом сыну.

— Сынок, — обращается он с хитровой улыбкой. — На гриве коня зажги огонь...

Сын недоумевает, растерянно смотрит на отца. Елэнгир, словно ничего и не случилось, обычным, будничным голосом опять же настаивает:

— Я же сказал тебе, разве ты ослушался, сынок? Зажги на гриве коня огонь.

Сын достает кремень и ударяет о кресало, чтобы разжечь огонь и опалить гриву своего коня.

Отец огорчен, но прячет свой гнев.

Проходит немного времени. Елэнгир, как старый беркут, сидящий на скале, опять встрепенулся, испытующим взглядом смотрит на юношу, тем же спокойным голосом предлагает:

— Сынок, укороти дорогу...

Сын слез с коня, снял притороченный топор и деловито стал рубить дорогу поперек.

Елэнгир, не говоря ни слова, плеткой ударил сына по спине. Сын отскочил и удивленно смотрит на отца. Но гневом торят глаза бывшего охотника, лицо стало багровым.

— Дурачок, — говорит, — садись на коня, поехали, — опять же не объясняя смысл своего задания, старик продолжает путь.

...Вечер. Елэнгир с сыном сидят у охотничьего шалаша.

Отец притащил к месту стоянки только что добытую косулю. Пора готовить ужин.

— Сынок, — обращается опять Елэнгир. — Теперь не на гриве, а гривой коня разожги огонь, да в деревянном котле приготовь еду...

Сын, отрезав пучок из гривы коня, стал разводять костер. На все это отец смотрит молча и презрительно. Костер не разжигается.

Охотники через несколько дней вернулись домой. Но сын Елэнгира задумчив и невесел, хотя с гор они прибыли с богатой добычей.

О том, что случилось в пути и у охотничьего шалаша, узнает сноха Елэнгира. Как во многих алтайских сказках, тайну и тут разрешает женщина, и объясняет мужу, как поступить в следующий раз, когда отец вздумает повторить то же самое.

Так и случилось.

— Сынок, — обращается Елэнгир в другой раз.

— На гриве коня зажги огонь.

На этот раз, к удивлению и радости Елэнгира, сын кресалом высекает огонь.

— Прикури, отец.

Продолжается путь охотников. Отец, выпуская из своей трубки голубой дым, весело улыбается.

— Сынок, — говорит Елэнгир, — укороти дорогу...

Юноша, прищипнув своего коня, стремительно выезжает вперед...

— Молодец! — кричит отец и тоже припускает своего скакуна, чтобы «укоротить дорогу» и скорее добраться до места охоты.

Вечер. Зажглись над горами яркие звезды. Отец и сын с предвкушением тепла и сытой еды, подъезжают к своему шалашу. Опять с добытой горной косулей.

Сынок, — обращается Елэнгир, как и прежде, — не на гриве коня, а гривой его разожги костер, да в деревянном котле приготовь еду...

Юноша из-под седельной подушки деловито, как бывалый таежник, достает сухой хворост, легко и быстро высекает яркие искры из своего кресала, и пламя весело разгорается у охотничьего шалаша.

— Ты наконец-то, сынок, разгадал тайну моей речи, — одобрительно говорит охотник Елэнгир. — Всегда прислушивайся и винкай в смысл родного языка. Учись, сынок, быть настоящим охотником!

— Подожди, отец, — говорит юноша, — я еще не все выполнил. Теперь остается мне «в деревянном котле приготовить еду». — Тут юноша из охотничьего шалаша достает заранее приготовленную пикобразную палочку с острым кондом и на нее нанизывает печеный косули, чтобы приготовить шашлык.

«Ескюс-Уул» — «Юноша-Сирота» — одно из самых популярных в народе сказаний, которое сотрудники Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка и литературы записали у выдающегося кайчи-сказителя А. Г. Калкина.

В сказании есть такое место. Караты-Каан (Хан-Караты), узнав, что бедный рыбак Ескюс-Уул женился на красавице Алтын-Кюсюк, что у него вместо травяного шалаша теперь золотой дворец, сгорая от зависти, едет убедиться в этом. Тут-то и начинается, на наш взгляд, очень интересное «сопоставление загадочной» — кто умнее и кто кого перехитрит:

Через желтые пустыни,
Куда белая сорока не долетит,
Рысью скачущий мой конь Вороной
Сколько следов оставил в пути?

— Можешь ли подсчитать, красавица? — ехидно кричит Караты-Каан, подъезжая к золотому дворцу Алтын-Кюсюк и Ескюс-Уул. Но не тут-то было! Мудрую Алтын-Кюсюк не так легко перехитрить. Она быстро берет свою шестигранную иголку и, начиная вышивать девятиугольный каменный ковер, задает злему хану такой вопрос:

* С. Суразаков. «Есть такой народ». Сб. стихов. Горно-Алтайск, 1975.

Пока вы от Золотой двери до верхнего почетного угла дошли, сколько раз я туда-сюда втыкала шестигранной иглой в девятиугольный каменный ковер, можете ли ответить, царь?

Караты-Каан, разумеется, не мог дать ответ на вопрос-загадку Алтын-Кюсю, тем самым признав нерешимость и своего коварного вопроса.

Среди алтайского народа с давних времен сохранились легенды, рассказывающие о подвигах богатырей Ойрот-Хана, Амыр-Саны, Шуны и других. Возьмем отрывок из алтайской легенды о богатыре Шуны.

...В легенде говорится, что отец Шуны Кан-Тайчи имел еще сына, которого звали Калдан. У Шуны была жена — красавица Карагыс, в которую влюбился его брат Калдан и захотел ее отнять. Оскорбленный богатырь Шуны пригласил двенадцать верных помощников и отправился «разгуляться по хребтам священного Алтая». Отъехав далеко от своей юрты, Шуны поведал друзьям свое горе, при этом натянул свой лук и в виде насмешки пустил стрелу в юрту брата. Стрела вонзилась в дверь. Конечно, тот узнал, кому принадлежит стрела, и пожаловался отцу.

Рассерженный Кан-Тайчи призвал к себе Шуны и приказал вырезать из его тела лопаточные кости, а вместо них вставить собачьи лопатки и засадить его в подземелье глубиной 70 сажен.

Никто не знал, куда пропал любимец народа, только один старик — слуга Кан-Тайчи, входящий в дом хана, знал, в чем дело. Он сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет кормил и поил узника-богатыря.

Отец Шуны — Кан-Тайчи был славен и могуч, ему покорялись многие соседние ханы. Но один из них — Черный-Калмык — узнав, что не стало мудрого Шуны, присылает к Кан-Тайчи совершенно похожих двух птиц, из которых одна была сорока, другая ворона.

Кан-Тайчи должен был отличить одну птицу от другой. А условие такое: если Кан-Тайчи правильно отгадает птиц, то Кара-Калмык будет ему платить дань по-прежнему, а если нет, — перестанет. Кан-Тайчи запечалился. Прибегает на помощь ему тот старик-слуга. Он, принося пищу Шуну, рассказывает ему о горе отца и тут же получает ответ на загадку.

— Велика ли эта мудрость, — говорит богатырь Шуны, — чтобы отличить сороку от вороны. Ты посоветуй моему отцу: пусть поставит шест, а близ него навес. И когда настанет ненастное время, выпустит обеих птиц. Сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает.

Птицы, разумеется, разгаданы, и Кара-Калмык остается данником Кан-Тайчи. Но на этом «дипломатический разговор» не прекращается. Черный-Калмык присылает железный лук, чтобы Кан-Тайчи натянул его. Условие спора остается прежним — получить Кан-Тайчи богатую дань или нет.

Никто не мог натянуть железный лук.

Вытаскивают несчастного богатыря Шуны из подземелья. Он оброс мхом, плечи зажили, только не мог он взглянуть на белый свет. Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком, поставить на место богатырские плечи и нарядить. Шуну долго лежал на земле вниз лицом и медленно в его тело входили сила и жизнь. Все ждали выздоровления своего богатыря.

— Неси, родитель, лук, — сказал Шуны-богатырь.

Тридцать человек кое-как притащили ему лук. Он заложил тетиву мизинцем, и лук легко согнулся.

Короче говоря, победа остается за Кан-Тайчи. Та-

ким образом, хан ханом остался, данник — данником.

На Алтае немало легенд и загадок, свидетельствующих о путях развития фантазии и человеческого разума.

Говоря о дипломатических переговорах путем загадок, можно сослаться на труды нашего соседа, исследователя бурятской афористической поэзии М. П. Хамаганова и многих других. Кстати, тут надо отметить и тот факт, что многие легенды, сказки, загадки и другие жанры богатейшего фольклора восточных народов и схожи по композиционно-сюжетному построению, по отдельным деталям, именами героев, даже тогда, когда языки этих народов разделяются на разные группы. Тут многое, наверное, зависит от общности уклада жизни и территориальной близости. Например, у монголоязычных бурят, называется, есть та же самая легенда о богатыре Шуны и об его отце. Только можно заметить, что у бурятского исследователя не Шуны-батыр, а Шоно-батыр, Кара-Калмык — Аржа-Буржа.

Языковые схожести или несхожести фольклора — предмет не нашей темы, поэтому продолжим путь за загадками. Посмотрим дальше и поинтересуемся: куда нас они приведут.

* * *

Яркое, синее, чаши круглей —
Что ж это будет, скажи, Актан-Тас?
Золото в юрте, в алтарном углу —
Что ж это будет, скажи Актан-Тас?
Тонкой, искусной иголки стройней —
Кто ж это будет, скажи, Актан-Тас?
Ночи над юртой черней и темней —
Что ж это будет, скажи, Актан-Тас? —

так спрашивает и поет Талын-Кыс — девушка-красавица, которая влюблена в Актан-Таса.

Зная народный обычай, мы понимаем смысл этой песни и заложенных в ней загадок — парень должен правильно отгадать их и от этого зависит дальнейшая судьба влюбленных. Иными словами, девушка испытывает своего возлюбленного: умен ли он, сообразителен ли?.. Ведь не только от сердца, но и от того, какова голова на плечах, зависит счастье семейного очага.

И вот Актан-Тас отвечает на эти вопросы-загадки песней-отгадкой:

Яркое, синее, чаши круглей —
Ясное небо над милой моей.
Золото в юрте, в алтарном углу —
Солнце на небе, над милой моей.

Тоньше, искусней, чем игла —
Не ты ли сама, Талын-Кыс?
Ночи над юртой черней и темней —
Не коса ли твоя, Талын-Кыс?

Следы загадок в бесчисленном множестве можно встретить в свадебных и любовных песнях народа.

Алтайское сватовство бывает разным: девушку можно сватать и через музыку.

Тот, кто приехал сватать девушку, может звуками комуса, топшура рассказывать ей и о роде-племени, достоинстве, мужестве, красоте того, кто будет ее мужем. Словом, алтайская свадьба, как народный праздник радости и веселья, состоит из начальной таинственности и загадочности, присущей вообще поэзии.

«Мы совершили воровство», — и теперь говорят у нас сваты, хотя их дети, как говорится, сами нашли друг друга.

И сегодня у нас поются те же песни, что пели и прежде.

Спустившись, птица-ястреб
с вершины черной горы
просит доброго зерна.
Булькая черным ташауром,
мы пришли просить огонь.

(Подстрочник)

И в этой песне сватов мы найдем интересную загадку. Например, ястреб-птица — сын их, который «просит доброго зерна», т. е. руки их дочери, просить «огонь» — радость, счастье совместного очага, продолжение человеческого рода.

Загадки народного фольклора приняты на вооружение современными поэтами Горного Алтая. «Свадебную речь» алтайцев можно найти в произведениях таких известных поэтов-сибиряков, как Илья Мухачев, Иван Ерошин и других.

Сходит снег, и реки лед ломают,
в лес веселый прилетают птицы,
гнезда выют и думают о детях.
Не пора ли и тебе подумать,
дочь моя, о муже и о детях?
Юности всегда пристойна песня,
старикам и детям — сказки,
красоте — богатство и наряды*.

Так говорит старая Оюньчи, приехавшая сватать Каракось — девушку из бедной семьи за богатого. На это предложение свахи Каракось отвечает опять же загадкой, в которой ощущается отказ:

Я спросить бы, я узнать хотела:
в дружбе ли щука
с мелкой рыбой,
а с утенком ястреб?..

* И. Ерошин. «Песни Алтая». Алтайское кн. изд-во, Барнаул.

Алтайских загадок довольно много в поэзии Ивана Ерошина. «Солнце — жаркий мой костер», «Кедры наши — сумрак ущелья», «Кедры наши — мех соболиный», «Летний вечер, ты — черный медведь», «Тонкая луна — коготь орла» — в этих и многих других уподоблениях русского поэта, хорошо знающего наш фольклор, к тому же всем сердцем влюбленного в алтайские горы, в особый уклад жизни нашего народа, мы находим и ощущаем запах родной поэзии, звуки родного языка, загадочность и красоту большой поэзии. Его стихотворение «Высокая гора» почти полностью состоит из своеобразных загадок: «Высокая мысль — поющая птица на ветке», «Высокая мысль — родник на пустынной дороге».

Границы загадок и связи их с другими жанрами фольклора обширны. Они встречаются не только в народной песне, сказке, эпосе, легенде, но и в пословице и поговорке. Эти жанры очень близки друг другу. Их иногда даже трудно и отличить. Нередко мы сталкиваемся с загадками, по смыслу похожими на пословицы и на поговорки.

Близость и тесный контакт этих жанров в свое время отмечал Владимир Иванович Даль: «...Но и загадки иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим», — писал он.

Действительно, что же объединяет загадки и пословицы?

Прежде всего образность, ритмичность и точность слога. Кроме всех этих качеств, в основе пословиц таится глубокий, тайный смысл.

В богатейшем арсенале алтайских загадок мы можем найти немало и таких, которые, утратив свои назначения, стали употребляться как поговорки.

Жанры фольклора, как подземные корни, сплелись, живут и действуют сегодня, дополняя друг друга, помогая и поддерживая самих себя.

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА

АЛТАЙ—ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ

Откуда пошло название «Алтай»? Ответ на этот вопрос не из легких. Он интересовал и древних исследователей — Плиния и Птолемея. На их авторитет ссылался известный русский географ В. Н. Татищев, который в свое время пытался обнаружить достоверное происхождение слова «Алтай», когда писал свой ученый труд «Общее географическое описание всея Сибири». В его книге читаем: «От реки Оби к западу между Сибирью и зюнгорскими калмыками (т. е. джунгарами) разделяют горы, которые от Оби до реки Иртыша калмыки именуют Алтай, оное значит шестигорье, другие сказывают — шестимесячные».

И что любопытно, Татищев склонен был верить последнему определению. Вероятно, в этом утверждении он как раз и придерживался мнения древних географов: «Плиний и Птоломей уже слышали, якобы за этими горами народ шесть месяцев спит». И далее Татищев поясняет, что зима в здешних краях, суровых и неприступных, длится полгода. И местные племена вынуждены все это время не работать.

Однако вряд ли такое толкование бесспорно. Пожалуй, вернее другое определение, которое считают истинным немало ученых. «Шестигорье» — по-тюркски «Алтытау» — точно выражает основной рельеф Алтайской горной системы, которая состоит из шести главных хребтов. Но, оказывается, и с этим выводом многие историки не могут согласиться. Сейчас стали придерживаться другого мнения. Алтай наречен был, всего вероятнее, по-алтайски — «Алтын Тау», что означает золотые горы.

Что касается реки Обь, то и в объяснении ее наименования также бытуют разные суждения. Ну, скажем, самое простое и, сразу же оговоримся, не совсем убедительное. Поскольку могучая сибирская река образует свой исток от слияния двух рек — Бии и Катунь, то и название ее Обь, что по-русски означает «обе». Но сторонники этой гипотезы, видимо, не учитывают одной важной детали: русские еще и не думали не гадали о том, что Обь берет начало от двух рек, а название это уже было в обиходе. Пожалуй, на этот раз больше основания согласиться с Татищевым.

В 1744 году он писал: «Сие имя Обь есть остяцкое и значит Великая».

Да только ли эти названия причастны к далекой истории нашего края. Взять, к примеру, Солтон. Слово это, а позже и район, получили такое имя при довольно случайных обстоятельствах. Рассказывают, что давным-давно, как только стал зарождаться город Бийск, купцы повезли свои товары в самые глу-

хие таежные места. И вот однажды они подрядили сопровождать обоз кумандинцев (кумандинцы — этнографическая группа алтайцев, населявших в те времена здешние места). Дело было поздней холодной осенью, и каждый из них оделся в длинную шубу. И вдруг поперек пути — речка. Как перебраться на ту сторону в таком одеянии, никто не знал. Тогда один кумандинец предложил: «Сол тон!», что по-русски равнозначно было команде: «Снимай шубы!» Так с той поры речку стали величать Солтон. И одновременно селение, которое вскоре появилось в тех местах.

Вряд ли кто задумывался и над другим, ставшим распространенным в наши дни географическим понятием — Кулунда. Оно осмысливается и как обширная степная зона Алтая, и как административный район с рабочим поселком Кулунда. А места эти называли так казахи несколько веков назад и, вероятно, потому, что когда-то здесь шумели ковыли вперемежку с разнотравьем, по которому бродили стада куланов — диких ослов, по-казахски — куландов.

...Любопытное и увлекательное это дело — изучать происхождение названий сел, рек и городов. Оно помогает глубже познавать историю края, его прошлое и прекрасное настоящее.

„ЭДЕЛЬВЕЙСЫ“ ТЕРЯЮТ ВЫСОТУ

Погожим сентябрьским днем, когда над белоснежными вершинами Кавказа светило яркое солнышко, чабан Мурадин Кочкаров из колхоза «Знамя коммунизма» пошел по склону горы Кара-Кая — он искал овец, отбившихся от отары. И не думал не гадал, что найдет совсем другое, то, что позже приоткроет еще одну славную и мужественную страничку великой битвы минувшей войны. На поверхности Марухского ледника чабан увидел останки советских воинов...

К месту печальной находки выехала специальная комиссия Краснодарского крайисполкома. И выяснилось: в здешних горных краях, меж теснин и ущелий сражалась группа войск — защитников Кавказа.

...Лето 1942 года. Фашистские генералы бросили к Главному Кавказскому хребту отборную горнострелковую дивизию с романтическим названием «Эдельвейс» (горный цветок), но далеко не с романтической целью — околными путем выйти к Кавказскому побережью Черного моря и дальше через Баку к нефтеносному Каспию. Этот план, вероятно, вынашивался заблаговременно, перед военной кампанией против СССР. Многие солдаты «Эдель-

вейса» были первоклассными альпинистами, они совершали восхождения на самые высокие пики Европы.

И вот теперь дело обернулось совсем не так, как замыслили «Эдельвейсы» — наши части оказались крепче гранитных утесов. Командующий Закавказским фронтом генерал В. И. Тюленев со временем вспомнит:

«Сраженья на перевале Главного Кавказского хребта изобиловали множеством героических эпизодов, составляющих своеобразную картину Кавказской битвы, совершенно не похожую на ту, что имела место на других фронтах Великой Отечественной войны. Тысячи героев совершили в заоблачных высотах Кавказа выдающиеся подвиги, а многие там оставили свою жизнь».

Особо трудно сложилась обстановка к августу. Егеря «Эдельвейса» захватили Клухорский перевал и рвались к Сухуми. Нужно было обходным маневром с Марухского перевала выбить их оттуда. Трудность еще состояла в том, что и сам Марухский перевал нужно было надежно укрепить. А сил не хватало. Тогда оборону его на всякий непредвиденный случай поручили небольшому сводному отряду, в котором командовал взводом наш земляк из села Никольского Бийского района лейтенант Иван Дутлов.

Двадцать шестого августа отряд окружили егеря. Началась изнурительная осада. Четверо суток в ледяном высокогорье без еды, по летнему одетый, без горного снаряжения отряд отбивал яростные атаки. Самыми тяжкими обернулись третьи сутки, о чем свидетельствует запись в журнале боевых действий:

«В связи с резким похолоданием в районе ледников положение стало невыносимым. Люди без шинелей, в пилотках. Плащ-палатки не у всех. 27 августа была последняя дача мяса в сыром виде, которое не на чем было сварить. Хлеба, сухарей нет...»

И все же осажденные защитники перевала выстояли. Они прорвали вражеское кольцо. Но бои не утихали. «Эдельвейсы» по-прежнему ожесточенно штурмовали высоты. И лейтенант Иван Дутлов вел свой взвод туда, где свинцовые трассы огня были плотнее, где нужны были особое мужество и стойкость, чтобы остановить неприятеля.

Но, видно, не суждено было нашему земляку-герою дожить до победы. В неравном бою он погиб. Погиб коммунистом. В левом кармане его гимнастерки нашли бережно сложенный вчетверо листок — фронтовое заявление, написанное перед тем смертным боем: «Желаю сражаться коммунистом. Звание коммуниста оправдаю. Лейтенант Дутлов».

Вот о чем напомнил нам Марухский ледник у Кара-Кая в один из погожих сентябрьских дней 1962 года. Напомнил хотя эпизодический, но яркий и волнующий момент из героической истории сражений за Кавказ в те тяжелые годы войны.

„АНОНС! СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!..“

Там, где сейчас расположен вагоноремонтный завод, когда-то были железнодорожные мастерские, а рядом — ипподром, огороженный плотным забором. Место это потом надолго запомнили барнаульцы. И послужило тому событие, которое случилось в августе 1913 года.

...Газеты, афиши, слухи отпечатанные листовки оповещали: «Анонс! Спешите видеть! Только одна гастроль! Человек будет летать в воздухе! Захватывающие трюки!»

А к тому времени, пока барнаульцы изумленно

глядели на афиши и верили не верили в достоверность предстоящего события, из Новониколаевска (так именовали тогда Новосибирск) вверх по Оби отправился пароход с необыкновенным грузом. На его борту, разобранный по частям и крепко задранный брезентом, покоился двухместный самолет. Владелцем его был летчик Васильев.

Пароход еще не пришвартовался к Барнаульской пристани, а у билетных касс уже собрались желающие посмотреть «воздушную гастроль».

Но далеко не все имели возможность побывать на зрелище. Простой рабочий люд, средний недельный заработок которого не превышал рубля, такой роскоши себе позволить не мог — входной билет стоил полтинник, а тот, кто желал посидеть в кабине аэроплана, платил пять рублей. Поэтому большая часть зрителей довольствовалась бесплатным местом — на развесистых березах.

Наконец настал ожидаемый момент. Аэроплан выринул на старт... и заглох. Потом опять застрекотал — и опять заглох. И только с третьей попытки самолет неуклюже запрыгал по неровному полю, медленно оторвался от земли, чуть-чуть не зацепив хвостовым оперением забор ипподрома, и под восторженные крики стал набирать высоту. Но тут же, развернувшись над рекой, неуклюже сел.

На следующий день самолет разобрали и на лошадах доставили на пристань, а оттуда пароходом — в Бийск.

Прошло десять лет — и в барнаульском небе появился первый советский самолет. На этот раз не для увеселения публики. У него была другая цель. На нем прилетели пропагандисты и агитаторы для разъяснения населению политики партии и правительства. Потому и название его было соответственное: агитсамолет «Сибревком».

Но это, как говорится, дела давно минувших дней. В наше время Алтай связан многими воздушными линиями, по которым курсируют современные лайнеры.

А если говорить о некоторых других деталях развития воздухоплавания на Алтае, то небезынтересно отметить и такой факт: перед войной Барнаульский аэроклуб, открывшийся в 1935 году, всего за пять лет подготовил не одну сотню летчиков-спортсменов, из которых многие стали прославленными мастерами боя. И среди них дважды Герой Советского Союза Павел Артемьевич Плотников, а всего — двадцать летчиков-асов, грудь которых за смелость и отвагу украсила Золотая Звезда Героя.

„В БАРНАУЛЕ Я ПРОБЫЛ СУТКИ...“

Известно, что Ф. М. Достоевский за участие в революционном кружке петрашевцев был приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой с поселением. Отбыв заключение в Омском каторжном остроге, Ф. М. Достоевский был определен рядовым в Сибирский линейный полк в Семипалатинске. Лишь после смерти Николая I по ходатайству героя Севастопольской обороны Э. И. Тотлебена ему был пожалован офицерский чин. Перед этим Ф. М. Достоевский настоятельно просил, чтобы его перевели на военную или статскую службу в Барнаул. Об этом свидетельствуют письма писателя, написанные им в разное время в Петербург своему юристу А. Врангелю, которые к тому же любопытны еще и тем, что дают хотя краткую, но яркую характеристику тогдашним Барнаулу и Змеиногорску.

13 апреля 1856 года Ф. М. Достоевский писал: «...Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу ИМЕННО

В БАРНАУЛ (выделено Ф. М. Достоевским — ред.), то, ради бога, не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфортом (генерал-губернатор Сибири — ред.), то, ради бога, поговорите, а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и похлопочите о моем переводе в Барнаул. Это самый БЛИЗКИЙ и самый ВЕРНЫЙ для меня шаг».

21 июля 1856 года: «...Если действительно есть надежда произвести меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтобы в Барнаул».

21 декабря 1856 года: «Я ездил в Барнаул и Кузнецк... о барнаульских я не пишу вам. Я с ними со многими познакомился. Хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных талейранов! В Барнауле я пробыл сутки и отправился в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле».

22 сентября 1859 года: «...Поговорим о старом, когда было так хорошо, о Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, о милейших — Змеиногореве и Барнауле, где я после вас бывал довольно часто...»

Последняя строчка письма из Твери, где поначалу после Сибири поселился писатель, дает основания полагать, что посещал Барнаул он не только проездом в Кузнецк — дважды, о чем упоминается в письмах 1856 года, но и в другое время. Думается, этот факт заинтересует краеведов, как и многое другое. Например, пребывание на Алтае замечательного русского писателя Вячеслава Шишкова, когда, возглавляя в 1910 году экспедицию, он вел изыскательские работы на трассе будущего Чуйского тракта. Можно уверенно сказать, что немало в этот период его деятельности осталось неизвестным. Или взять такой, тоже небезыңтересный факт. В годы гражданской войны на Алтае жил и выполнял партийную работу, ставший позже знаменитым своими уральскими сказками, П. Бажов.

Мало кому известно, что в доме № 44 на барнаульской улице 8-й Алтайской жил с семьей Алексей Силыч Новиков-Прибой — автор знаменитой «Цусимы». А случилось это так.

...Весна 1918 года. Из Москвы на Алтай отправились поезда, груженные мануфактурой, которую нужно было обменять на хлеб для красной столицы. Начальником прототряда назначили А. Новикова-Прибоя, а его жену — Марию Львовну — заведующей хозяйством одного из поездов. Вместе с ними поехал на Алтай и сын Максима Горького — Максим Алексеевич Пешков.

Но перед самым отъездом из Барнаула случилось непредвиденное. Поезд, на котором был А. Новиков-Прибой, отправился первым. Но как только второй поезд, в котором ехала его жена, отошел от станции, белогвардейцы перехватили железную дорогу. Так Мария Львовна осталась в Барнауле с маленьким сыном.

Новиков-Прибой, вернувшись в столицу, сильно затревожился — даже не знал, жива ли семья. И, когда А. В. Луначарский направлял бригады художников и писателей в Сибирь для культурно-просветительной работы, Алексей Силыч попросился в Барнаул. Здесь он прожил с семьей до 1920 года. Здесь же вместе с алтайскими поэтами и прозаиками, которые часто посещали его дом, он решил создать издательство «Сибирский рассвет» и выпускать журнал с таким же названием.

Когда в нем впервые печаталась повесть «Море зовет», написанная Новиковым-Прибоем в Барнауле. Жили на Алтае и другие, ставшие потом известными, писатели: Вилис Ляцис, Анна Караваева, Глеб Пушкарев, Михаил Бубеннов, Ефим Пермитин.

Это случилось в начале 1942-го на Волховском фронте. Взвод разведчиков вел неравный бой с засевшими в дзотах гитлеровцами. Уже кончались боеприпасы и, казалось, исход длившейся несколько часов схватки предрешен не в пользу наших бойцов. А это означало, что шквальный неприятельский огонь нанесет непоправимый урон всему взводу, а потом и подразделениям, занявшим оборону на важном участке фронта. И тогда трое разведчиков — двое наших земляков Л. Черемнов, А. Краснов из Кытмановского района и кемеровчанин И. Герасименко вступили в единоборство, о котором затем узнала вся страна — они закрыли своими телами огневые точки. 14 февраля 1942 года газета «Красная звезда» писала: «У них не было ни гранат, ни пулеметов, но были горячие сердца большевиков, и своими телами, как броней, они укрыли товарищей». Вскоре поэт Николай Тихонов посвятил героям «Балладу о трех коммунистах». В ней есть такие строчки:

И снег врагами
выстелен —
и видит дзоты взвод.
И называет
доблестных страны
родной сынов:
Герасименко, Краснов,
Леонтий Черемнов!
Темны их лица,
строгие, как
древняя резьба.
Снежинки же
немногие
застыли на губах.
Простые люди
русские стоят
у стен седых.
И щели дзотов узкие
закрыты грудью их.

Кто бывал в Кандалаксе, тот, вероятно, обратил внимание на памятник, установленный на центральной площади в честь героя-пограничника, а на реках Мурманской области — на красавец теплоход «Спек»». Это дань уважения и глубокого признания нашему земляку — бийчанину Александру Васильевичу Спеку, который отличился в бою против белофинов. Окруженный врагами, он не сдался, подорвав себя и их последней гранатой. Это ему, Герою Советского Союза, отважному пограничнику, «который умеет и смерть побеждать», посвятил стихотворение советский поэт Александр Безыменский.

В Военно-историческом музее артиллерии в Ленинграде выставлен необычный экспонат — миномет № 0199 братьев Шумовых — Александра, Василия, Луки, Ивана, Авксентия, Семена, приехавших защищать город на Неве из Бийского района в самые тяжелые дни блокады. «Их 120-миллиметровый миномет, — писал в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, — можно было увидеть на самых опасных участках. Не зная устали, не щадя жизни, громили сибирские богатыри ненавистных фашистских захватчиков...»

А если ползастать произведения поэта А. Прокофьева, то в поэме «Россия» также можно найти вдохновенные строки, посвященные братьям-героям Шумовым.

Если кому-нибудь доведется почитать поэму «Тринадцать» известного поэта, лауреата Государственной премии Алексея Недогонова, то небезыңтересно знать, что написана она на достоверном материале,

в основу которого положен один из эпизодов Сталинградского сражения, когда горстка солдат под командованием лейтенанта И. С. Ликунова — всего лишь тринадцать человек — более суток сражалась в трех домиках на окраине станции Красновка, осажденных превосходящим во много раз противником. Редко число бойцов. Теперь их было только трое — сибиряк Ликунов, ленинградец Немировский, уралец Полухин. Но и они истекали кровью. И тогда перед смертью, собравшись с силами, Немировский красным от крови бинтом начал писать на стене слово «смерть». Но не дописал. Это сделал Ликунов, но и ему не удалось закончить фразу. Фашисты снова пошли на приступ, и он приник к окну, огнем отражая их натиск.

Тогда, забыв
о тяжелой муке,
К стене подполз
Полухин вдруг.
Брал трижды жгут
кровавый в руки
И трижды выпускал
из рук.
Потом, собравши силы
вместе,
Где слово «смерть»,
на месте том,
«Фашизму» яркой
краской мести
Кровавым написал
жгутом.

Все тринадцать ушли в бессмертие. И среди них Иван Сергеевич Ликунов, именем которого теперь названа одна из улиц села Вознесенки Родинского района. Увековечена память о нем и в поэме «Тринадцать», где строчки, посвященные храброму командире, нельзя читать без волнения:

Горят дома. Дым, словно
горе, горек,
Гудят огни,
сводящие с ума...
Когда-нибудь седеющий
историк
Напишет о тринадцати
тома.
Напишет он, как
Ликунов, сгорая,
Свой автомат, как брата,
целовал...

Напишет. Непременно напишет. И не только о тринадцати. О всех поименно, кому мы обязаны жизнью.

ИМЕННЫЙ ЗЕМЛЯК

Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Ромм, Александров, Пырьев... Эти имена хорошо известны кинозрителю. Их фильмы по праву занимают почетное место в истории советского кино. И до сих пор не сходят с экранов кинотеатров, наших и зарубежных. Коль речь зашла об Иване Александровиче Пырьеве, то надобно заметить, что он и другой известный кинорежиссер Г. В. Александров являются зачинателями, а точнее классиками советской кинокомедии. Но о подробностях потом. Поначалу о жизни кинорежиссера.

...Старожилы города Камня-на-Оби, наверное, еще не забыли тех мест на берегу сибирской реки, где стояли деревянные лабазы купцов Второвых и Винокуровых; грузчиков, шедших по узким дощатым сходам с мешками пшеницы на согнутых спинах; и женщины, лопативших зерно, сгруженное с купеческих пароходов. Здесь, на берегу, и прошло детство смышленного парнишки, которого попросту, на сибирский манер, называли Ваньшей.

Позже Иван Александрович будет не раз помнить добрым словом своего деда Осипа, у которого жил. Он трех лет от роду лишился отца, мужчины приметного на всю округу недюжинной силой, песенным талантом и виртуозной игрой на гармошке. Не раз И. А. Пырьев, уже будучи маститым киномастером, вспомнит о своем житье-бытье, когда он ушел от деда в далекий город Томск — там он работал поваренком, потом «мальчиком» в колбасной лавке, продавцом газет. А когда началась первая империалистическая война, пристал паренек к Сибирскому полку, отправлявшемуся на фронт. Паренек, удалой плясун и песенник, по душе пришелся солдатам. И не всякий умел так лихо — сказала дедова выучка — проскакать верхом на коне, как Ваня Пырьев. Потому и определили его в конную разведку. А вскоре он за храбрость и смекалку получил высшую солдатскую награду — Георгиевский крест. Было ему тогда пятнадцать лет.

Осенью 17-го юного солдата ранило. По выписке из лазарета он поехал домой, на Алтай, но в ту пору добраться ему удалось лишь до Екатеринбурга — в Сибири начался контрреволюционный мятеж. И стал русский солдат Иван Пырьев красноармейцем...

Сложным был путь И. А. Пырьева и в киноискусстве. Учился в театральной студии. Потом в Москве — в студии Пролеткульта. Работал актером, инструктором драмкружков. В 1929 году вышла его первая кинокартина «Посторонняя женщина», потом более зрелая — «Партийный билет» и, наконец, окончательно определившая его творческий стиль — «Богатая невеста». Но, пожалуй, самым популярным фильмом, который принес его создателю известность, была кинокомедия «Трактористы», признанная одной из лучших в советской кинематографии.

Уже шла Великая Отечественная война, когда И. А. Пырьев заканчивал съемку фильма, светлого и радостного, «Свинарка и пастух», который также вошел в золотой фонд советского кино. Чуть позже, но тоже в войну, на экранах появляется еще одна его кинокартина — «Секретарь райкома», а в послевоенное время — «Сказание о земле сибирской».

В последние годы Ивана Александровича все больше привлекает сибирская тема.

...Однажды к нему приехали гости: Игнат Владимирович Громов, бывший командир корпуса алтайских партизан, а с ним его друзья-однопольчане. Приехали с заветной мечтой: очень им хотелось увидеть фильм о том, как партизаны-алтайцы воевали, как начинали по-новому обживать освобожденную землю. Сердечно принял земляков Иван Александрович. И помог, чтобы такая кинокартина увидела свет. Он нашел сценариста, который хорошо знал сибирский край, подобрал режиссера, актеров. Называлась та картина «Хлеб и розы». Но собственное кинопроизведение, посвященное родному Алтаю, хотя задумка эта и не покидала Ивана Александровича Пырьева всю жизнь, ему так и не посчастливилось создать.

Виктория ДУБРОВСКАЯ

ПЕРВАЯ КНИГА ПРОЗЫ

Опубликованные под одной обложкой повести В. Верютина «Золотая медаль» и «Расторжение»*, обладают несомненными чертами сходства, хотя их художественные достоинства далеко не равноценны. Эту общность я бы определила как интерес молодого писателя к человеческому поступку, прежде всего к его нравственному аспекту. Главные конфликты той и другой повести развиваются по сути дела из одного-единственного поступка. В «Золотой медали» это обстоятельство лежит что называется на поверхности. В «Главе главной» учительница предложила ученику исправить ошибку в уже проверенном ею сочинении: «Я сама — понимаешь? Сама решила на такое, потому что ты, Иванов, лучший ученик школы, самый твердый кандидат в золотые медалисты. А эта нелепость могла непоправимо погубить все. Ты понимаешь меня, Иванов?»

Иванов исправляет злополучную ошибку, и этот поступок определяет всю последующую нравственную атмосферу повести. Судьба же героя оказывается в жесткой зависимости от этого оказавшегося опрометчивым, поступка.

В «Расторжении» все сложнее, однако во время суда, который расторгнул брак Матвея и Марины, героиня говорит, имея в виду самое начало своей семейной жизни: «Случилось так, что перед человеком стоял бы выбор — жизнь или смерть, — он, вероятно, внимательней присмотрелся бы к предстоящему шагу и сумел уклониться от опрометчивости». То есть речь идет тоже о поступке,

важность которого несомненна. В отмеченном сходстве двух повестей видится единство художественного поиска автора, его нацеленность на определенный круг проблем, в первую очередь моральных.

В повести «Расторжение» В. Верютина волнует «мысль семейная» — рискнем воспользоваться именно этим выражением. И в первую очередь хочется отметить, что автору удалось избежать соблазна чересчур легкого разрешения проблемы, как это нередко бывает в такого рода повествованиях, когда писатель, особенно молодой, стремится, что называется, пальцем указать правых и виноватых, заклеить одних и посочувствовать другим. Однако то обстоятельство, что автор не осуждает явно ни одну из сторон, имеет и другой аспект, он довольно холодно, я бы сказала как-то объективистски относится к героям романа — Матвею и Марине. Не потому ли они и не то чтобы хорошие, но и не плохие, и от этого не живые, а... никакие, сливающиеся с общим фоном повести. На первом ее плане не бывшие супруги, а старик Тимохин, отец Матвея. Ему, единственному, дано активно относиться к расторжению. Он пытается что-нибудь понять в сложившейся ситуации, и он же носитель народной морали — очень в принципе простой, но она-то и оказывается в данной ситуации самой гуманной: «Дитѐ! — с новой силой затосковал старик Тимохин. — Про все, вижу, подумали: про любовь, про себя, про квартиру... А про него?» Старик Тимохин, вопреки всем правилам и установлениям, увозит ребенка к себе. «Хоть плачь, а воруй», — объясняет дед свой поступок, видя в нем жестокую необходи-

мость. Старик Тимохин главная фигура и в сюжете. Его попытки понять, что же произошло, не примирить, «уладить, пригладить», а найти причину непоправимого разлада в семье его сына, вовлекает в круг действия самых разных людей. Это старый инженер Петр Фомич, личная жизнь которого сложилась драматически, его молодой сосед; начальница цеха, где работает Марина, заведующая садиком, некто «привядший», чья жизненная философия примитивна до пошлости, бывший односельчанин Тимохина — Егорша, у которого свои нелады и заботы. Никто ничего старику Тимохину объяснить не может, даже те, кто так же пережил крушение семьи. Воистину «все несчастливые семьи — несчастливы по-своему», приходится вернуться к этой толстовской мысли, чтобы сказать, что неуспех усилий старика — закономерен. Тем не менее, не упрощая системы человеческих отношений, автор все-таки предполагает некоторые причины, которые сформулировал судья и давно подозревал, на свой, конечно, лад старик Тимохин. С одной стороны, он во время встречи с Егоршей вдруг начинает думать, что жизнь Матвея не сложилась оттого, что он выехал из деревни и не сумел прижиться в городе. Однако этот момент, совершенно очевидный в судьбе Егорши, не прояснен в жизни Матвея. Может быть и так, а может и нет, повесть не отвечает на этот вопрос. Гораздо более основательная другая причина. Это, как выразился судья, «духовная неоднозначность» (заметим в скобках, что это не совсем правильное в смысле стилистики выражение, так же как не совсем точна предлагаемая Мариной формула «психологическая несовместимость»). Речь, видимо, идет о том, что под одной фамилией, супругами, оказались люди, совершенно по-разному представляющие суть семейных отношений. Для Матвея семья нечто предельно заземленное, не требующее сколько-нибудь серьезных душевных затрат. К работе он относится по-другому, Матвей — шофер хлебозовки и прежде всего потому, что ему «грустно без запаха хлеба». То есть его натуре свойственно и поэтическое отношение к некоторым вещам, однако это, судя по всему, за пределами семейной жизни. У Марины иное отношение к семье. Ее не устраивает «бескрылость» Матвея. «Я не хочу, чтобы меня только потребляли», — говорит она на суде. Трудно не согласиться с нею, однако у Марины, инженера и воспитанницы детского дома,

* В. Верютин. Расторжение. Алтайское книжное издательство, 1977.

очень псе-таки механистическое представление о семье. Она точно знает, какой семьей она не хочет, однако положительная ее программа весьма неопределенна. Кроме того, Марина очень сухой человек, особенно проигрывает она рядом со стариком Тимохиным. Причиной может быть и то, что Марина была, по сути дела, лишена семейного воспитания. И здесь возникает мысль о возможности своего рода «бумеранга». Ее ребенок тоже может оказаться вне семьи. Это очень хорошо понимает старик Тимохин, когда произносит свое заветное государственное суждение: «Главное, почитай, дело — человека родить, разум ему дать, силу, род продолжить. А как оно, главное дело, делается? Хочу — сойдуся — разойдусь, никто мне не указ, потому как — личная жизнь!.. А кто потом, спрошу я, с безотцовщиной мается: отдельные граждане, или целая наша держава». Таким образом, мир личных отношений и государственных интересов в сознании старика Тимохина отчетливо сопрягается, нравственная проблематика перерастает в социальную. Именно с позицией старика Тимохина и солидаризируется автор. Те задачи, которые поставил перед собой, создавая повесть В. Верютин, определили и жанровые особенности «Рассторжения». Скорее всего это повествование социально-психологическое, где проблемы нравственно-социальные выдвинуты на первый план, подробностей же духовной жизни отдельной личности отодвинуты на периферию повествования.

В «Золотой медали», поднимая проблему становления характера молодого человека, вчерашнего школьника, Верютин стремится сосредоточить внимание как раз на переживаниях отдельной личности. В связи с этим писатель прибегает и к соответствующим, (кстати, слишком явно соответствующим) приемам исповеди, внутреннему монологу. Форма повести в связи с этим более субъективирована, чем в той, о которой речь шла выше. Раньше я уже сказала о сходстве моральных конфликтов: и там и там речь идет об ответственности человека за свой поступок. Но если в «Рассторжении» автор не ставит точек над «и» ни в толковании отдельных характеров, ни ситуаций, то каждый характер «Золотой медали» исчерпывается

в рамках повести. Андрей Иванов не сумел внутренне примириться с той ложью, что была накануне его самостоятельной жизни, сдал снова экзамены, за которые некогда получил золотую медаль, и стал агрономом, продолжая таким образом дело отца. Такой финал несколько неожидан, но дело, собственно, не в этом. Поведение Андрея вначале, когда он исправил злополучную ошибку, (в слове «борющийся») как-то психологически оправдано. А вот к завершающему моральному триумфу автор привел его чересчур поспешно, спрямляя жизненный путь, и тем самым обедняя личность героя повести. Причем автор явно не хотел выравнивать этот путь, так не хотел, что обрушил на Андрея Иванова в дни его выхода во взрослую жизнь (помимо его тайной вины) массу несчастий и неожиданностей: здесь и разрыв с Юлькой, совершенно неожиданная, потрясшая мальчика смерть отца, известие, что брак отца с матерью Андрея — второй (мир семейных отношений, казавшийся юноше идеальным, открылся с другой, драматической, стороны). Споры нет, в жизни бывают еще более жестокие нагромождения несчастий. Однако для такого рода оборотов в художественном произведении должны быть достаточно веские основания. В. Верютин, создавая образ главного героя, внес в его жизнь многие компоненты, которые по его мнению должны были умудрить и облагородить героя. Однако, как же человек из податливого и непоследовательного стал нравственным максималистом? Эта главная метаморфоза героя не очень убедительно обоснована. При таком итоге кажется неоправданной несколько усложненная форма. (Любопытно, что особенности формы специально оговорены в издательской аннотации, видать, чтобы облегчить путь повести к читательскому воображению.) Сразу скажу, что я не сторонник той простоты в литературе, что, как известно, «хуже воровства». Более того, всегда радует уровень литературной провешенности молодых наших авторов, который растет день ото дня. Но бывает так, что избранная писателем форма, как вериги, то усилие, с которым он несет их, очевидно в каждой клеточке художественного произведения. Обратим внимание хотя бы на то,

как названы главы: самая первая, это, конечно, глава начальная, та, где завязка — «Глава главная». Трудно не заметить юношеской претенциозности этих названий, так же, как и главы об экзаменах, «Самой короткой». Действительно эта глава самая короткая, в ней десять строк. А вот у Артема Веселого в «Гуляй Богге» двадцать четвертая глава всего из одного слова: «Плыли». А в «Сумасшедшем корабле» Ольги Форш даже не главы, а «волны» — первая, вторая и т. д. Это я вспоминаю к тому, что прием-то в принципе уже отработан «большой» литературой. Так же как рационально сконструированная композиция с симметричным расположением материала: начало главы — отрывок письма к учительнице, вслед за ним ассоциативно возникшее развернутое воспоминание. Рискуно предположить, что эта «геометричность» избранной писателем формы сковала его возможности в исследовании характера своих героев. Наконец, экстравагантность художественной формы сегодня просто анахронизм. Сошлюсь на суждения об этом замечательного советского поэта Арсения Тарковского: «Время острых углов», слишком экспрессивных литературных приемов миновало... Гармоничность художественного произведения становится непременным условием его ценности». Кроме вышесказанного, повесть представляется слишком перенаселенной. Есть такие персонажи существование которых не мотивировано. Например, священник, явно похожий на попа из щукшинского «Верую!». Автор прибегнул к этому образу, чтобы сказать о всеобщем признании заслуг отца Андрея Иванова, но это не отменяет принципиальной необязательности названного персонажа. Собственно говоря, отношение Верютина к жизни в «Золотой медали» полностью совпадает с уровнем ее восприятия главным героем повести. Оттого многие страницы ее дышат подлинностью ощущений. Но по этой же причине повесть кажется менее зрелой в художественном отношении, чем то же самое «Рассторжение».

В заключение хочется сказать, что первая книга молодого прозаика Валерия Верютина удалась. Повести читаются с интересом, и проблемы поднятые в них, зовут к полезным раздумьям.

Юрий СОРОКИН

СЛОВО О МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКАХ

Алтайский зритель не мог не запомнить цикл иллюстраций к «Кандиду» Вольтера, ряд офортных работ, показанных Татьяной Ашкинази на IV краевой выставке «Молодых художников». Ее новые серии «По блоковским местам» и «Мой современник» имели заслуженный успех на республиканской и всесоюзной молодежной выставках.

Карандашный рисунок или офорт не имеют такого ударного экспозиционного звучания, как например, монументальная роспись, плакат, скульптурная композиция или яркое живописное полотно. Рисунок и офорт — жанр камерный, интимный, по преимуществу интеллектуальный. И если уж среди сотни черно-белых, неброских по размеру и светосиле листов вы выделяете для себя три работы и останавливаетесь перед ними — это не случайно. Не случайно потому, что работы эти отличаются интересной композицией, великолепной карандашной техникой, собранностью, внутренней динамикой. Но главное все же не в этом; последние работы Татьяны Ашкинази несут в себе лиризм, поэтическое мировидение. Сегодня художница, видимо, в той удивительной, долгожданной поре, когда неожиданно приходит уверенность в себе, когда суть вещей начинает обретать строгую ясность, когда уже умеешь отказаться от формального, второстепенного, увидеть мир в его большой и мудрой простоте.

Монументальное — значит вдохновенное. Это требование к искусству ансамблей и интерьеров, площадей и сложных архитектурных образований сегодня очень актуально. Современный город уже немалым без участия художников-монументалистов.

Выпускники Ленинградского художественного института имени Мухомовой Ольги и Георгия Алексеевы два года живут и работают в нашем городе. За это время сделано немало: два мозаичных панно для проходной комбината химволокон, проект площади героев перед моторным заводом (рекомендован республиканским монументальным советом к исполнению), проект декоративного оформления комплекса общежитий Алтайского сельскохозяйственного института, участие во Всероссийской молодежной выставке.

В мастерской молодых авторов проекты, макеты, композиционные варианты, отмывки; металл и пластик; идут пробы, эксперименты.

Сейчас художники работают над эскизами игровой комнаты для Дворца культуры химиков, интерьером ресторана гостиницы «Обь» и другими объектами.

К каждой из этих тем молодые авторы подходят очень индивидуально. В арсенале их выразительных средств и развития геометрическая пластика, и сложная метафора, и по-настоящему глубокое понимание возможностей цвета в среде, и тонкое чувство фактуры материала. Главнейшим достоинством молодых монументалистов представляется высокая культура в целом, знание законов формируемой среды.

Молодые авторы работают много, самоотверженно, увлеченно. Поэтому можно без преувеличения сказать, что с таким талантливым пополнением в монументальном искусстве края скоро наступит решительный перелом, придет конец «периферийности» этого жанра.

Очень теплое чувство вызывают графические листы участника республиканской молодежной выставки бийчанина Виктора Хвостенко. Особенно полюбили зрителю его работы, посвященные детям. Его маленькие хоккеисты необыкновенно азартны. Художник очень хорошо увидел и прочувствовал спортивную ситуацию, верно передал их в своих работах.

Виктор Хвостенко смотрит на детей глазами старшего друга, любит их, по-доброму чуть иронизирует. В листах очень остро схвачены состояние момента двух времен. Да, это ребяташки конца семидесятых годов, развитые, уверенные в себе, жизнерадостные. Несколько по-иному он показывает их в своей «больничной» серии. Здесь тот же добрый юмор, но с большей долей сочувствия к маленькому человеку.

Чувствуется, что художник хорошо знает и любит графику Сойфертиса и Шеглова, в некоторых работах находится под прямым влиянием этих мастеров. Художнику еще предстоит пайти свой стиль, свою неповторимую линию, свое дыхание, верится, что он его обязательно найдет.

Недавно в клубе вагоностроительного завода состоялась персональная выставка преподавателя Новоалтайского художественного училища Александра Ботева.

Т. Ашкинази. Иллюстрации к басням И. Крылова.

Молодой одаренный живописец совсем неплохо выглядел для такой ответственной премьеры. Очень крепкий материал художник привез из последней поездки на творческую дачу.

Ботев пишет пейзаж, портрет, много и серьезно работает в жанровой композиции и, судя по всему, именно здесь он может добиться наибольшего успеха.

Совсем недавно Ботев вместе с Ашкинази, Хвостенко, Володичевым, Смирновым и Лобановой был принят в молодежное объединение при Союзе художников РСФСР. Молодые художники края имеют свою организацию, свое правление, свой выставком, на собраниях молодежной группы проходят обсуждения творческих проблем, проводится анализ выставок. Молодость является счастливейшим временем творческого поиска.

Общезвестно, что наивысший КПД творческих возможностей приходится на первую половину жизни человека, на молодость. В молодые годы совершаются наиболее поразительные открытия, находки, величайшие творческие озарения и удачи. Нашим молодым художникам не лишним было бы напомнить, что в 22 года Валентин Серов уже написал «Девочку с персиками». В возрасте наших «молодых» Ренни был уже автором «Бурлаков», а Менделеев открыл свою знаменитую периодическую систему элементов...

Мы не ставим здесь задачи раскрыть все многообразие, все особенности специфики современного молодежного творчества, осветить достижения в каждом из жанров, видов изобразительного искусства. Видимо, уместнее была бы попытка разобраться, в чем отличие творческого мироощущения сегодняшних молодых авторов от того, что было, например, два десятка лет назад.

В работах последнего времени все острее интерес к проблеме технического мастерства, формы, и решается эта проблема не без доли эстетства. Однако в наиболее удачных попытках решения современной социальной темы — являя тенденция «пелобового», нерепортажного хода. Удачи здесь еще редки, но сам принцип подхода к созданию художественного произведения радует.

Поиск своего носит характер подлинно творческого отношения, высокой бескомпромиссности.

В наше время процесс формирования личности необыкновенно усложняется обилием информации, огромным количеством впечатлений.

Репродукции, специальные издания, журналы, радио- и телепередачи, многообразие художественных направлений и школ, стилевых течений, резко возросшая коммуникабельность затрудняет поиск своего метода, ошеломляет.

Сегодня уже невозможно писать так, как писали

десять — двадцать лет назад. Найти свои краски, свои образы, сказать свое слово — цель каждого молодого автора.

...В жанре натюрморта особенно много работают молодые живописцы Юрий Чулюков и Владимир Прохода. Натюрморт всегда таит в себе большие возможности для самовыражения, отношения автора ко всему, что его окружает.

В творчестве В. Проходы остро чувствуется стремление к обновлению средств художественной выразительности, активный поиск цвета, формы, а выбор сюжета в общем пока еще не играет для него главной роли. Художник решает проблемы формы и содержания последовательно, в развитии, и это его право.

В большой степени это относится и к живописным принципам Ю. Чулюкова.

Много внимания молодой художник уделяет эксперименту, проблеме цвета, старается определить свою манеру, свой почерк.

Могут быть спорными его живописные представления, но совершенно бесспорно то, что это искренний поиск, без эпингонства, без подражания, без расчета на легкий успех.

Таким же серьезным и целенаправленным является поиск Владимира Терещенко. У молодого автора есть главное, необходимое для живописца качество — упорство. Месяцами он может решать раз взятую тему, медленно, но упорно, добиваясь своего, а это уже немало.

Очень обещающим представляется творчество Тамары Ласковой.

Неизменным успехом пользуется на выставках работы художниц Ларисы Пастушковой и Валентины Лобановой. Керамика и гобелены этих молодых авторов могли бы очень украсить современный интерьер.

Совсем недавно в выставочном зале Союза художников состоялась отчетная выставка работ студентов Новоалтайского художественного училища. Выставка эта сразу же оказалась в центре внима-

ния общественности края и Союза художников и это не случайно.

Художественно-производственные мастерские Алтайского отделения Союза художников регулярно пополняются его выпускниками. Второй год работает в области художественного оформления дизайнер Владимир Каминский, для большинства его производственных работ характерны высокий профессионализм, подлинный артистизм.

Мы сегодня не представляем нашу жизнь без активного вмешательства художника, все что окружает нас носит печать его труда. Наши праздники, труд и быт, цех и дом — во всем этом есть участие специалиста оформителя.

Последние выставки работ молодых художников-оформителей показывают, что в этой области у нас есть грамотные, способные люди. Безусловно, наша местная дизайнерская оформительская традиция еще только зарождается, в работах молодых еще немало эклектики, подражательности. Возможно, еще не скоро наступит то время, когда у нас в Сибири, на Алтае, появятся образцы стиливой оформительской грамоты, школы подобной, например, прибалтийской, но это обязательно будет. Приметы этого во всем.

Если вам понравилась экспозиция ВДНХ, если на улице ваше внимание привлеч яркий рекламный щит, если где-то в вестибюле общественного здания вы увидели образец оригинального и смелого оформления — вполне возможно, что это сделали молодые художники — выпускники Новоалтайского художественного училища Валерий Октябрь и Надежда Фролова, Владимир Скулов и Николай Мингалев.

Творчество молодых художников — вопрос очень объемный, и здесь, конечно, как и в другой области искусства немало своих сложностей. Путь к совершенству — кропотливая повседневная работа. Без нее ничего не достигнешь. Художником можно стать только при условии глубокого знания жизни, понимания ведущих тенденций времени, высокой требовательности к себе.

ПРАВДИВОСТЬ, ЯРКОСТЬ, ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА СИДОРОВА

На любой встрече с юными читателями в городах и селах нашего края достаточно назвать имя этого писателя, как оживятся лица, заблестят глазенки: — Виктор Сidorов?.. Как же! Читали! Так интересно!

Но книги писателя знают и любят не только на Алтае.

«Я пишу это письмо от имени своих учеников, которые очень любят «Повесть о красном орленке» и другие произведения этого писателя. Ребята ценят их за правдивость, яркость, занимательность, хорошее знание жизни».

Такое письмо прислала учительница Евгения Семеновна Попова из Барабинска.

А вот другой отзыв, несколько наивный, но, надо думать, не менее дорогой автору.

«Добрый день, многоуважаемый Виктор Степанович!

С горячим приветом к Вам незнакомая девочка.

Живу я в селе Тоболино, Чимкентской области. Зовут меня Баллардт Нина. Мне четырнадцать лет. Учусь в восьмом классе. Я прочитала Вашу «Повесть о красном орленке». Книга мне очень понравилась. Я хотела бы узнать историю ее написания. Мой брат Саша читал ее четыре раза, а некоторые места знает наизусть. Я прочитала ее и своим родителям...»

Буквально сотни писем получил от читателей алтайский прозаик. На конвертах самые различные обратные адреса — Горно-Алтайск, Онгудай, Шибалино, Усть-Кан, Бийск, Рубцовск, Смоленское, Завьялово, Тюменцево, Змеиногорск, Локоть, Ребриха. И более далекие — Хабаровск, Свердловск, Донецк, Харьков, Симферополь, Минск, Гродно...

Да, Виктор Сidorов принадлежит к числу тех литераторов, о которых с уважением говорят: он нашел путь к сердцам читателей.

Но произошло это не сразу...

Виктор Сidorов родился 22 июня 1927 года в г. Уссурийске, в семье рабочего-железнодорожника. В 1936 году родители переехали в Барнаул. Детство Виктора сложилось нелегко. Он серьезно заболел, и врачи направили его в Крым, в специализированный санаторий. Одним летним безоблачным днем прикованные к постелям дети услышали злые, торопливые выстрелы. Над спокойным синим морем, в спокойной силеве неба появились фашистские стервятники. «Дети!.. Милые мои!.. Война!..» Голос вбежавшей на веранду няни прерывался от рыданий.

Так ворвалась война в жизнь подростка. Трудным и опасным был обратный путь в Сибирь под частыми бомбежками. Лечение пришлось завершать дома в посуровевшем Барнауле.

В 1947 году Виктор Сidorов поступил слесарем на Барнаульский меланжевый комбинат.

Сибирский поэт Илья Мухачев сказал однажды: «Поэзии нужна не сладость, поэзии нужнее соль». Поэтическое творчество часто рождается необходимостью поделиться пережитым. Отсюда, наверное, и первые стихи Виктора Сidorова. Они получались в основном подражательными. Однако порой прорывалось что-то свое: о трудном детстве военной поры, об отце — рабочем-железнодорожнике, о своем городе Барнауле.

В многотиражной газете «Красный текстильщик» стали появляться сначала заметки рабкора В. Сidorова, потом его стихи, статьи, фельетоны. Одновременно стихи, статьи и очерки Виктора Сidorова публикуются в «Алтайской правде», в альманахе «Алтай», звучат в передачах местного радио.

В пятидесятых годах, перейдя на газетную работу, Виктор Степанович берется за создание повести «Тайна белого камня». Фабула ее замыкается путешествием школьников по следам партизанского отряда, трагически погибшего в борьбе с колчаковцами. Ребятам удается обнаружить важные парти-

занские документы, узнать имя героя, похороненного в безвестной могиле на берегу Оби, даже разоблачить провокатора, который навел партизан на вражескую засаду.

Конечно, первая повесть прозаика была несовершенно. Давали себя знать некоторая традиционность фабульного построения, излишняя прямолинейность, ограниченность языковых средств. Но, наряду с этим, в повести ощущалась любовь к детям, умение проникнуть в их психологию, создать характеры. Эти качества еще более ошутимо проявились во второй повести Виктора Сидорова — «Федька Сыч теряет кличку».

Идут годы упорной работы и учебы. Виктор Степанович задумывает новую историко-революционную повесть. Он тщательно изучает материалы и документы, ездит по местам партизанских боев, беседует с ветеранами гражданской войны. Так рождается «Повесть о красном орленке». Она вышла в свет в 1965 году. Главный герой повести Артем Карев вобрал в себя черты прославленного партизанского разведчика Киры Баева и подобных ему юных бойцов.

Образ Артема вылеплен умело, показан в развитии. Большую школу проходит Артем в суровых боях, в опасной разведке. И в конце повести мы видим совсем не того мальчюка, с которым автор познакомил нас на первых страницах. Артем Карев предстает перед нами возмужавшим; закаленным, духовно созревшим, готовым на самопожертвование во имя будущего.

«Повесть о красном орленке» — несомненный творческий успех В. Сидорова. Повесть выдержала несколько изданий. Одно из них — в Москве, в издательстве «Детская литература». За эту книгу Виктор Сидоров удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола Алтая.

В 1971 году вышла повесть Виктора Сидорова «Я хочу жить». В основе произведения события, пережитые автором в детстве, в крымском санатории, в первые грозные месяцы Великой Отечественной войны. В повести выведены самые различные

детские характеры. В результате тяжелых испытаний, выпавших на долю ребят, все они, за редким исключением, сделались сильнее, тверже, крепче. А главный герой повести Саша Чеканов оказался даже способным на подвиг. Он закрыл от пуль своим телом маленького Сашу Звягина.

Совсем недавно увидела свет новая повесть Виктора Сидорова «Рука дьявола». Эта повесть тематически в какой-то мере продолжает рассказ об Артеме Кареве и его друзьях. Действие ее происходит в алтайском селе в первый год после окончательного установления Советской власти в Сибири. Автор показывает боевую, напряженную жизнь сельской комсомольской организации, ее борьбу за новую деревню.

Хочется сказать и еще об одной стороне дарования Виктора Степановича — о его рассказах. Мастерство рассказчика, как известно, одно из самых трудных. Сидоров умеет на нескольких страничках воссоздать целый отрезок жизни. Воссоздать так ярко, что успеваешь не только узнать, но и сродниться с его героями.

В первую очередь это относится к таким его рассказам как «Озеро, которого не было», «Димка-буксир», «Племяши». Здесь, как и в повестях, на вооружении автора, прежде всего, щедрая любовь к детям. Именно она помогает Виктору Сидорову проникать во внутренний мир своих героев, разгадывать их маленькие секреты и тайны.

Литературную работу Виктор Степанович постоянно сочетает с общественной. Алтайские писатели избирали его секретарем своей партийной организации. Избирался он и депутатом Барнаульского городского Совета.

Виктор Степанович Сидоров — человек беспокойный, непоседливый, ищущий. Он много ездит по краю, часто встречается в школах, в библиотеках, на предприятиях с детьми и со взрослыми. Эти творческие встречи взаимно обогащают как писателя, так и многочисленных почитателей его таланта.

МАРК ЮДАЛЕВИЧ

993414 →

04

Валерий МАРЧЕНКО. «ДАРЫ АЛТАЯ». Х.С. м. 1975 г.

**НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Н. СМЕРНОВ. ВЕЧЕР НА «КОКСОХИМЕ»». Линогравюра. 1977 г.**

**НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
О. АЛЕКСЕЕВА, Г. АЛЕКСЕЕВ. ДЕКОРАТИВНЫЙ РЕЛЬЕФ. Кованая медь.
1976 г.**

